

**СЛЕДЫ ЯВЛЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ**



**TRACES OF CHANGES AND PROCESSES
IN ARCHEOLOGICAL OBJECTS**

Институт истории материальной культуры РАН
Institute for the History of Material Culture, RAS
Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities
Северо-Кавказский федеральный университет
North Caucasian Federal University
Пятигорский краеведческий музей
Pyatigorsk Museum of Local Lore



**СЛЕДЫ ЯВЛЕНИЙ И ПРОЦЕССОВ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ**

*Материалы международной научной конференции
(Пятигорск, 8-10 апреля 2024 г.)*

Ставрополь
2024

**TRACES OF CHANGES AND PROCESSES
IN ARCHAEOLOGICAL OBJECTS**

Proceedings of the International Conference
(Pyatigorsk, April 8-10, 2024)

Stavropol
2024

УДК 902/904
ББК 63.48 (2)

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Ответственные редакторы
С.А. Яценко, Е.В. Куприянова

Рецензенты
проф. РАН, д.и.н. *А.В. Поляков* (ИИМК РАН)
чл.-корр. РАН, д.и.н. *П.Г. Гайдуков* (ИА РАН)

Следы явлений и процессов в археологических памятниках:
Материалы международной научной конференции (Пятигорск, 8-10 апреля 2024 г.) / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. – Ставрополь: Печатный двор, 2024. – 282 с.: илл.

Traces of Changes and Processes in Archaeological Objects:
Proceedings of the International Conference (Pyatigorsk, April 8-10, 2024) / Ed. by S.A. Yatsenko, E.V. Kupriyanova. – Stavropol: Pechatnyi dvor, 2024. – 282 pp.: ill.

ISBN 978-5-6050599-7-4

В сборнике публикуются материалы докладов одноименной конференции, пятой в серии проводимых в разных городах учеными бывшего СССР. Она была посвящена малоизученным аспектам древних некрополей, а также следам различных процессов и явлений в археологии, связанных с нею естественнонаучных дисциплинах и в этнологии. В статьях, преимущественно аналитического характера, предложены новые подходы к изучению артефатов, сооружений и различных проявлений обрядности.

Сборник предназначен для археологов, этнологов, религиоведов и широкого круга гуманитариев.

УДК 902/904
ББК 63.48 (2)

ISBN 978-5-6050599-7-4

- © Институт истории материальной культуры РАН, 2024
- © Российский государственный гуманитарный университет, 2024
- © Северо-Кавказский федеральный университет, 2024
- © Пятигорский краеведческий музей, 2024
- © Авторский коллектив, 2024
- © Печатный двор, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Яценко С.А.</i>)	12
<i>Алтынбеков К.К., Алтынбекова Э.К.</i>	
Глиняный декор дворца: консервация и реставрация резьбы по сырой глине из цитадели средневекового городища Кулан	13
<i>Бедельбаева М.В., Рогожинский А.Е., Новоженев В.А., Калдыбаева Г.А.</i>	
Петроглифы-символы как индикатор межкультурных контактов в древности и средневековье (по новым материалам из Северного Прибалхашья и Бетпакдалы)	25
<i>Берсенева Н.А., Маргарян К.Г.</i>	
Предметы культа в погребениях ранних кочевников Южного Урала: критерии и контекст	41
<i>Денисенко В.Л.</i>	
Кушаны в Малом Тибете	47
<i>Каверин С.И., Шмелев А.З.</i>	
<i>Эволюция погребальных памятников горцев Восточного Афганистана XIX–XXI вв.</i>	55
<i>Килуновская М.Е., Леус П.М.</i>	
Инокультурные инфильтрации в эпохи бронзы и раннего железа в Туве	69
<i>Климова А.Д.</i>	
Форма и орнаментация глиняной посуды как источник изучения истории Алакульского могильника	78
<i>Ковалев А.А., Идэрхангай Т.-О.</i>	
Ритуальные катакомбы жужаньского времени в кургане Дзулуунгийн ам 1: продолжение многовековой традиции общества ранних кочевников Монголии	91
<i>Куприянова Е.В.</i>	
Следы обрядов и ритуалов на зольниках бронзового века в Южном Зауралье	98
<i>Прокопенко Ю.А.</i>	
Захоронения коней в погребальной практике населения скифского времени Северного Кавказа как отражение древнейшей индоевропейской мифологической традиции	106
Южного Урала	
<i>Рафикова Я.В.</i>	

«Поза объятий» в парных погребениях западноалакульской и кожумбердынской культурных групп эпохи поздней бронзы Южного Урала	114
<i>Савельев Н.С.</i>	
Этнографические группы элиты ранних кочевников Южного Урала по данным могильника Филипповка	125
<i>Савенко С.Н.</i>	
К вопросу о символизации предметов инвентаря и обряде вторичных погребений в позднеаланских катакомбных захоронениях Центрального Предкавказья	134
<i>Семёнов А.В.</i>	
Новые находки атипичных предметов в составе погребального инвентаря поздне-скифского времени Тувы: результат конвергентного развития или следы межкультурных контактов	145
<i>Сиротин С.В., Богачук Д.С., Окороков К.С.</i>	
Предкавказские и донские параллели в уздечных наборах из курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» в Южном Приуралье	155
<i>Степанова Ю.В.</i>	
Некрополи XIV-XVII вв. как маркеры сельского расселения в Верхневолжье	169
<i>Суханов Е.В.</i>	
Новые экспериментальные данные об устойчивости навыков создания форм глиняных сосудов и перспективы их применения для исследования керамики из археологических памятников	177
<i>Таиров А.Д.</i>	
Курган Шихан (Уба-Тау): сооружение и разрушение	187
<i>Усманова Э.Р., Дмитриев Е.А., Паршин Ю.В., Панюшкина И.П.</i>	
Вещь-знак в «ландшафте смерти» погребального обряда Улуса Джучи (по материалам раскопок комплекса Карасуыр в Улытау, Центральный Казахстан)	197
<i>Учанева Е.Н., Малютина А.А., Бусова В.С.</i>	
Посмертные трепанации черепа в тесинское и таштыкское время (Минусинская котловина)	216
<i>Файзуллин А.А.</i>	
К вопросу о необходимости изучения рвов в курганах ямной культуры	224
<i>Ханутина З.В., Христановский В.А., Яценко С.А.</i>	
Позднеантичные святилища на Илуратском плато	233

<i>Черных Е.М., Перевозчикова С.А.</i>	
Намеренная порча предметов в погребальном обряде удмуртов XVIII–XIX вв.: забота об умершем или магия?	247
<i>Шестопалова Э.Ю.</i>	
Анализ погребальных сооружений алан средневековья	264
<i>Щербаков Н.Б., Шутелева И.А.</i>	
Темпоральность ландшафтов погребальных комплексов позднего бронзового века по материалам курганных могильников вокруг д. Усманово (Казбурун)	273
Список сокращений	281

Content

Preface (<i>Yatsenko S.A.</i>)	12
<i>Altynbekov K.K., Altynbekova E.K.</i>	
Clay Decor of Palace: the Conservation and Restoration of Wet Clay Carving from the Citadel of Medieval Kulan Hillfort	13
<i>Bedelbaeva M.V., Rogozhinskii A.E., Novozhenov V.A., Kaldybaeva G.A.</i>	
Petroglyphs-Symbols as an Indicator of Intercultural Contacts in Antiquity and the Middle Ages (Based on New Materials from the Northern Balkhash Region and Betpakdala)	25
<i>Berseneva N.A., Margaryan K.G.</i>	
Objects of Worship in the Burials of Early Nomads of the Southern Urals: Criteria and Context	41
<i>Denisenko V.L.</i>	
Kushans in Small Tibet	47
<i>Kaverin S.I., Shmelev A.Z.</i>	
Evolution of the Burial Monuments of the Highlanders of Eastern Afghanistan of the 19th-21th cc.	55
<i>Kilunovskaya M.E., Leus P.M.</i>	
Foreign Cultural Infiltrations in the Bronze Age and Early Iron Age Tuva	69
<i>Klimova A.D.</i>	
The Shape and Ornamentation of Pottery as a Source for Studying the History of the Alakul Burial Ground	78
<i>Kovalev A.A., Iderkhangai T.-O.</i>	
Ritual Catacombs of the Zhuzhan Period in the Dzulungiin am 1 Mound: Continuation of the Centuries-Old Tradition of the Society of Early Nomads of Mongolia	91
<i>Kupriyanova E.V.</i>	
Traces of Rites and Rituals on the Ash Hills of the Bronze Age in Southern Trans-Urals	98
<i>Prokopenko Yu.A.</i>	
Horse Burials in the Burial Practice of the Scythian Time Population of North Caucasus as a Reflection of the Oldest Indo-European Mythological Tradition	106
<i>Rafikova Ya.V.</i>	
"Embrace Pose" in the Paired Burials of the West Alakul and Kozhumberdy Cultural Groups of the Late Bronze Age of Southern Urals	114

<i>Saveliev N.S.</i>	
Ethnographic Groups of the Elite of Early Nomads of the Southern Urals after Filippovka Burial Ground Materilas	125
<i>Savenko S.N.</i>	
On the Problem of Symbolization of Artifacts and the Rites of Secondary Burials in the Late Alanian Catacomb Graves of the Central Caucasus	134
<i>Semenov A.V.</i>	
New Finds of Atypical Objects in the Burial Sets of the Late Scythian Period of Tuva: the Result of Convergent Development or Traces of Intercultural Contacts	145
<i>Sirotin S.V., Bogachuk D.S., Okorokov K. S.</i>	
Pre-Caucasian and Don Parallels in Horse Harness Sets from the Barrow of Vysokaya Mogila – Studenikin Mar Burial Ground in the Southern Urals	155
<i>Stepanova Yu.V.</i>	
Necropolises of the 14 th -17 th as Markers of Rural Settlement in the Upper Volga Region	169
<i>Sukhanov E.V.</i>	
New Experimental Data on the Stability of Skills in Creating Clay Vessel Shapes and Prospects for their Application for the Study of Ceramics from Archaeological Sites	
<i>Tairov A.D.</i>	
Shikhan (Uba-Tau) Barrow: Construction and Destruction	187
<i>Usmanova E.R., Dmitriev E.A., Parshin Yu.V., Panyushkina I.P.</i>	
The Artifact-Sign in the "Landscape of Death" of the Funeral Rite of the Ulus of Jochi (Based on the Materials of the Excavations of the Karasuyr Complex in Ulytau, Central Kazakhstan)	197
<i>Uchaneva E.N., Malyutina A.A., Busova V.S.</i>	
Postmortem Skull Trepanations in the Tesino and Tashtyk Times (Minusinsk Valley)	216
<i>Faizullin A.A.</i>	
On the Need to Ttudy Ditches in the Barrows of the Yamnaya Culture	224
<i>Khanutina Z.V., Hrshanovsky V.A., Yatsenko S.A.</i>	
Sanctuaries of the Late Antiquity in Ilurat Plateau	233
<i>Chernykh E.M., Perevozchikova S.A.</i>	
Intentional Damage of Objects in the Funeral Rite of Udmurts of the 18 th -19 th cc.: Caring for the Dead or Magic?	247
<i>Shestopalova E.Yu.</i>	
Analysis of the Burial Structures of Alans of the Middle Ages	264

Shcherbakov N.B., Shuteleva I.A.

The Temporality of landscapes of Burial Complexes of the Late Bronze Age
based on the Materials of Burial Cemeteries around Usmanovo (Kazburun)
Village 273

List of Abbreviations 281

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Перед Вами сборник статей на основе докладов, прочитанных на международной археологической конференции «Следы явлений и процессов в археологических памятниках» в Пятигорском краеведческом музее 8-10 апреля 2024 г. (Пятигорск). Это уже пятое научное мероприятие в серии задуманных коллективом коллег из разных городов России, посвященных различным нестандартным подходам в изучению древних некрополей. Первая конференция («Археология древних ограблений и символических захоронений») состоялась в Челябинском университете в январе 2015 г. Вторая («Древние некрополи: погребально-поминальная обрядность, погребальная архитектура и планировка некрополей») была организована в Санкт-Петербурге в Институте истории материальной культуры РАН в ноябре 2016 г. Третья («Мужской и женский мир в отражении археологии») проходила в ноябре 2018 г. в Уфе. Четвертая («Вещь в контексте погребального обряда») состоялась в январе 2020 г. в Москве, в РГГУ. Работа конференций сейчас продолжена после перерыва, связанного с эпидемией COVID-19.

В ходе работе 5-й конференции Оргкомитет отдал предпочтение в тематике докладов аналитическим сюжетам, содержащим как интересные обобщения по отдельным типам артефактов и сооружений и их взаимосвязи, так и технологическую экспертизу. Материал сборника скомпанован по алфавитному принципу. Много внимания уделено разным аспектам погребальной обрядности. Здесь хронологически представлены материалы от бронзового века до средневековья; отдельный тематический блок составили наблюдения по естественнонаучным методам, реставрации и в контексте этнологии. Большую помощь в подготовке издания оказала Е.В. Куприянова. Эмблема конференции, размещенная на обложке, была сгенерирована В.С. Бусовой с помощью искусственного интеллекта по ассоциациям с ее названием. Другое изображение в начале сборника – кушанский петроглиф в верховьях р. Инд – предоставлен В.Л. Денисенко.

Мы ждем от Вас предложений по уточнению тематики следующих конференций. Ближайший научный форум запланирован в г. Владикавказ.

С.А. Яценко.

Глиняный декор дворца: консервация и реставрация резьбы по сырой глине из цитадели средневекового городища Кулан

К. Алтынбеков К., Алтынбекова Э.К.¹
Научно-реставрационная лаборатория ТОО «Остров Крым»,
Алматы, tengri05@mail.ru; elina.altyn@gmail.com

Город, проживший полтысячелетия, и забытый на 8 веков – Кулан. Городище Кулан расположено на юге Казахстана, на одном из маршрутов Великого Шёлкового пути, в 100 километрах в восточном направлении от современного города Тараз. Кулан известен по письменным источникам с начала VIII века, а по археологическим данным может датироваться с VII века вплоть до начала XIII века. Китайский паломник Сюаньцзан бывал здесь в 730 году. Арабские авторы не раз упоминают Кулан в период с VIII по XIII века, и называют его богатым селением, и приятным городком [1 с. 219]. В 2014 году Кулан вошёл в список всемирного культурного наследия ЮНЕСКО как один из компонентов объекта «Шёлковый путь: сеть маршрутов Чанъань – Тянь-Шанского коридора».

Изучение Кулана археологами началось в 1936 году во время раскопок под руководством А.Н. Бернштама. После он был исследован в рамках Семиреченской археологической экспедиции АН КазССР в 1963-1965 годах, в ходе которой и были установлены временные рамки жизни города [2 с. 36; 1 с. 219]. В 2015 году исследование цитадели Кулана было начато ТОО «Казахский научно-исследовательский институт культуры» МКС РК, и раскопки продолжились в 2017-2018 годах под руководством К. Байпакова, С.Ш. Акылбека [3 с. 11]. Согласно выводам археологов, Кулан состоял из традиционных трёх частей – — цитадели, шахристана, и окружавшего их рабада, расположенных на возвышении [1 с. 219].

Во время раскопок 2015 года, исследована цитадель, и выявлено наличие нескольких слоёв постройки. Нижний слой, по всей видимости, прослужил несколько веков, после чего его помещения были заполнены кирпичами и поверх них установлено новое здание. Одно из таких помещений представляет несомненный интерес. Археологические

© Алтынбеков К., Алтынбекова Э.К., 2024

¹ Работы выполнялись по заказу РГП «Казреставрация» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан. Благодарим С.Ш. Акылбека за любезно предоставленные фотографии.

исследования выявили множество мелких обломков резьбы по глине, некогда украшавшей стены помещения. Подобные находки то и дело встречаются в городищах того времени. Однако в описываемом помещении, датируемым VIII веком, на стенах, in-situ, сохранился довольно большой объём декоративной резьбы по сырой глине, из чего сделан вывод о культовом предназначении помещения. Само помещение имело прямоугольную форму и ориентировано углами по сторонам света с небольшими отклонениями. Площадь помещения составляла 6,6×5,7 метров, а высота сохранившихся стен достигала 2,75 метра. Упомянутая резьба сохранилась на трёх стенах помещения, и в общей сложности занимала более 11 квадратных метров. В противоположных стенах (ЮЗ и СВ) организованы арочные ниши, украшенные вокруг резьбой (рис. 1, а). Перед аркой в северо-восточной стене зафиксирован напольный очаг (рис.1, б). В центре помещения имелся ещё один очаг. Вдоль всех стен, кроме той, где зафиксирован очаг, располагались невысокие суфы [1 с. 221]. Конфигурация помещения, наличие и расположение очагов, а также богатый декор из резной глины могут говорить о назначении помещения в качестве культового, возможно, манихейского святилища [4; 5]. Такая большая площадь декоративной резьбы по глине, обнаруженная на самих стенах, а не в завалах, найдена в Казахстане впервые.

В том же 2015 году, с целью превентивной консервации, стены с резьбой были укрыты тканью, и заложены мешками с грунтом. Над самим помещением устроен навес, защищающий помещение как от атмосферных осадков, так и от проникновения посторонних. К сожалению, как показал осмотр состояния резьбы в 2017 году, по прошествии 2-х лет с момента раскопок помещения, произошло значительное ухудшение состояния резьбы на некоторых участках. Часть резьбы оказалась утрачена. Общее состояние поверхности ухудшилось, появилась пылеватость, хрупкость, осыпаемость поверхности. Разумеется, большая часть декоративной резьбы была утрачена ещё задолго до раскопок, но ухудшение состояния сохранившегося декора заставило принимать экстренные меры [6].

После вскрытия помещения в 2015 году, поверхность декоративной резьбы стала крайним слоем массива стен. Декор стал постепенно высыхать и аккумулировать в себе водорастворимые соли из глубин массива стен. Влага и соль, подтягиваемые из грунта на поверхность стали причиной разрушения декоративного слоя. В мировой практике наиболее предпочтительным является сохранение

памятника на месте, in-situ. Однако, в данном случае, это неизбежно привело бы к дальнейшему разрушению глиняной декоративной штукатурки вследствие естественных процессов, а потом и к полному её исчезновению. Предложение реставратора Крыма Алтынбекова о снятии панелей резной глины со стен было поддержано археологом Карлом Байпаковым. Было решено после выполнения лабораторной консервации – переместить панели резной глины в музейные условия для хранения и экспонирования.

Проблема снятия панелей со стен.

Хотя в мировой практике существовало множество примеров снятия красочного слоя фресок со стен, удаление такого толстого слоя резной штукатурки (до 4х сантиметров), особенно из сырой необожженной глины, представляло собой крайне сложное и опасное мероприятие для сохранения резьбы. Опыт Чарлиной Л.Ф., заведующей отделом консервации лаборатории «Остров Крым», которая ранее участвовала в работе по сохранению подобного декора на городищах Костобе и Кулан, показал, что необходимо предварительно закрепить фрагменты резьбы на значительную глубину [7; 8].

Для безопасного удаления резной штукатурки со стен потребовалась длительная подготовка и серия экспериментов для разработки соответствующего метода работы. Сложность этого процесса обусловлена следующими факторами:

- резьба выполнена на сырой глине, которая потеряла структурную прочность и стала хрупкой, рыхлой и неустойчивой к воде;
- значительная толщина резной штукатурки и вес снимаемых фрагментов могут вызвать рассыпание резьбы во время удаления;
- резьба сильно фрагментирована и не имеет четкой формы; присутствуют мелкие и отдельные фрагменты, несвязанные между собой [6].

Благодаря экспериментам, проведенным в лаборатории, были подготовлены все необходимые материалы, инструменты и оборудование для снятия резной штукатурки со стены. Для разработки схемы каждой стены использовались фронтальные фотографии, предоставленные археологами. Затем все стены были объединены в трехмерное изображение помещения с видом сверху. В процессе удаления резьбы эти схемы помогали реставраторам точно маркировать расположение и кодировать каждый фрагмент, снятый со стены.

В сентябре 2017 года группа сотрудников лаборатории отправилась в Кулан, где была организована полевая лаборатория внутри помещения цитадели (рис. 1, в). Важным этапом работы была подготовка к снятию, которая включала укрепление лицевой стороны резной глины ацетоновыми растворами Paraloid B-72 различных концентраций, начиная с низкой. Из-за осенней погоды с низкими температурами и заглубленности помещения процесс испарения растворителя замедлялся. Чтобы начать снятие резьбы как можно скорее, пропитку начали сразу после прибытия и первичной очистки поверхности, продолжая даже в ночное время при использовании искусственного освещения.

Исходя из хрупкого состояния декоративного слоя, было принято решение вырезать его на части. Каждый фрагмент был обозначен на подготовленных схемах и помечен для идентификации. Для более безопасного удаления, границы фрагментов были предварительно углублены (рис. 2, а). Перед началом снятия, фрагмент был прижат к щиту соответствующего размера, на который была закреплена мягкая подложка, чтобы обеспечить фиксацию всех деталей. Затем фрагмент со слоем штукатурки был аккуратно отделен от стены (рис. 2, б), повернут рисунком вниз и размещен на щите с подложкой.

Затем каждый фрагмент был очищен до минимально возможной толщины с обратной стороны, определяемой по внутренним слоям штукатурки. Для предотвращения осыпания края были защищены пленкой, после чего фрагмент был прижат с обратной стороны к листу пластика и фанерному щиту. Затем фрагмент был осторожно перевернут лицевой стороной вверх. Постепенно все фрагменты приведены к минимальной толщине и упакованы каждый в созданные для них ящики и защищены мешочками «құмдорба» (в переводе с казахского – букв.: құм – песок, дорба – мешочек). Параллельно все фрагменты и их изначальное положение на стенах документировалось, фрагменты маркировались. В общей сложности насчитано 38 фрагментов, снятых и благополучно доставленных в лабораторию, в том числе несколько фрагментов, найденных в завалах стен [6].

Проведённые исследования.

Необходимо было определить не только материал самой глиняной штукатурки, но и проанализировать остатки красочного слоя, обнаруженного фрагментарно на некоторых участках резьбы. Выявлено два цвета краски – красная и чёрная. «Анализы выполнялись старшим научным сотрудником отдела научно-технической экспертизы

Государственного Эрмитажа Е.А. Миколайчук (г. Санкт-Петербург). В ходе исследования применялись методы микроскопического и микрохимического анализа с использованием оптических микроскопов Leica D 60, Leica DM 1000, Биолам-И и электронного микроскопа Hitachi TM 3000» [6 с. 138].

Результаты исследований показали, что базовый материал для резьбы, выполненный из необожженной глиняной штукатурки, представляет собой типичный лёсс с неоднородной структурой и без каких-либо добавок. На многих фрагментах были обнаружены остатки красной краски, которая оказалась красной глиной. Что касается черной краски, она оказалась черной косточковой краской, связующим в которой является камедь [6].

Консервация резьбы по сырой глине.

Подготовка резной глины к музейному хранению включала два основных этапа: консервацию и реставрацию, каждый из которых включал множество задач. После того как панели резной глины были доставлены в лабораторию, они были расположены в соответствии с схемой стен, и проведены неотложные работы. Однако начать консервацию удалось лишь в 2019 году, после поступления финансирования.

Консервация направлена на сохранение резных панелей в их текущем состоянии. Для достижения этой цели требуется укрепление глины, консолидация пылевидных областей, удаление разрушающих водорастворимых солей, которые могут повредить глиняную резьбу. Каждая группа фрагментов помещена в отдельный ящик – пропиточную камеру. В каждом ящике уложена пленка из полиэтилена, из которой сделано удобно открывающееся и герметично закрывающееся покрытие. Все фрагменты должны быть размещены в горизонтальном положении, что потребовало освобождения значительной площади в лабораторных помещениях.

Для укрепления глиняной резьбы использовался раствор Paraloid В-72 в ксилоле, который наносился кистью многократно - не менее 15 раз с промежуточной сушкой в парах ксилола. Частота пропитки фрагментов варьируется в зависимости от толщины декоративной глиняной резьбы. Учитывая достаточно большую толщину фрагментов (около 4 см), необходимо было пропитывать декор сначала с одной, а потом и с другой сторон.

По размеру фрагментов, они были условно разделены на 2 группы:

- группа I – фрагменты небольших размеров, которые несложно перевернуть руками одному человеку, без риска их повреждения;

- группа II – крупные фрагменты, массивы глины, достигающие размерами более полуметра, и имеющие значительный вес. Перевернуть их, без риска повреждения, одному человеку почти невозможно. Именно поэтому для таких объектов выработан способ безопасного переворачивания, требующий определённой подготовки, в том числе и физической. Для переворота крупных фрагментов сначала их края оборачивали стретч-пленкой (рис. 2, в), а лицевая сторона временно заклеивалась марлей в два слоя (рис. 2, г, д). Затем на лицевую сторону фрагмента укладывался так называемый "пирог": стретч-пленка, поролоновая подушка и фанерный щит. Все эти слои, включая защитный верхний "пирог", сам фрагмент и нижнюю фанерную подложку, стягивали ремнями, после чего фрагмент осторожно и быстро переворачивали (рис. 2, е).

Учитывая большое количество фрагментов, в том числе и крупных, и длительное время пропитки и её многократность, эти процессы заняли несколько месяцев. В результате длительных консервационных работ все фрагменты декоративной резьбы по сырой глине приобрели прочность и твёрдость. Пропитка на всю толщину дала возможность провести предварительную расчистку от рыхлого налипшего грунта. После завершения консервации все объекты уложены в ящики-контейнеры и подготовлены для хранения до начала реставрации.

Реставрационные мероприятия.

Реставрационные работы были начаты лишь в 2021 году, после возобновления финансирования. Всё время до начала работ, объекты хранились в лаборатории, занимая значительные площади в виду своих размеров. Обследование после длительного хранения убедило в хорошем и стабильном состоянии декоративной резьбы по глине (рис. 3, а).

К реставрационным мероприятиям относятся процессы, которые изменяют внешний вид резьбы после её снятия со стены. Среди них: удаление наслоений, подборка и соединение отдельных фрагментов, сборка резных панелей на новом основании, дополнение глиной в утраченных местах и частичное заполнение трещин.

Удаление поздних наслоений стало возможным только после полной пропитки толщи резной глиняной штукатурки. До пропитки состояние штукатурки было крайне хрупким. Кроме того, наслоения практически были неотличимы от собственно резьбы. И только

проведенная предварительно тщательная консервирующая пропитка позволила укрепить массив штукатурки, и дать возможность постепенно, размягчая сантиметр за сантиметром, удалить все загрязнения, порой прибегая к использованию микроскопа. Работа усложнялась и глубиной резьбы, доходящей в некоторых местах нескольких сантиметров. В результате удалось выявить невидимые ранее детали резьбы, и уточнить и вернуть чёткость тем фрагментам, которые были прикрыты слоями грунта. Однако, выявились и невидные ранее трещины.

Подборка и соединение отдельных фрагментов осуществлялась постепенно, от одного комплекса фрагментов к другому. Разрозненные фрагменты склеивались с помощью воско-канифольного расплава, швы между ними маскировались глиняным раствором. Проведена большая работа по воссоединению фрагментов, в которой помогли и имеющиеся схемы каждой стены.

Сборка резных панелей на новом основании стала следующим этапом – для подготовки к экспонированию в музее. Требовалось найти такое основание, которое, во-первых выдержит вес фрагментов, во-вторых не будет деформироваться. Серия очередных экспериментов привела к разработке метода монтажа фрагментов на новом основании. За основу взята ламинированная фанера – прочный и влагостойкий материал. Поверх неё укрепляется мелкоячеистая сетка из нержавеющей стали таким образом, чтобы оставался зазор между поверхностью фанеры и сеткой. Вся поверхность заливается клеящим составом – расплавом канифоли и воска (рис. 3, б). Такой состав можно заново расплавить и демонтировать фрагменты при необходимости.

Для крепления крупных фрагментов было разработано другое решение - установка нихромовой спирали на фанеру в месте крепления крупного фрагмента. При подключении к электрическому току эта спираль равномерно нагревает клеящий расплав, обеспечивая надежное закрепление крупного фрагмента на основе (рис. 3, в). Благодаря этому, при необходимости панель можно легко демонтировать, повторно нагрев спирали. Установка фрагментов на новую основу осуществляется параллельно с их соединением и дополнением глиной в местах повреждений.

В результате сборки на новой основе было подготовлено девять экспозиционных панелей, каждая из которых содержит целостный фрагмент резного декора. Некоторые из этих панелей имеют значительные размеры, достигающие двух метров. Свободное от

фрагментов пространство основания декорировано глиной, в цвет имеющихся фрагментов (рис. 3, г).

Музеефикация панелей резной глины.

В начале 2022 года в Национальном музее Республики Казахстан в Астане открыта выставка «Город Кулан на стыке цивилизаций», где публике продемонстрированы готовые панели с декоративной глиняной резьбой. Позднее панели перемещены в один из залов музея.

Выводы.

Спасение декоративной глины оказалось возможным благодаря тесному сотрудничеству археологов и реставраторов на всём протяжении работ. Карл Молдахметович Байпаков, поддержавший идею снятия резьбы для её сохранения, к сожалению, не увидел результат этой долгой и сложной работы. Но он успел поддержать эту идею, и таким образом способствовал сохранности декора. Таким образом, оригинальная декоративная резьба сохранена и перемещена в музей, обеспечив, таким образом, её сохранность, и доступность для посетителей музея и учёных. Стены цитадели Кулана остались пустыми, и на них предлагается установить точные копии панелей из атмосферостойкого материала.

Литература

1. *Хазбулатов А.Р., Акылбек С.Ш., Шохаяев К.А., Султанмуратов Б.С., Естемесов Е.А.* Научно-исследовательские работы на городище Кулан в 2015 году // VIII Оразбаевские чтения: материалы междунар. науч.-методич. конф. «Археология, этнология и музеология в системе современного высшего образования» (г. Алматы, 1–2 апреля 2016 г.) / Отв. ред. Калыш А.Б. Алматы: «Қазақ университеті», 2016. С. 218-226.
2. *Байпаков К.М.* Древние города Казахстана / К.М. Байпаков, Л.Б. Ерзакович. – А-А. Наука. – 1971.
3. *Байпаков К.М., Акылбек С.Ш., Терновая Г.А.* К вопросу о религиозной жизни города Кулан в VIII-IX вв. (по материалам исследований цитадели в 2017 г.) // Народы и религии Евразии. 2019. № 2 (19). С. 9-35.
4. *Байпаков К.М., Терновая Г.А.* Манихейский комплекс во дворце средневекового города Кулан (VIII в.) // Народы и религии Евразии. 2018. № 3 (16). С. 111-129.

5. Акылбек С.Ш., Смагулов Е.А., Яценко С.А. Декоративное убранство резиденции тюркских правителей VIII в. в цитадели г. Кулан // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней) / Отв. ред. Байтанаев Б.А. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 29-66.

6. Алтынбеков К., Чарлина Л.Ф., Алтынбекова Э.К. Сохранение резьбы по глине из цитадели городища Кулан. Археология Казахстана. 2022. № 1 (15). С. 126-145.

7. Чарлина Л.Ф., Дубровская Л.В., Куземцева Н.В. Древние материалы памятников истории и культуры: опыт консервации в Казахстане // Сохранение и развитие историко-культурной среды в природных и городских условиях современной Центральной Азии: труды междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 11–12 мая 2004 г.) / Отв. ред. Конусбаев А.Б. Алматы: Принт S, 2004. С. 253-264.

8. Дубровская Л.В. Опыт научной реставрации и консервации памятников истории и культуры в Центральной Азии. Алматы: МИЦАИ, 2020. 648 с.

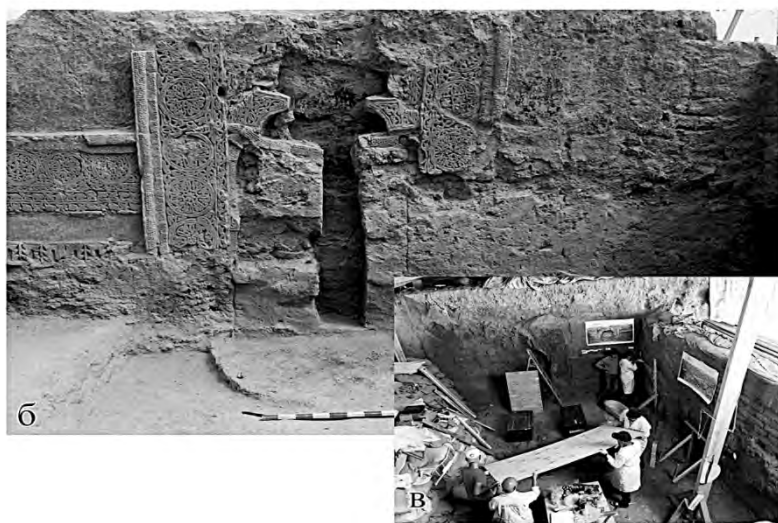


Рис. 1. Цитадель городища Кулан: а – общий вид помещения и декоративной резьбы на его стенах (фото предоставлено археологами); б – северо-восточная стена в 2015 году (фото предоставлено археологами); в – устройство полевой лаборатории.



Рис. 2. Работа с фрагментами панелей резной глины: а – подготовка к снятию – углубление границ фрагментов; б – отделение фрагмента от стены; в – пропитка оборотной стороны фрагмента; г, д – переворот укрепленного фрагмента на лицевую сторону, снятие марли; е – Лицевая сторона фрагмента перед пропиткой.

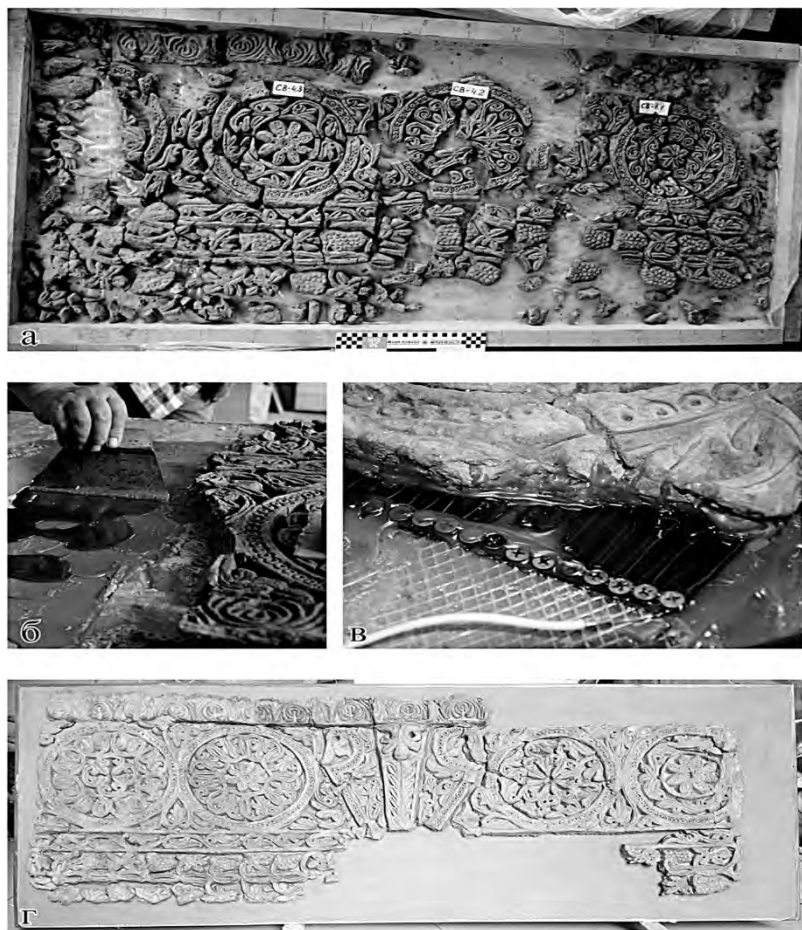


Рис. 3. Реставрация декоративных резных панелей из глины: а – общий вид фрагмента до реставрации; б – подготовка нового основания; в – клеящий состав под крупным фрагментом расплавляется при подключении тока и застывает после его отключения; г – панель с фрагментом Ю31 после окончания консервации, реставрации и монтажа на новое основание.

Петроглифы-символы как индикатор
межкультурных контактов в древности и средневековье
(по новым материалам из Северного Прибалхашья и Бетпакдалы)

Бедельбаева М.В.

*НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А.
Букетова», Караганда, bmv_1967@mail.ru¹*

Новоженов В.А.

*Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО,
Алматы, vnovozhenov@gmail.com¹*

Рогожинский А.Е., Калдыбаева Г.А.

*Институт археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы,
Alexeyro@hotmail.com², odd_story@mail.ru²*

Начало научного изучения петроглифов Северного Прибалхашья и Бетпакдалы в пятидесятые годы прошлого века положил академик А.Х. Маргулан [1 с. 5-14; 2]. Исследования были продолжены А.Г. Медоевым [3], А.Н. Марьяшевым [4 с. 183-191], А.З. Бейсеновым [5 с. 259–274]. Содержательный анализ архивов и данных по местонахождениям петроглифов Северного Прибалхашья и Бетпакдалы представлены А.Е. Рогожинским [6 с. 508-517; 7 с. 170-173]. По результатам мониторинга памятников этого региона опубликованы новые материалы [8 с. 180-187, рис. 56-76; 9 с. 624-635; 10]. С начала двадцатых годов в Актогайском районе работает экспедиция Карагандинского университета им. Е.А. Букетова и Института археологии им. А.Х. Маргулана под руководством М.В. Бедельбаевой и А.Е. Рогожинского. Целью совместной полевой экспедиции является выявление новых и детальное документирование ранее известных местонахождений наскальных изображений, поселений, могильников и других памятников в районе гор Бегазы и Жельтау.

Основными районами исследований стали южные склоны и предгорья, а также центральная часть гор Жельтау (восточнее р.

© Бедельбаева М.В., Новоженов В.А., Рогожинский А.Е., Калдыбаева Г. А., 2024.

1. Работа выполнена в рамках гранта Комитета науки МНВО РК «Реконструкция культурно-исторических ландшафтов древней Бетпакдалы» (ИРН проекта AP19679947).

2. Работа выполнена в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки МНВО РК по проекту BR18574175.

Тоқырауын); разведочные маршруты проведены вдоль южных и юго-западных склонов гор Аркарлы (западнее р. Тоқырауын), на восточном склоне гор Байгазы (г. Дастар). Наиболее значимые памятники, в том числе петроглифы-символы и тамга-петроглифы, выявлены в горах Жельтау и Бегазы.

Цель настоящей публикации – анализ найденных в регионе среди разнообразных и многочисленных наскальных изображений особых, так называемых «петроглифов-символов», имеющих сложный мифологический контент и повторяющихся в виде сходных по иконографии и вероятному содержанию знаков, расположенных на обширных географических пространствах, зачастую отдаленных друг от друга на значительные расстояния.

Наряду с традиционными полевыми методами исследования, особое внимание уделено изобразительным памятникам. Наиболее заметными в горно-степных пространствах являются комплексы петроглифов и других археологических объектов, сосредоточенные в едином культурно-историческом ландшафте; границы таких сложных памятников, по меньшей мере, тождественны территории, вмещающей все сопряженные следы обитания и деятельности древних коллективов [10 с. 30]. Вместе с другими археологическими объектами (поселениями, могильниками, дорогами и т. д.) наскальные изображения опосредованно отражают в ландшафте способ обитания древних сообществ, их отношение к окружающей среде и функциональную значимость отдельных ее компонентов в зависимости от уровня общественного, технического развития в конкретный период истории, а главное – определяют уровень мобильности древнего населения и его способности совершать перемещения на значительные расстояния в степном пространстве [11]. Таковы предпосылки проведенного нами комплексного изучения памятников наскального искусства в Северном Прибалхашье.

Для копирования петроглифов со скал применялся бесконтактный метод фотографического сканирования с последующей графической обработкой изображений [12].

В горах Бегазы обследованы изобразительные памятники Серикбай, Сымтас, Нартай, Рыспек, Акшоки. Выявлено свыше сотни разновременных петроглифов. Здесь встречаются изображения диких и домашних животных, человека, соляных знаков. Петроглифы в большинстве своем оказались синхронными по времени создания с раскопанными и расположенными рядом погребальными

сооружениями, которые датируются эпохой поздней бронзы и ранним железным веком. В репертуаре петроглифов широко представлены традиционные изображения различных животных – горных баранов, лошадей, верблюдов, оленей, косуль, собак, архаров; а также всадники, антропоморфные изображения и солярные символы, количество которых на разных местонахождениях колеблется от нескольких десятков до сотни.

В горной системе Жельтау зафиксировано пять крупных пунктов, в которых концентрируются основные группы петроглифов. Каждая группа включает от 20 до 40 плоскостей с общим количеством рисунков от 100 до 400. Между ними разбросаны многочисленные одиночные изображения животных, преимущественно горных баранов. Антропоморфные персонажи представлены всадниками на лошадях и в одном случае – на двугорбом верблюде. Выделяется сцена охоты на горных баранов, косуль и оленя, в которой главный герой – конный лучник – изображен очень реалистично: человек показан по пояс и развернут назад, вооружен большим сложным луком со стрелой. Другая многофигурная композиция демонстрирует человека с курыком, который соединяется с лошадьми, расположенными на этой плоскости вертикально, в отличие от других животных, переданных в горизонтальной плоскости.

Петроглифы Бегазы и Жельтау хронологически соотносятся исследователями с эпохой поздней бронзы и ранним железным веком, часть изображений относится к периоду средневековья [5 с. 259–274; 8 с. 54–56; 11].

Особенностью репертуара петроглифов является отсутствие изображений быков, которые являются маркирующим образом эпохи бронзы. Лошади нарисованы крайне упрощенно: прямая линия туловища, голова и хвост чаще опущены, показаны четыре прямые ноги. Несмотря на некоторый схематизм в гравировке других животных, они представлены значительно ближе к натуре и с большой выразительностью. При этом значительный интерес в репертуаре рассматриваемых изобразительных памятников представляют стилизованные изображения фантастических и противостоящих друг другу животных, «солнцеголовых» персонажей, солярных знаков, колесниц, тюльпана, сцена «Повелитель зверей» и изображения родовых тамг.

Фантастические животные и «повелитель зверей». В группе петроглифов Жельтау 3 зафиксированы изображения необычного

животного – небесный пери? (рис.1, 1); противостоящих друг другу кошачьих хищников (рис.1,2). Идея противостояния двух животных или двух людей довольно распространена и популярна в казахстанской степи и имеет множество аналогий в древнем искусстве и мелкой пластике (например, луристанские бронзы) и уже интерпретировалась исследователями [11].

Как антитеза неведомому миру диких и фантастических зверей, в самой верхней части ущелья на видимой со всех сторон плите расположена сцена с участием различных животных и крупной фигуры человека, который доминирует над ними (рис. 1, 3).

Солярные персонажи и знаки. Представляют интерес схематичные антропоморфные изображения группы Жельтау 1, которые можно рассматривать как «солнцеголовые» персонажи: над головой человека, прорисованного в фас, несколькими крупными точками показан «нимб». В одном случае руки такого божества раскинуты в стороны, ноги расставлены, прорисован фаллос (рис. 1, 4), в другом – изображение детализировано прорисовкой ладоней и пальцев рук. Такая условная манера передачи образа, возможно, свидетельствует о его позднем происхождении в сравнении с каноническим изображением «солнцеголовых» божеств из Тамгалы и Аккайнара, датируемых эпохой бронзы, и демонстрирует преемственность традиций конкретных образов на скалах в разные исторические периоды.

Своим символизмом выделяются изображения группы Жельтау 2, выбитые на отдельном камне, лежащем у основания дайки. На поверхности камня изображены три концентрические окружности с 12-ю лучами, радиально отходящими от внешней окружности. Идентичный солярный знак приведен в монографии И.Н. Швеца [13 т. 84, 6]. Ниже выбит прямой крест и неопределенная силуэтная фигура, от которой отходят четыре изогнутые линии, сходящиеся вместе, напоминая бутон цветка, а также S-образная фигура с загнутыми в спираль концами (рис. 1, 5). Изображения выполнены техникой глубокой выбивки, поверхность рисунков покрыта «пустынным загаром». Предположительная датировка – эпоха бронзы.

К типу знаков отнесены также изображения «решетки» (рис. 1, 6), «лабиринта» или «спирали» (рис. 1, 7). Аналогичные символы встречаются в Сибири, на Алтае, в Туве и Монголии, Северном Пакистане и Валкомонике [13 т. 88]. Существование в петроглифах таких символов и знаков исследователи объясняют динамичным развитием ассоциативного и рационального мышления человека.

Небесные колесницы. Условные и схематичные изображения трех колесниц обнаружены в группе Жельтау 3. Они расположены в нижней части ущелья на массивной почти горизонтальной плите, разрушенной сколами и обильно покрытой колониями лишайников. Изображения колесниц выполнены мелкоточечной выбивкой в сочетании с шлифовкой, они трудноразличимы и сильно патинизированы (рис. 1, 8-9).

Контуры изображения первой колесницы повреждены лишайником, она расположена в левой нижней части плоскости и представляет собой стандартную для центральноазиатских петроглифов конструкцию. Изображены колеса с четырьмя спицами, полукруглая в плане платформа, центральное дышло с округлым навершием на конце. К числу других особенностей изображения относится выступ на дышле – возможный усилитель места крепления дышла к ездовой платформе и оформление ярма повозки в виде двух (трех) параллельных линий с не характерной для этого элемента конструкции длиной и формой концов. Упряжные животные – пара лошадей – показаны в необычном для них месте и соединены с повозкой, вероятно, арканами и никак не связаны с ярмом повозки (рис. 1, 8). Возможно, здесь изображена частично распряженная квадрига, у которой показаны только пристяжные лошади, а коренные две лошади только подразумеваются. Традиционное место, где должен бы находиться колесничий этой повозки значительно разрушено колонией лишайников и сохранились лишь отдельные следы выбивки в виде окружности (возможно, головы), которые, в целом, не позволяют уверенно говорить о наличии здесь фигуры возничего. Вместе с тем, отмеченные особенности не выделяют эту колесницу из всего массива известных в колесничных петроглифах Алтая, Южной Сибири, Китая, Монголии, Казахстана и Киргизии аналогий.

Вторая колесница расположена в верхней правой части плиты рядом с изображением горного козла. Колесница показана распряженной, конструкция традиционная, выделены треугольные распорки, укрепляющие место крепления дышла к ярму (рис. 1, 9). Такая особенность отмечается на многих колесницах, найденных в территориально близких горах Хантау и Шунак в Бетпакдале, а также в более отдаленных регионах Тувы, Монголии и Таджикистана.

Третья колесница обнаружена в правой верхней оконечности общей наклонной плоскости на отдельной примыкающей плите.

Зафиксировано схематическое изображение распряженной колесницы, двух горных козлов и неопределенной геометрической фигуры (знака?).

На другой вертикальной плоскости изображены два крупных колеса с восемью спицами, фигура человека, подпрямоугольные и иные фигуры, три лошади, изображенные друг над другом, и противостоящий им лучник (рис. 1, 10). Над этой ними выбиты еще два колеса с четырьмя спицами и неопределенные фигуры. В целом, сцена производит впечатление символического изображения фантастической колесницы – триги с возничим, показанным с разведенными в стороны руками. Изображены только самые значимые детали этой колесницы – пара колес, ярмо, упряжные лошади. Нижняя подпрямоугольная фигура разделена на две части и перечеркнута резными линиями в виде решетки и, возможно, символизирует собой ездовую платформу этой колесницы. Предполагаем, что здесь изображена сцена противостояния символической, небесной (?) колесницы, управляемой божественным возничим и лучника, сюжет весьма популярный в древнем наскальном искусстве Евразии [11; 14; 15].

Изображение тюльпана. Уникальное изображение тюльпана, ранее неизвестное в петроглифах Казахстана, обнаружено на периферии группы Жельтау 1, в отдалении и обособленно от основной концентрации изображений, на сравнительно ровной поверхности скалы, обращенной к юго-западу и покрытой плотным «пустынным загаром». У тюльпана изображены цветок, стебель, два характерных листка и круглая луковица (рис. 2, 1-2). Ниже цветка – неопределенная фигура и прямой крест. Судя по оттенку патины, оба рисунка древнее средневековых петроглифов, выбитых на соседних гранях скалы; вероятная их датировка – эпоха бронзы.

Рисунок растения идентифицирован как тюльпан Шренка – *Tulipa schrenkii* (определение выполнено д.б.н. М.Ю. Ишмуратовой, НАО «Карагандинский университет им. Е.А. Букетова», которой авторы выражают благодарность). *Tulipa schrenkii* – невысокое (от 30 до 40 см) прямостоячее растение с гладкими листьями насыщенного зелёного цвета размером около 20 см, которые распадаются в стороны. На одном растении 3-4 листа. Первый поднимается из земли, остальные 2 или 3 оборачивают цветонос у самого основания. Край листьев слегка волнистый. Цветок имеет чашевидную форму высотой 6-7 см. Он состоит из 6 лепестков, их края обычно закруглённые или слегка заострённые. Луковица небольшого размера от 2,5 до 3 см. Форма

яйцевидная, плотно облеплена чешуйками серо-бурого цвета. Период цветения – апрель-май.

Это многолетнее травянистое растение (рис. 2, 3-4) считается родоначальником первых культурных сортов тюльпана. Впервые данный вид был обнаружен приват-доцентом минералогии Тартуского университета А.И. Шренком, который в 1840–1843 гг. путешествовал в казахских степях и долине р. Тоқырауын, т.е. где находятся горы Жельтау. Сухие бутоны тюльпанов Шренка повсеместно встречаются вблизи найденного изображения.

Однако открытие в Жельтау изображения цветка тюльпана – мотива нетипичного для репертуара наскального искусства эпохи бронзы Казахстана в целом – заставляет снова обратиться к теме далеких культурных связей пастушеских племен с древнеземледельческим населением Средней Азии. Ранее уже был выявлен широкий круг образов и реалий, появление которых в наскальном искусстве юга Казахстана могло быть обусловлено только прямыми контактами «степных племен» с обитателями древнеземледельческих оазисов Ферганы, долин Зеравшана и Мургаба [16 с. 87-99]. В последние годы количество подобных свидетельств увеличилось, в том числе благодаря новым находкам в Семиречье, в среднем течение р. Чу, и предметов материальной культуры (каменные гири, расписная керамика), и наскальных росписей, древнейшие из которых указывают на связь с носителями культуры Анау периода Намазга III, Саразма и бактрийско-маргианского археологического комплекса [17; 18]. Именно поэтому удивляет не иконографическое сходство тюльпана-петроглифа с многочисленными подобными воспроизведениями на культовых предметах бактрийско-маргианского археологического комплекса (рис. 2, 5) [19], а район его местонахождения – на южной границе Сарыарки.

Обилие изображений тюльпанов на бактрийских и маргианских вещах показывает, насколько важен был этот символ для населения бронзового века. В материалах Гонура, проанализированных В. Ю. Крюковой, зафиксированы изображения тюльпанов на глиняных печатях и ряде скульптур, которые соотносятся автором с почитанием богини плодородия и календарными ритуалами поклонения в пору их цветения. Семантическое осмысление показывает важную параллель с присутствием козла, который в ряде случаев играет роль жертвенного животного, в других – олицетворяет царственную персону [20 с. 224-225]. Высказано предположение о существовании древнего праздника

тюльпанов, в ходе которого почитается женское божество, изображенное с таким цветком. По мнению В. Ю. Крюковой, «...среднеазиатский праздник, маркером которого служил тюльпан, утвердился значительно ранее Ноуруза, а затем, потеряв конкретный древнейший смысл, вошел в новую обрядность, в том числе зороастрийскую и этнографически засвидетельствованную» [20 с. 234]. Найденное изображение тюльпана может служить убедительным свидетельством культурных связей древних земледельческих оазисов и обитателей прибалхашских степей.

Тамга-петроглифы. В горах Жельтау выявлена крупная серия древних и средневековых знаков идентичности – тамга-петроглифов. Так, в группе Жельтау 3, наряду с фигуративными изображениями, обнаружена серия тамгообразных знаков, среди которых выделяются ранее не встречавшиеся разновидности знаков. Один из них – крупное изображение в виде ромба, от углов которого отходят четыре прямые линии, завершающиеся короткой дугой. Датировка знака, судя по известным аналогиям в Монголии, может соответствовать хунно-сарматскому периоду. Вероятно, к тому же времени относятся несколько изображений тамги, напоминающей развернутую горизонтально букву «Н», аналогии которой и сопутствующей ей художественной традиции удастся отыскать на памятниках Тувы, Восточного Казахстана и Кыргызстана [21 с. 171–175].

К средневековому периоду относится тамга в форме двух дуг, обращенных концами в противоположные стороны (тамга «две дуги»). Примечательно крупное собрание тамга-петроглифов в группе Жельтау 3, в котором выделяется шесть знаков этого типа с различными дополнительными элементами. Две разновидности тамги ранее не были известны, но в Жельтау они обнаружены вместе еще в одном пункте. Позже, в ходе разведки в Чу-Илийском междуречье осенью 2023 г., те же два знака, выбитые рядом на одной скале, найдены над средневековой стоянкой в долине Отызуй. По существующим представлениям, тамга-петроглифы данного типа на территории Казахстана датируются не ранее IX–X вв., а их ареал распространения следует связывать с расселением племен кимако-кипчакского объединения [22 с. 287–288]. Новые находки таких знаков в Северном Прибалхашье и на юго-западе Семиречья, по-видимому, маркируют еще один вектор миграции средневековых кочевников.

Таким образом, анализ петроглифов-символов Северного Прибалхашья и Бетпақдалы, их научная интерпретация позволяет

провести аналогии с наскальными изображениями в урочище Тамгалы и другими изобразительными памятниками, расположенными южнее, выявить явное сходство с тамгалинским стилем в изображении антропоморфных. Подобные аналогии уведат нас ещё южнее – в плодородную Ферганскую долину, через святилище с петроглифами Саймалы-Таш в Кыргызстане, тем самым маркируя древний и, вероятно, традиционный путь продвижения населения.

Отметим, что изображения, напоминающие по иконографии антропоморфных «солнцеголовых» персонажей из Тамгалы, Аккайнар и др. в Чу-Илийских горах Семиречья и в Кыргызстане, встречены в Северном Прибалхашье впервые.

Выше мы привели ряд аналогий для транспортных средств и солярных знаков, изображенных в петроглифах, которые явно очерчивают географический ареал культурных контактов и возможных миграций местного населения на значительные расстояния как по линии север – юг, так и в широтном направлении.

Выявленное в двух случаях сочетание изображений колесниц с горными козлами и неким знаком представляется неслучайным и может свидетельствовать об определенном контексте и мифологическом содержании этих сюжетов. Так, статистическими методами установлено значительное преобладание таких сочетаний в колесничных петроглифах Алтая и, прежде всего, в памятниках его монгольской части [15]. Отмечалось также мифологическое значение и интерпретация подобных сочетаний изображений колесниц и оленей или горных козлов [23 с. 63-91].

На наш взгляд, точному пониманию сакрального характера всего природно-исторического ландшафта соответствует изначальная идея мобильности, заложенная в наскальных изображениях эпохи бронзы и тиражируемая в последующие исторические периоды.

А.Х. Маргулан интерпретировал ряд изображений Бетпакдалы как мифологические сюжеты, увидев в них сцены жертвоприношения и поклонения небесным светилам [2 с. 14]. Поддерживая подобные интерпретации этих сюжетов, отметим их географическое распространение на значительные расстояния, зафиксированные исследователями [24 с. 35-39]. Очевидно, что распространение этих мифов и верований могло происходить и в результате физического перемещения самих их носителей в пространстве. Именно таким образом может быть объяснено географическое распространение

многих универсальных архетипов и мифологем, в том числе связанных с идеей мобильности и вечного поиска «земли обетованной» [11;15; 25].

Обследованные в горах Жельтау тамга-петроглифы представляют значительный интерес, поскольку содержат выразительные серии знаков, связанных контекстуально с петроглифами номадов хунно-сарматской эпохи и средневековых кочевников. Впервые в этой части Сарыарки обнаружено скопление разновременных тамга-петроглифов, типолого-стратиграфический анализ которых дает пример поэтапного формирования подобных памятников тамгопользования, углубляя их нижнюю границу.

Многообразие изобразительных, археологических, культовых и природных объектов, может быть соотнесено с наличием в различных регионах Казахстана традиций, связанных с идеей мобильности и поклонением пещерам и иным природным объектам, то есть памятникам культового характера.

По сути, сакральное пространство местности – это не только видимые, овековеченные памятники (местонахождение петроглифов, археологические объекты, мавзолеи, флора и фауна), сколько сложный социально-религиозный дискурс, имеющий целью идею благодарения, дарующий долголетие, исполнение желаний и состоящий из целого ряда компонентов: ритуала коллективного паломничества, прошения, покаяния, мистических переживаний, духовного очищения, жертвоприношения, молитвы, общей трапезы, общения с шырақшы – хранителем этого культурно-исторического ландшафта, своеобразным жрецом этого святилища. Основой таких представлений и всей концепции, на наш взгляд, является идея мобильности и вечных поисков лучшей доли, лучших пастбищ, того самого Рая на земле, который зовется «Землей обетованной», что полностью соответствует казахскому представлению о «Жерұйық».

Таким образом, памятники наскального искусства Северного Прибалхашья и Бетпақдалы в настоящее время представляют собой реликтовые культурные (археологические) ландшафты, объединяющие как изобразительные, так и другие виды археологических памятников. Наскальные изображения как недвижимые памятники не существуют вне природного и культурного контекста. Наряду с другими территориально связанными археологическими объектами: поселениями, некрополями, оросительными сооружениями, остатками коммуникаций и др., они отражают в ландшафте мобильный характер обитания древних коллективов, их культурные и религиозные связи, их

отношение к окружающей среде в конкретный период человеческой истории.

Вместе с тем, петроглифы являются воплощением базовых архетипов – коллективных подсознательных мифоподобных символов, выражающих основы потребностей и жизненных циклов социума. Архетипы отражаются в виде конкретных образов, приближённых по стилистике и технике изображения к реальным объектам, сохраняя при этом свой символизм [10 с. 633-634]. Вместе с тем, географическое распространение сходных архетипов и мифологем, а порой и целых мифов, равно как и разных художественных стилей или тамг, может свидетельствовать об этнической идентичности и распространении родственных кланов на значительных просторах степной Евразии и собственно Центральной Азии, их тесных культурных контактах и взаимном влиянии друг на друга.

В контексте данного дискурса сам процесс создания изображений становится ритуалом и одной из важных духовных практик, обеспечивающих идентичность и мобильность социума. Единожды сформированное сакральное пространство проживает жизнь вместе с создавшим его обществом и не исчезает полностью с изменением мифов, определяющих его развитие, оставляя как материальные, так и духовные следы в форме актуализированных представлений о системе мировоззренческих ценностей.

Литература

1. *Маргулан А.Х.* Петроглифы с тотемом волка. Тотем племени шапырашты // Мир казаха / Отв. ред. А.Д. Маргулан. Алматы: Институт развития Казахстана, 1997. С. 5–14.
2. *Маргулан А.Х.* Петроглифы Сарыарки. Гравюры с изображением волчьего тотема. Каменные изваяния Улытау. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3–4. 246 с.
3. *Медоев А.Г.* Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата: Жалын, 1979. 174 с.
4. *Марьяшев А.Н., Гумирова О.Н.* Новые петроглифы в горах Шунак // Актуальные проблемы археологии Евразии. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана МОН РК, 2016. С. 183–191.
5. *Бейсенов А.З., Мусаева Р.С., Жамбулатов К.А.* О создании естественно-научного обоснования проектируемого заповедника-музея

«Кызыларай–Бегазы» // Археология и история Сарыарки. Караганда: Изд-во КарГУ, 2012. С. 259–274.

6. *Рогожинский А.Е.* Петроглифы Северного Прибалхашья // От Алтая до Каспия. Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана. В 3 т. Алматы, 2011. Т. 1. С. 508–517.

7. *Рогожинский А.Е.* Петроглифы и эпиграфика // Историко-культурный атлас казахского народа / Отв. ред. И.В. Ерофеева. Алматы: Print-S. 2011. С. 171–178.

8. *Рогожинский А.Е.* Памятники наскального искусства как культурные ландшафты // Сборник материалов Международного семинара-тренинга по историко-культурному наследию стран СНГ. 19–23 сентября 2011 г. Алматы: Аруна, 2011. С. 28–40.

9. *Бедельбаева М.В., Новоженов В.А., Новоженова Н.В.* Изобразительные памятники Казахского мелкосопочника. Караганда: САИ, 2015. 252 с.

10. *Бедельбаева М.В.* Образы сакрального пространства: изучение, историческая реальность, современная мифологизация (на примере памятников местности Тайаткан–Шунак) // Маргулановские чтения. / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Нур-Султан: НИИ археологии им. Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, 2019. С. 624–635.

11. *Новоженов В.А.* Наскальные летописи Золотой степи: модель коммуникации населения в древности и средневековье. Том 1. Алматы: Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, 2020. 786 с.

12. *Новоженов В.А., Ильин Р.В.* Цифровая технология бесконтактного копирования изобразительных памятников // Поверив алгеброй гармонию: сб. ст. памяти Я.А. Шера / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий, К.В. Чугунов. СПб: ИИМК РАН, 2021. С. 192–206.

13. *Shvets I.N.* Studien zur Felsbildkunst Kasachstans. Materialien zur Archaeologie Kasachstans. Bd.1. Darmstadt, Mainz: Philipp von Zabern, 2012. 267 s.

14. *Шер Я.А.* Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 254 с.

15. *Новоженов В.А.* Чудо коммуникации и древнейший колесный транспорт Евразии / Под ред. Е. Е. Кузьминой. М.: Таус, 2012. 500 с.

16. *Рогожинский А.Е.* Образы и реалии древнеземледельческой цивилизации Средней Азии в наскальном искусстве эпохи бронзы Южного Казахстана и Семиречья // Наскальное искусство в современном обществе. К 290-летию научного открытия Томской писаницы. Материалы межд. науч. конф. Т. 2. (Труды САИПИ. Вып. VIII). Кемерово, 2011. С. 87–99.
17. *Бонора Ж.Л.* Каменные «сумочки в форме замка» (piette ansées) из Центральной и Средней Азии: типология, распространение и новые открытия // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы межд. конф., 18–22 ноября 2019 г. Т. I. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 57–58.
18. *Рогожинский А.Е.* Наскальная живопись Семиречья: новые открытия и далекие древние связи // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: материалы конф. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 37–48.
19. *Сарианиди В.И.* Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. Ашхабад: Turkmendowlethhabarlary, 2002. 360 с.
20. *Крюкова В.Ю.* О гонурских тюльпанах // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 4. Исследования Гонур Депе в 2008–2011 гг. / Гл. ред. В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2012. С. 222–237.
21. *Яценко С.А., Авизова А.К., Торгоев А.И., Саитов А., Кулиш А.В., Китов Е.П., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А., Торежанова Н.Ж., Тур С.С., Иванов С.С.* Археология и история кангюйского государства. Шымкент: Элем, 2020. 216 с.
22. *Яценко С.А., Рогожинский А.Е., Смагулов Е.А., Табалдыев К.Ш., Баратов С.Р., Ильясов Дж.Я., Бабаяров Г.Б.* Тамги доисламской Центральной Азии. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 452 с.
23. *Смирнов Н.Ю.* Путеводный олень: сюжет преследования оленя героем на колеснице в изобразительной традиции востока и запада Евразии второй половины II тыс. – рубежа II-I тыс. до н. э. и некоторые фольклорно-эпические параллели // Проблемы истории, философии, культуры. № 2 (60). 2018. С. 63–91.
24. *Берёзкин Ю.Е.* Реконструкция сюжета создания человека у степных индоевропейцев // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с

древними цивилизациями. Материалы межд. научн. конф., посв. 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб, 2012. Т. 2. С. 35–39.

25. *Новоженков В.А.* Индоиранская мифологическая традиция в петроглифах Казахстана и Центральной Азии: миф о сотворении Человека и о «Чудесной повозке» // Религии Казахстана и Центральной Азии на Великом Шёлковом пути. Материалы межд. научн.-практ. конф. / Отв. ред. К.М. Байпаков, В.А. Новоженков. Алматы: Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО, 2017. С. 334–358.

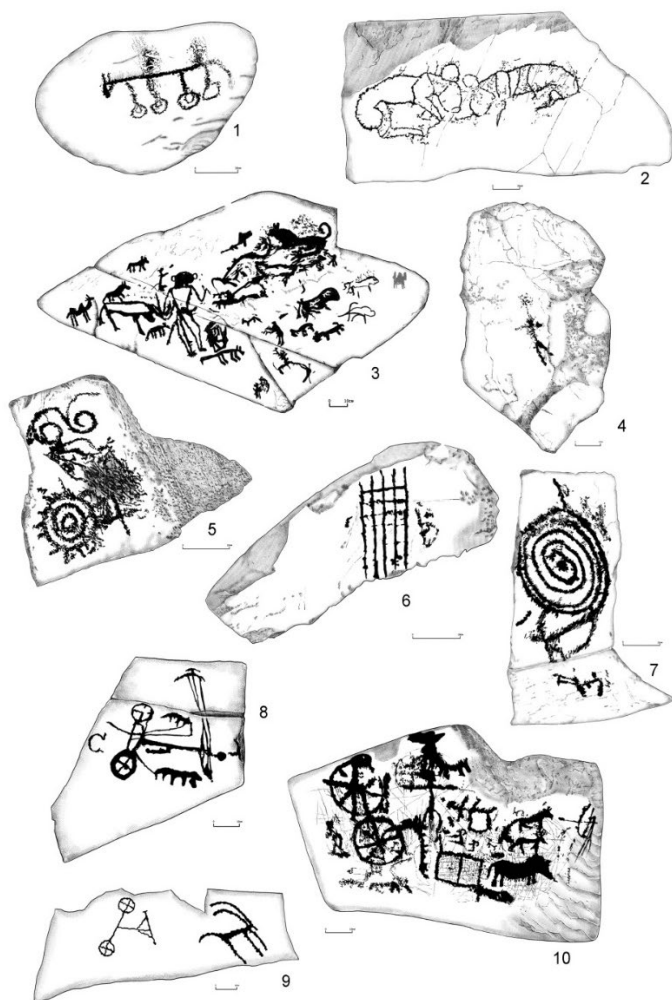


Рис. 1. Петроглифы Жельтау. Группа 3: 1 – фантастическое животное (небесный перь?); 2 – противостоящие кошачьи хищники; 3 – повелитель зверей. Группа 1: 4 – стилизованное изображение «солнцеголового» божества. Группа 2: 5 – солярный знак; 6 – «решётка»; 7 – изображение «лабиринта» или «спирали». Группа 3: 8-10 – изображение колесниц. Прорисовка В. А. Новоженова, И. В. Гусева.

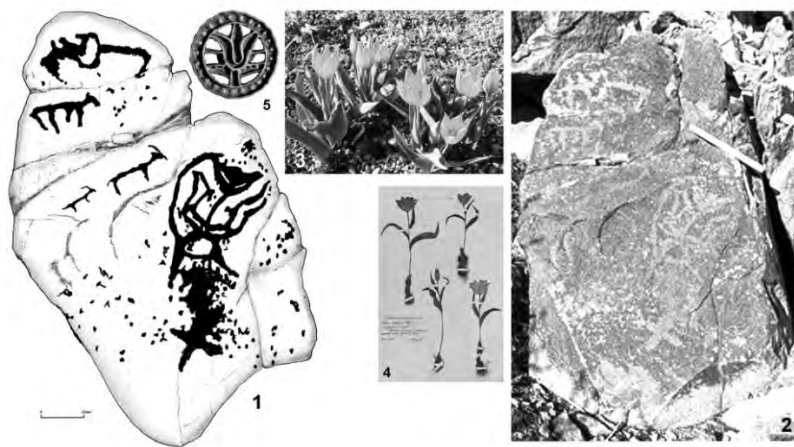


Рис. 2. Петроглифы Жельтау. Группа 1. Изображение тюльпана. 1-2 – прорисовка и фото В. А. Новоженова; 3-4 – тюльпан Шренка в степном ландшафте и гербарии; 5 – бронзовая перегородчатая печать с изображением тюльпана, Маргиана [15 с. 268].

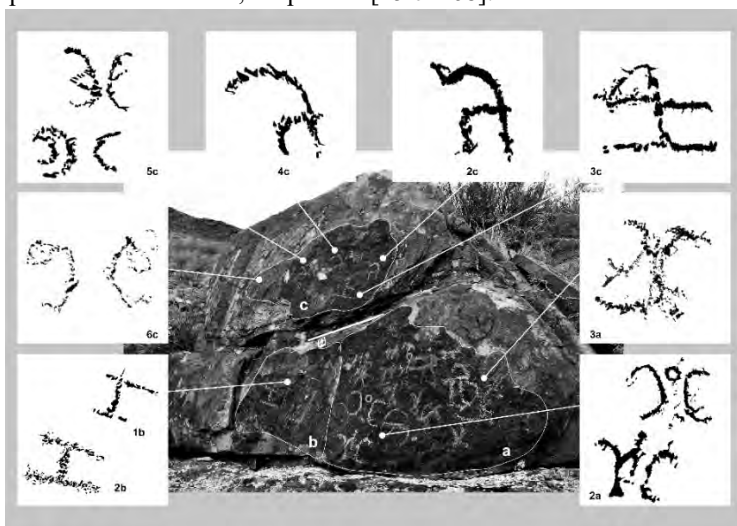


Рис. 3. Петроглифы Жельтау. Группа 3. Тамга-петроглифы. Фото и прорисовка авторов.

Предметы культа в погребениях ранних кочевников Южного Урала: критерии и контекст

Берсенева Н.А.

Институт истории и археологии УрО РАН,

Екатеринбург, bersnatasha@mail.ru

Маргарян К.Г.

Южно-Уральский государственный университет,

Челябинск, konoplyova-ksenya@mail.ru¹

Реконструкция мировоззрения древних обществ, не оставивших письменных свидетельств, является, безусловно, одной из наиболее трудных проблем в археологии.

Ритуальная деятельность – неотъемлемая часть жизни любого человеческого общества. Ритуал был главным механизмом коллективной памяти в дописьменной культуре. Ритуалы играли огромную роль в воспроизведении культурных и социальных норм, и регулировали все стороны жизни коллектива, включая экономику и систему жизнеобеспечения. Ритуалы можно разделить как минимум на два уровня. К первому (главному) относятся ритуалы жизненного цикла и календарные ритуалы, ритуалы второго уровня регулируют жизнь человека в быту или семье, то есть, на персональном уровне [1 с. 17–19].

У археологии не слишком много путей для реконструкции мировоззрения древних. Для ранних кочевников Урала, например, источник представлен в абсолютном большинстве погребальными памятниками. Изучая материалы древних могильников, мы имеем дело с остатками погребального ритуала (относящегося к категории ритуалов жизненного цикла), в которых, *возможно*, содержатся свидетельства иных ритуалов, культов и обрядов в виде материальных остатков – не только собственно «предметов культа», но и особенностей конструкции погребения, состояния самих человеческих останков и т.д. В целом, получается некое «отражение в отражении», и этим объясняется не только трудность изучения ритуальной / культовой деятельности археологическими методами, но и проблема доказуемости полученных выводов и реконструкций.

© Берсенева Н.А., Маргарян К.Г., 2024.

Ученые справедливо исходят из того, что ритуальная деятельность обеспечивалась людьми – «ритуальными специалистами», «жрецами», «служителями культа», которых мы можем идентифицировать, внимательно изучая археологический источник, то есть, погребения (так как только в них археолог может «видеть» и изучать отдельного индивида и окружающий его контекст). Установив погребения «служителей», далее можно попытаться понять содержание самого «культа» или «ритуала».

Здесь мы приходим к сложному и весьма запутанному за десятилетия изучения вопросу о критериях выделения погребений «служителей культа», «ритуальных специалистов», «жриц» или «жрецов» в могильниках кочевников раннего железного века Евразии. Историография этого вопроса обширна, является уже сама по себе предметом для изучения, и специалисты хорошо знакомы с ней [2 с. 23–24]. Самый важный вывод, озвученный в недавних исследованиях, заключается в том, что у ученых по сей день нет единства в определении критериев для выявления артефактов, связанных с отправлением культов (так называемых «предметов культа»), других характеристик захоронения (позиция, ориентация тела, манипуляции с телом, особенности погребальных конструкций) и, соответственно, в идентификации погребений «ритуальных специалистов» [2; 3].

Целью данной работы является постановка вопроса о критериях отнесения артефактов из погребений ранних кочевников Южного Урала (VII – III вв. до н.э.) к предметам, которые могли использоваться в ритуальной или культовой деятельности различных уровней, включая гадания, предсказания, знахарство и прочие практики. В этом смысле термин «предметы культа» представляется не совсем удачным, однако он является широко используемым в науке, и его замена внесет еще большую путаницу в и без того сложный вопрос.

Какие предметы и на каком основании следует относить к культовым? При изучении литературы оказывается, что это огромный спектр предметов. Не будет большим преувеличением сказать, что *все* категории находок, за исключением оружия и конской упряжи (если не говорить о парадных или *церемониальных* экземплярах), в разных работах оказывались причисленными к предметам культа. К.Ф. Смирнов полагал, что каменные алтарики, зеркала, предметы в зверином стиле и различные краски, предназначенные для татуировки, являлись атрибутами женщин–«жриц» [4 с. 200–202]. Спустя несколько десятилетий, характеризуя савроматские «жреческие» погребения, Б.Ф.

Железчиков выделил следующий комплекс признаков: пол (женский) – зеркало – бусы – раковины – галька – жертвенники – мел – реальгар [5 с. 135]. В.Н. Васильев полагал, что в «жреческий» комплекс кочевников Южного Урала входят зеркала, раковины *Gryphaea* и красящие вещества [6 с. 31–32]. По мнению В.К. Федорова, в культовых действиях использовались костяные ложечки [7; 8] и наборы разноцветных галек [9]. Г.С. Джумамбекова и соавторы, публикуя анализ женского захоронения из кургана Тасарык (юго-восточный Казахстан, V—IV вв. до н. э.), полагают, что головной убор умершей, обнаруженные рядом с ней растительные остатки и иной погребальный инвентарь (в числе которого каменный жертвенник) «позволяют видеть в ней служительницу культа, целительницу, ворожею, охранительницу очага» [10 с. 376]. Как захоронение «жрицы» интерпретируют элитное погребение 2 кургана 1 могильника Филипповка I О.В. Аникеева, М.А. Балабанова, В.М. Клепиков и А.С. Пилипенко. Авторы выделили серию предметов, которые могли использоваться в отпращивании «общеплеменных культов или религиозных обрядов», среди которых ювелирные изделия, серебряное зеркало, кожаный пояс, две серебряные фиалы, бронзовые ковш и котел, а также коробочка с остатками жуков, каменные палетки, краски, татуировальные иглы и некоторые другие находки [11 с. 350; 363].

Перечисление можно продолжить. Очевидно, что существует несколько основных подходов к выявлению и анализу «предметов культа». В первом случае рассматривается выборка погребений с определенными предметами (зеркалами, каменными жертвенниками, костяными ложечками, гальками и т.д.), которые в результате проведенного анализа причисляются (или нет) к предметам культа [7; 8; 12; 13]. Во втором – анализируются отдельные погребения, как правило, хорошей сохранности, неординарные, с большим количеством инвентаря, где некоторые артефакты определяются исследователями как используемые в культовой/ритуальной деятельности, а погребенный – как ритуальный специалист/служитель культа [10; 11]. Третий подход заключается в выделении комплекса «предметов культа», нередко статистическим путем, состоящего из нескольких часто встречающихся в одном погребении предметов, таких как каменные жертвенники, краски и зеркала [4; 5; 6].

Исследователи приводят различные аргументы для подтверждения своих выводов, основываясь, в основном на аналогиях из письменных или этнографических источников. Это представляется вполне

оправданным, ведь археология имеет не так много средств в своем распоряжении для интерпретации символизма предметов. Беспокоит другое – не слишком ли большое количество категорий артефактов причисляется к «сакральным» или предметам культа? Многие из них могут иметь разный смысл, в зависимости от контекста или способа использования (например, ложки, посуда, зеркала и даже каменные жертвенники). Некоторые находки единичны, другие составляют серии (каменные жертвенники, зеркала, раковины и краски, курительницы и т.д.). Следует ли во всех случаях считать их предметами культа, а людей, погребенных с ними – служителями культа?

Представляется вероятным, и на это указывают все больше исследователей, что некоторые предметы могли использоваться не столько в культовой/ритуальной деятельности, то есть, затрагивавшей весь коллектив или определенную группу людей, сколько для гаданий, врачевания или каких-либо семейных, бытовых обрядов и ритуалов [2 с. 31; 10; 13]. Атрибутами таких действий могли служить гальки, камешки, сушеные травы, курительницы, кости животных и птиц, человеческие зубы, кусочки горного хрусталя и иные загадочные предметы. Все эти предметы нуждаются в каталогизации и скрупулезном комплексном анализе.

С нашей точки зрения, критерии отнесения тех или иных предметов к используемым в культах и именно в этом качестве помещенных в погребение, следует разрабатывать на основе анализа большого массива данных, включающем десятки могильников и сотни погребений. Южный Урал является достаточно хорошо изученным регионом расселения ранних кочевников, десятки могильников хорошо задокументированы и опубликованы. Длительность обитания кочевого населения на этой территории обеспечивает рассмотрение вопроса в диахронной перспективе. Мы полагаем, что необходим синтез методов анализа массового материала (количество случаев, встречаемость с другими предметами, корреляция с полом и возрастным погребенного и другими антропологическими/генетическими/изотопными характеристиками) и контекстуального метода (локация предметов в пространстве погребальной камеры и относительно тела умершего, принадлежность к единому комплексу, сопутствующие артефакты, и т.д.). В перспективе, подобный подход позволит выявить погребения людей, связанных с различными уровнями культовой / ритуальной / обрядовой деятельности в обществах кочевников раннего железного века Евразии.

Литература

1. *Байбурун А.К.* Ритуал в традиционной культуре Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 253 с.
2. *Вдовченков Е.В., Петров М.А.* Сарматские культы и общество сарматов // *Stratum plus*. 2022. № 4. С. 23–34.
3. *Яценко С.А.* О женщинах-«жрицах» у ранних кочевников (на примере знатных сарматок I в. до н. э. — III в. н. э.) // *Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. Вып. 1. Барнаул: Азбука, 2007. С. 58–65.
4. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 360 с.
5. *Железчиков Б.Ф.* Общая характеристика исходных признаков погребального обряда савроматского времени // *Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии*. Вып. 1: Савроматская эпоха (VI–IV вв. до н. э.). М.: ИА РАН, 1994. С. 127–151.
6. *Васильев В.Н.* К вопросу о сарматских каменных жертвенниках кочевников Южного Урала // *Уфимский археологический вестник*. 1998. Вып. 1. С. 25–43.
7. *Федоров В.К.* Среднесарматские погребения Самаро-Уральского региона с костяными ложечками // *Нижеволжский археологический вестник*. 2011. № 12. С. 76–94.
8. *Федоров В.К.* Костяные ложечки в колчанах ранних кочевников // *Российская археология*. 2013. № 2. С. 44–61.
9. *Федоров В.К.* Черные камни, белые кости: о некоторых ритуальных предметах из погребений ранних кочевников Южного Приуралья // *Stratum plus*. 2022. № 3. С. 281–304.
10. *Джумабекова Г.С., Нигматова С.А., Алтынбекова Э.К., Алтынбеков К., Базарбаева Г.А.* Женщина и ритуал в культуре ранних кочевников: по материалам кургана Тасарык в Казахстане // *Stratum plus*. 2022. № 3. С. 359–379.
11. *Аникеева О.В., Балабанова М.А., Клепиков В.М., Пилипенко А. С.* Погребение «жрицы» из Филипповки: опыт комплексного исследования // *Stratum plus*. 2023. № 3. С. 341–368.
12. *Маргарян К.Г.* Для кого вы созданы, кому вы служите? Каменные жертвенники в погребениях кочевников раннего железного века Евразии // *Прочнее меди* / Сост. и отв. ред. Л.В. Дергачева. Кишинэу: Stratum Plus, 2023. С. 327–349.

13. *Берсенева Н.А.* Зеркало в погребальном обряде ранних кочевников Южного Урала: маркер гендера или статуса, предмет культа или быта? // *Stratum Plus*. 2022. № 3. С. 159-170.

Кушаны в Малом Тибете¹

Денисенко В.Л.

*Институт археологии и этнографии Сибирского отделения
РАН,*

*Новосибирский государственный педагогический университет,
Новосибирск, valerialeontyevna@yandex.ru*

Ладакх, земля горных перевалов, окруженная хребтами Куньлуня, Гиндукуша и Гималаев, которые кажутся непреодолимой границей. На самом деле перевалы, высота которых в большинстве мест превышает 3000 м, в различных направлениях пересекают эти горные системы, образуя сеть горных плато. На протяжении нескольких тысячелетий через горные перевалы осуществлялась связь между народами Северной Индии и Центральной Азии. Одним из таких народов были кушаны, присоединившие к огромной Кушанской империи современные территории Джаммы и Кашмира. Данный регион непосредственно граничит с Ладакхом, и на сегодняшний день там выявлено множество поселенческих памятников кушан [1 р. 216]. В Ладакхе не раскопано ни одного поселения кушан, и долгое время была известна только одна надпись из Кхалце с упоминанием имени Вимы Кадфиза. В следствии недостатка данных регион Малого Тибета никогда не причислялся к территории Кушанской империи. В начале XXI в. в ходе различных археологических разведок собран подъёмный материал (керамика с красным ангобом), а также обнаружены надписи и петроглифы кушанского периода. Данные находки меняют наше представление об истории региона. Цель данной работы состоит в комплексном анализе разрозненных материалов по проблеме включения Ладакха в территорию Кушанской империи.

Эпиграфические материалы и петроглифы

Различные ученые, начиная с А.Г. Франке, а столетие спустя за ним последовали Т. Лдава, С. Вангчук, Л. Брюно, М.Вернье и К.Деверс, задокументировали различные эпиграфические данные, среди которых особое место занимают надписи письмом кхароштки и брахми² [2 р.

© Денисенко В.Л., 2024.

¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10121.

² С III в. до н.э. начали распространяться на Индийском субконтиненте разновидности индийского слогового среднеиндоарийского языка праkrit,

592-594; 3, p. 207-208]. В настоящее время обнаружены семь эпиграфических памятников с надписями на кхароштки и брахми кушанского периода [4 p. 104; 5 p. 16]. Все они выявлены в западном Ладакхе вдоль долины Инда, от границы с Балтистаном до слияния рек Инда и Занскар (рис. 1). Большинство надписей не поддаются прочтению или же содержат личные имена без дополнительной информации [5 p. 15].

Одним из самых важных доказательств присутствия кушан в Ладакхе является надпись письмом кхароштки из Кхалце, обнаруженная А.Г. Франке в 1905 г. на валуне на правом берегу Инда. Она хорошо известна эпиграфистам, поскольку использовалась десятилетиями, вплоть до открытия надписи Рабатак в 1993 г., чтобы установить хронологию и генеалогию ранних кушанских правителей. К сожалению, сейчас этот памятник эпиграфики сохранился только на фотографиях, поскольку он был уничтожен из-за строительства дороги. На валуне изображен царь, три козла и надпись письмом кхароштки, перевод которой гласит: «Сын бога Великий царь Вима Кадфиз в 284/287 году» (рис. 2). Таким образом, благодаря ей нам становится известно, что Вима Кадфиз почитался в 284/287 г. в *эру Явана*, то есть, в 109/112 г. н.э. [6 p.213-214; 7 p.376]. Данная надпись уникальна тем, что в ней указано имя Вимы Кадфиза с датой, а также то, что она находится рядом с петроглифами. Антропоморфная силуэтная фигура соответствует иконографии кушанских правителей, которую можно увидеть на монетах и скульптурах времен правления Вимы Кадфиза. Подобные антропоморфные изображения были задокументированы Таши Лдавой и Вирахом Мехтой в месте слияния Инда и Занскара, а также между Алчи и Лардона правом берегу Инда в 2013 г [5 p. 16] (рис. 3). Петроглифы выполнены в контурной технике, и в таком же битреугольном стиле, как и изображение из Кхалце. Однако, стоит отметить, что петроглиф, обнаруженный в месте слияния Инда и Занскара выполнен в технике гравировки, а второй петроглиф выполнен в технике выбивки. Особую ценность данным петроглифам придают

который был записан письмом брахми, и родственник пракриту гандхари, записываемый письмом кхароштки. Данные языки использовались кушанами для различных целей. Кхароштки использовался на северо-западе, его восточная граница проходила через Пенджаб, и лишь в исключительных случаях встречается на востоке, например, в Матхуре. Письменность брахми распространилась в других частях субконтинента, но также эпизодически встречается на территории Северной Индии.

изображения тамг, которые представлены на монетах Кушанской империи.

Поселенческие комплексы

На сегодняшний день нет ни одного исследованного кушанского поселения в Ладакхе, но собрано значительное количество подъемного материала в северо-западных регионах Ладакха (Пуриг и Нубра), свидетельствующего о поселенческих комплексах кушан.

В период с 2002 по 2014 гг. Мартин Вернье и Квентин Деверс в ходе археолого-разведочных работ собирали подъемный материал со всех частей Ладакха. На основе собранных материалов, преимущественно керамики из долины Нубра, под руководством Авроры Дидье, было проанализировано 1200 фрагментов из 22 выявленных местонахождений [8 р. 24]. Это привело к созданию общей типо-хронологической схемы от периода неолита до династии Намгьял. В дальнейшем керамика, собранная К. Деверсом и М. Вернье (за исключением керамики из долины Нубра), была исследована в 2015 - 2018 гг. Самарой Броглией-де-Моура. За четыре года было изучено 4 610 фрагментов из 60 местонахождений. Так, тонкостенная керамика с ярко выраженным венчиком, красным ангобом и штампованным орнаментом была обнаружена в Пуриге в нескольких местонахождениях Драса (Гошан Хар, Ргьялмо Хар, Биру Хар, Ламо Чен Хар), в Санку, Читгане и Мульбеке, а также на одном участке в Нубре, в Диските [9 р. 25; 10 р. 22-24]. Этот тип керамики, найденный в Бактрии, датируется кушанским и кушано-сасанидскими периодами I – IV вв. н.э. [11 с. 305-306]. Данные находки значительно отличаются от керамики, найденной в остальной части Малого Тибета.

Добавим, что в Занскаре находится ступа, известная как «ступа Каники/Каника Чортен». Считается, что этот памятник, расположенный на данный момент во внутреннем дворе действующего монастыря Сани, был построен Канишкой [3 р. 39]. Однако археологических исследований не проводилось.

Выводы

Как отмечает М. Скиннер, кушаны размещали свои надписи в районах, расположенных на границах их территорий или сфер влияния [12 р. 63-64]. Хотя Малый Тибет может показаться довольно отдаленным местом, его расположение в верховьях реки Инд позволило бы Виме Кадфизу регулировать перемещения по этому важному водному пути. Это, в свою очередь, говорит о том, что горные маршруты Малого Тибета, ведущие в Центральную Азию, были

довольно хорошо известны во времена расцвета Кушанской империи в конце I в. и во II в.н.э.

Судя по расположению памятников кушанского периода, они использовали два основных маршрута, ведущих в Синьцзян. Первый маршрут проходил по долине Инда до реки Хунза, а затем к перевалу Хунджерabu в бассейн Тарима. Второй маршрут от Леха до реки Шйок вел к Каракоруму в направлении Хотана и Яркенда. Эти маршруты служили как для достижения самого Ладакха, так и для сообщения с Верхним Тибетом, где в больших количествах производились такие ценные товары, как золото, мускус, пашмина, шахтуш, соль и сапфиры [13 p. 12].

Таким образом, находка керамики в Пуриге и Нубре в совокупности с эпиграфическими материалами и антропоморфными петроглифами с тамгами, обнаруженными вдоль Инда, подтверждает гипотезу о том, что данные территории были частью Кушанской империи. Отметим, что суровые земли Ладакха, непригодные для сельского хозяйства навряд ли использовались кушанами для развития городской культуры в регионе. Вероятнее всего, на территории Ладакха кушанами были основаны караван-сарай, служащие кровом и стоянкой для путешественников, как правило - для торговых караванов или буддийских монахов. Однако для доказательства данной гипотезы необходимы дополнительные археологические материалы.

Литература

1. *Shah M.A.* Early historic archaeology in Kashmir: An appraisal of the Kushan Period // *Bulletin of the Deccan College Research Institute*. 2013. Vol. 72. P. 213–224.

2. *Francke A.H.* Historische Dokumente von Khalatse in West-Tibet (Ladakh) // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1907. P. 583-614.

3. *Bruneau L.* Le Ladakh (Jammu & Cachemire, Inde) de l'Âge du Bronze à l'introduction du bouddhisme. Une étude de l'art rupestre. PhD thesis in archaeology. T.1. Paris, Université de Paris 1 – Panthéon Sorbonne. 2010.

Devers Q. Archaeological Ladakh: Contribution of Recent Discoveries to Redefining the History of a Key Region between the Pamirs and the Himalayas // *Central Asiatic Journal*. 2018. Vol. 61. №. 1. P. 103-132.

4. *Salomon R., Devers Q., Ldawa T.* Kharoṣṭhī and Brāhmī Inscriptions from Ladakh. Bulletin of the Asia institute. 2021. P. 1-20.

5. *Cribb J.* The Greek kingdom of Bactria, its coinage and its collapse // Afghanistan: ancien carrefour entrel'est et l'ouest: Actes du colloque international organise au Museearcheologique Henri-Prades-Lattes / Ed. O. Boppearachchi and M.F. Boussac, Turnhout: Brepols, 2005. P. 207-225.

6. *Salomon R.* The Indo-Greek Era of 186/5 BC in a Buddhist Reliquary Inscription // Afghanistan ancien carrefour Entre L'Est et L 'Ouest: Actes Du Colloque International, Musee Archeologique. Henri-Prades-Lattes / Ed. O. Boppearachchi and M.F. Boussac. Turnhout: Brepols, 2005. P. 359-402.

7. *Bruneau L., Vernier M., Didier A., Monnier S., Gaillard C., Forestier H., Devers Q., Camerlynck C.* Mission Archéologique Franco-Indienne au Ladakh: rapport préliminaire, campagne 2013, <<http://www.mafil.org/wp-content/uploads/2016/03/MAFIL-rapport-campagne-2013-web-FR.pdf>>.

8. *Bruneau L., Didier A., Vernier M., Devers Q., Suire J.* Mission Archéologique Franco-Indienne au Ladakh: rapport saison 2014, <<http://www.mafil.org/wp-content/uploads/2016/03/MAFIL-rapport-campagne-2014-web-FR.pdf>>.

9. *de Moura S.B.* Preliminary field notes on the ancient ceramics of Ladakh // Études mongoles et sibériennes, centrasiatiques et tibétaines. Centre d'EtudesMongoles&Sibériennes / École Pratique des Hautes Études. 2020. Vol. 51. P. 10-41.

10. *Сайко Э.В.* Некоторые особенности керамики кушанского периода Северной Бактрии // Центральная Азия в кушанскую эпоху: труды международной конференции. Т. II. М.: Наука, 1975. С. 301-307.

11. *Skinner M. C.* Marks of Empire: Extracting a Narrative from the Corpus of Kuṣāṇa Inscriptions. PhD thesis. University of Washington. 2017. 389 p.

12. *Devers Q.* Historical Sites of Changthang, Leh, Ladakh, Jammu & Kashmir. New Delhi: Indian National Trust for Art and Cultural Heritage. 2019. 253 p.

13. *Bruneau L.* Influence of the Indian Cultural Area in Ladakh in the 1st Millennium AD: The Rock Inscription Evidence // Purātattva. 2011. Vol. 41. P. 179-90.

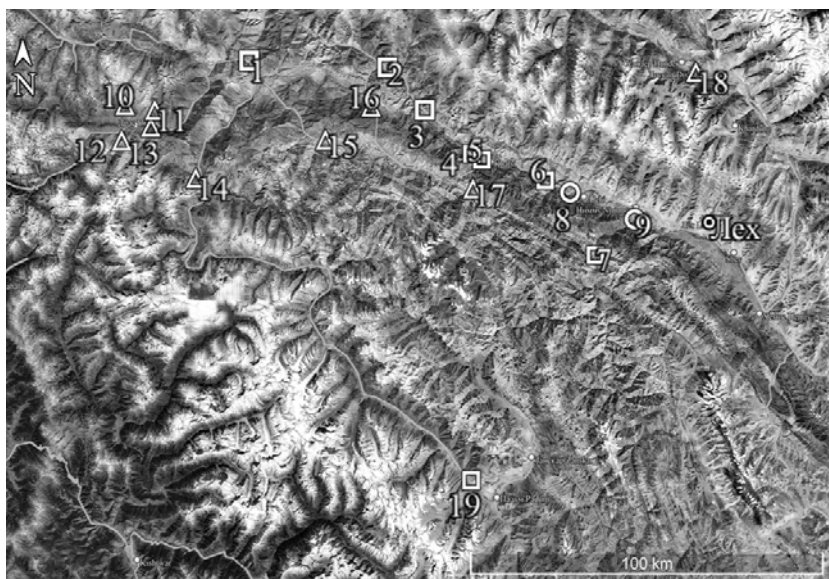


Рис. 1. Надписи письмом брахми и кхароштли кушанского периода: 1- Кхарул, 2 – Канутсе, 3 – Лехдо, 4 - между Кхалце и Нйермо, 5 –Кхалце, 6 – между ГадпаСнгонпо и Уллу Дрогпо, 7 - Вару. Антропоморфные петроглифы с тамгами: 8 - Между Алчи и Лардо, 9 - Слияние Инда и Занскара. Местонахождения с керамикой кушанского периода: 10 - ГошанКхар, 11 - РгьялмоКхар, 12 - Ламо Чен Кхар, 13 - Биру Кхар, 14 – Санку, 15 – Мульбек, 16 – Чигтан, 17 – Ванла, 18 – Дискит. 19 - Каника Чортен.



Рис. 2. Надпись кхароштли и петроглифы из Кхалце. Прорисовка по: [14, Pl. 1].

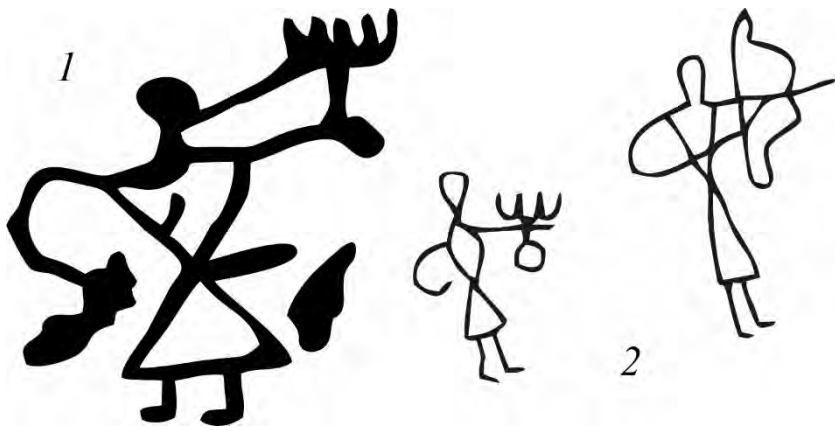


Рис. 3. Антропоморфные петроглифы с тамгами. 1 - между Алчи и Лардо, 2 – возле слияния Инда и Занскара. Прорисовка по: [5, Fig. 16].

Эволюция погребальных памятников горцев Восточного Афганистана XX–XXI вв.¹

С. И. Каверин,

*независимый исследователь, Москва,
swat.slav@gmail.com*

А. З. Шмелёв,

*независимый исследователь, Иваново,
yasumoriadachi@gmail.com*

1. Доисламские культуры Восточного Пригиндукушья

Афганистан расположен в сердце Азии на пересечении важных многовековых торговых маршрутов. Население Афганистана и соседнего Пакистана разговаривает преимущественно на индоиранских языках индоевропейской семьи. Совокупно эта территория представляет собой переходную зону, где в юго-восточном направлении преобладают индоарийские языки (и локально – нуристанские), а в северо-западном – иранские (и локально – тюркские). При этом обширные ареалы распространения языков пашто и белуджского на юге небеспочвенно вызывают ассоциации с экспансией индо-скифов (саков) и прочих ираноязычных скотоводов в сторону Индии на рубеже эр. Этногеография указывает на промежуточное положение двух стран между индийским и тюрко-иранским лингвокультурными полосами. Причём индоарийская архаика ещё долго продолжала сохраняться в культуре горцев, которые веками сопротивлялись и препятствовали проникновению государства и мусульманства в долины верховьев р. Инд и Кабул [1; 2].

Здесь, на рубеже Центральной и Южной Азии, располагается Памиро-Гиндукушский этнолингвистический регион, выделенный в 1970-х гг. ленинградскими лингвистами А.Л. Грюнбергом и И.М. Стеблиным-Каменским [3 с. 276-277]. Северную часть региона занимает памирский ареал; восток и юго-запад населены дардскими народами. Кафирский ареал [3 с. 280-281] составляет ядро региона: на северо-западе территория афганской провинции Нуристан ограничена Гиндукушским хребтом и зоной распространения персидского языка, восточнее доминируют языки индоарийской ветви, на юге — пашто.

© Каверин С.И., Шмелёв А.З., 2024.

Это внутренняя периферия большого индоиранского мира, некогда занимавшего центральную часть Евразии. Относительная изоляция в силу сложного рельефа долгое время оберегала здесь различные культуры, языки, этнические группы. Только в 1980-е гг. значительные изменения в политической и экономической сферах вкупе с реисламизацией привели к трансформации многих аспектов традиционной жизни горцев.

До конца XIX в. территория Нуристана и сопредельных районов была известна как Кафиристан, представляя собой «страну неверных», население которой было организовано в «безголовые сообщества». Формально же территория Памиро-Гиндукушского региона временами входила в состав крупных политий, где административная власть распространялась только на укрепленные центры, задача которых состояла в контроле над торговыми путями. Жители труднодоступных долин посещали «очаги цивилизации» для бартера, уплаты возможной дани, а также с целью грабежа.

Примечательно, что в Новое время ряд мусульманских народов состоял с «кафирами Гиндукуша» в добрососедских отношениях, которые не исключали единичных обоюдных набегов. Все памирские народы Афганистана издавна исповедуют ислам более компромиссного исмаилитского толка, и агрессивная территориальная экспансия не была характерна для них, в частности для мунджанцев — ближайших соседей Кафиристана. В новое время кафиры были скорее торговыми партнёрами своих северных соседей и даже имели святилища и небольшие выселки на их территории. Отношения с другими соседями (суннитами) имели различную степень напряжённости, особенно острой вражда была с афганцами (паштунами), которые отличались как наибольшим религиозным фанатизмом, так и склонностью к экспансии.

Кафиры продавали соседям масло, скот, рабов, керамику, изделия из дерева, кожи, шерсти. Из Припамирья в Кафиристан поступали современные товары, в том числе металлические, бумажная ткань и предметы роскоши, в первую очередь — халаты: как шелковые с золотым шитьём (которые надевались по торжественным случаям, включая похороны), так и шерстяные для повседневного ношения. Жители Мунджана и Зебака лично посещали селения соседей, доставляя соль. Кафирам удавалось выменивать необходимое у караванщиков, шедших тропами немного севернее их области через Читрал в Бадахшан. Иногда горцев захватывали в плен в ходе рейдов отряды из

отдалённых владений (чаще суннитских) для продажи в Бухаре и Кабуле. Обмен вещами и людьми провоцировал также обмен идеями.

Прежняя культура «кафирского» Нуристана в отражённом виде сохранилась у дардского народа калашей, который проживает на юге области Читрал в Пакистане поблизости от афганской границы. На текущий день около половины населения калашей приняло ислам. В отличие от нуристанцев, утрата ими языка и культурной памяти происходит стремительно. Прочие дардские народы Южного Читрала (не считая кхо) были исламизированы преимущественно в течение XIX в., однако смогли ещё сохранить языки и предания [4]. Поверхностно исламизированные дарды Афганистана составляли этносоциальную категорию «нимчá» — теперь они известны как пашаи, гавар и прочие «кохистанí» (горцы). Как на севере нынешнего Пакистана, так и на востоке Афганистана подобные полуверцы выступали посредниками в экономических и культурных контактах между мусульманами и язычниками. После обращения последних они заняли положение между «старыми» и «новыми» мусульманами, выступая примером адаптации прежних традиций к текущей культурной конъюнктуре.

2. Погребальные памятники Восточного Афганистана

Мы планируем в серии статей подробно рассмотреть погребальную и поминальную обрядность населения Восточного Пригиндукушья как в языческий период, так и в современности — у калашей и у мусульман: нуристанцев, дардов, таджиков, паштунов (сафи, юсуфзаев, пр.). Источниками послужат как архивные сведения и тематические научные публикации, так и новые полевые исследования в регионе. Данный доклад имеет обзорный и предварительный характер.

В Афганистане территория современных восточных провинций Нуристан, Кунар, Лагман, Каписа долгое время отличалась культурным своеобразием. Это в полной мере отражают и погребальные памятники, зафиксированные экспедициями в течение XX в.

Структура и форма погребальных памятников кафиrow и мусульман Гиндукуша менялась с течением времени. На основании имеющихся источников можно выделить три периода: доисламский (до конца XIX в.), раннеисламский (со 2-й пол. XIX в. до 1970-х гг.) и позднеисламский (с 1970-х гг. по наши дни).

2.1. Доисламские памятники

От доисламской эпохи оригинальных памятников почти не сохранилось. Основным источником служат фотографии, зарисовки и описания британских колониальных офицеров. Источники дают нам

также неполную информацию касательно географии. обстоятельное описание памятников имеется лишь для территории Восточного Нуристана (долина р. Кунар). Памятники Южного Нуристана, восточного Лагмана и западного Кунара (в притоках р. Печ и Алингар) нам известны лишь в той степени, в какой они сохранились до исламской эпохи, иногда в разрушенном виде. Для Центрального Нуристана информация наиболее скудна. Тем не менее, погребальные памятники доисламского периода отличались широким разнообразием.

Зафиксированы следующие типы: каменный монолит, деревянная статуя умершего [5 с. 645], ворота почёта, шест с зарубками, павильон над могилой [6 с. 199]. Также к погребально-поминальным памятникам можно отнести каменные скамьи [5 с. 648] и деревянные платформы для отдыха [7 с. 155], те сооружались от имени умершего «знатного» человека после его похорон. География памятников следующая: статуи были распространены на востоке Нуристана [5 с. 647], монолиты бытовали также на востоке и в Кунаре, ворота и шесты с зарубками известны на всей территории Кафиристана [5 с. 649; 5 с. 199], кроме Кунара и юго-западного края Нуристана – региона Ашкун [6 с. 200]. Платформы известны по всему Нуристану, кроме центральной части. Павильоны зафиксированы по всей его территории, включая центральную область. Сооружение каждого памятника определялось статусом человека при жизни и сопровождалось регламентированным угощением жителей деревни [7 с. 158]. В связи с этим большая часть памятников сооружалась богатыми людьми (имевшими много скота).

Самый простой погребальный памятник в Нуристане — монолит. Установку монолита могла позволить себе даже семья бедняка: для этого необходимо было принести в жертву овцу и окропить камень кровью [5 с. 648]. У пашаи в Кунаре и далее установку монолита в форме фаллоса или с конской головой могли себе позволить семьи важных людей [8 с. 92]. Основным памятником в Восточном Нуристане была деревянная статуя. Форма статуи определялась заслугами данного мужчины и женщины при жизни. Умерший обычно изображался стоящим, реже — сидящим в кресле. Самой престижной считается статуя, изображающая всадника. Особой разновидностью конного памятника является изображение всадника на лошади с двумя головами (т. е. на паре лошадей). Д.С. Робертсону сообщали, что женщин никогда не изображают верхом, но он лично видел статую всадницы в одном селении [5 с. 646]. Возможно, таковые были просто редкими.

Человек, располагающий излишками, мог распорядиться соорудить деревянную платформу для отдыха [7 с. 159-162]. О каменных скамьях сообщает лишь Д.С. Робертсон в главе, посвящённой памятникам, но не указывает никак на их связь с заупокойным церемониалом [5 с. 648]. Мы можем предполагать, что это некий аналог деревянной платформы; последняя была украшена символами статуса человека. Ворота ставили, как правило, недалеко от платформы, они образовывали единый ансамбль [6 с. 199]. Ворота выполнялись из камня и дерева, были украшены знаками ранга. Дополнительно устанавливали шест с зарубками; на таком шесте они обозначали число убитых врагов, а верх шеста могла венчать небольшая фигурка человека [9 с. 47]. Иногда шест мог стоять на прямоугольном постаменте: такой памятник зафиксировал Д.С. Робертсон [5 с. 648]. Иногда человека хоронили вне кладбища, ставя над могилой павильон – неподалёку от платформы и ворот, включая, таким образом, в ансамбль [6 с. 199].

Хотя в духовной культуре кафиров Гиндукуша представления о загробном мире занимали скромное место, похороны были очень важны. Похороны, поминки и сооружение памятников имели тесную связь с культом предков и статусной культурой. Важная черта заупокойного культа кафиров – большая ориентированность на мир живых, а не на посмертное благополучие. Как и во многих обществах, похороны в Кафиристане определялись общественным положением человека. Своеобразие заключается в том, что все значимые элементы похорон совершались публично. Отсутствие практики украшать захоронение «для покойного» подразумевало, что живые не будут иметь к нему доступа. В доисламскую эпоху тело покойного наряжали согласно достатку семьи и выставляли на площади и в честь него устраивались танцы [5 с. 638]. Затем его относили на кладбище и клали в простой деревянный гроб (ящик без декора на двух ножках-планках). Когда тело истлевало, в тот же гроб могли положить другого члена семьи [5 с. 641]. С умершим клали сосуды с пищей; остальной инвентарь погребений был скромным. Богатого человека могли нарядить в привозной шёлк, но это делалось для публичных поминок. Шёлковая одежда и украшения могли быть объектом кражи из могил, и этим занимались в основном рабы [5 с. 641]. Памятники устанавливали перед кладбищем. Иные заупокойные сооружения располагали вообще безо всякой связи с ним (на земле, непригодной для земледелия). Это объясняется тем, что кладбище является осквернённым местом, его посещение было ограничено для мужчин и запрещено жрецам; всё

заупокойное искусство ориентировано на живых [5 с. 642]. Представляют интерес и павильоны, поскольку захоронения этого типа также располагались вне кладбища. Указывается высокий статус человека как причина для такого исключения [5 с. 642; 7 с. 204]. Можно предположить, что человек настолько сближался с богами, что его захоронение переставало считаться ритуально нечистым. О том, насколько важным было почитание предков, известно из мифа, записанного А.Р. Пальвалем [10 с. 32]. Согласно ему, двоих человек похитили призраки и отправили в загробный мир. Там люди увидели предков, занимающихся привычными земными делами. Страж царства мёртвых спросил новоприбывших о деяниях предков, особенно о пирах, которые те давали. Один человек не ответил ничего, а другой рассказал всё в подробностях. Страж пообещал ему рассказать всё о его предках, затем отправил пару в мир живых. Первый человек разорился, а второй стал мудрецом и прославился. В этом мифе отражена главная задача заупокойного культа: сохранять память о великих деяниях предков, об их статусе при жизни и о достатке, выражавшемся в стадах и пирах.

Памятники «нуристанского» (кафирского) типа существуют также у дардоязычных калашей Читрала. До конца XX в. калашаи устанавливали статуи умерших, аналогичные нуристанским. Из-за присвоения природных ресурсов (земли, пастбищ, лесов) мусульманами калашаи обеднели и теперь не могут позволить себе такие памятники. Интересно, что у калашей шест с человеческой фигурой на постаменте не имеет зарубок, обозначающих количество убийств. Такой памятник они считают оберегом от злых духов и устанавливают рядом с полем. Возможно такое объяснение, что калашаи долгое время не вели войн, являясь подданными княжества Читрал.

2.2. Памятники исламского времени

Вместе с формальной исламизацией Кафиристана, к началу XX в. изменения претерпели и погребальные традиции. Установка статуй, шестов и ворот прекратилась. Статуи исчезли в связи со строгим запретом на изображение живых существ в исламе. Шесты отражали боевые заслуги, но после присоединения Кафиристана к эмирату Афганистан войны прекратились. Причина прекращения установки мемориальных ворот пока не выяснена. Деревянные платформы и павильоны продолжали создавать до 1970-х гг. Захоронения теперь стали совершаться в земле, и место гроба внутри павильона заняла ограда.

Появился новый тип памятников, похожий на павильон. Он представляет собой деревянное сооружение над могилой, обычно прямоугольной формы [10 с. 155]. Могилы с такой оградой известны в Кунаре и по всему Нуристану. Интересно, что аналогичные ограды устанавливались, а где-то устанавливаются и поныне, на территории Пакистана в областях, населённых восточными дардами. В южных областях распространения языка шина, а также кохистанских языков, известно множество захоронений такой конфигурации. Пока неясно, откуда в Нуристан и Кунар попал идентичный тип памятника при том, что восточнотуркменские языки распространены на значительном удалении отсюда. Происхождение ограды от павильона маловероятно, хотя М. Климбург называет ограды их уменьшенными копиями [6 с. 205].

В Нуристане ограды были принято украшать символами статуса человека, тогда как в остальных областях значение резьбы не выяснено. Иногда украшением ограды служили рога винторогого козла, который считался священным [7 с. 155]. Ограда могла быть выполнена из досок и камней, могла быть лишь деревянной. По краям такого сооружения часто находились столбики, а в голове и ногах покойного располагались резные «маркеры» (доски). Иногда конструкция могла иметь крышу — чаще плоскую, но по фото М. Климбурга известен один пример ограды с двускатной крышей [6 с. 205].

Хотя происхождение оград не выяснено, такой памятник отражает приспособление нуристанской статусной культуры к исламским реалиям. Место выставления тела заняла ингумация, а создавать статуи стало неприемлемым, однако потребность отражать общественное положение и заслуги человека не исчезла. Набеги на соседей прекратились, но, как и прежде, можно было повышать свой общественный статус, устраивая угощения для деревни и производя иные общественно значимые действия.

3. Перспективы исследований в современный период

К 1970-м гг. в Афганистан проникает исламский фундаментализм. С его приходом начинается позднеисламский период, который длится до нашего времени. Приходят в упадок локальные культуры, музыка и танцы подвергаются запрету. Все погребальные памятники прошлого выходят из употребления, и лишь единицы прежних стоят сегодня.

Это отчасти связано с тем, что в селениях, где победил фундаментализм, пережитки доисламской культуры объявляют грехом. Сохранившиеся памятники уничтожают, включая деревянные ограды мусульманского времени. На их место приходят простые, стандартные

захоронения с парой небольших монолитов (в голове и ногах), лишённые любых украшений, знаков или надписей. Во многих случаях старые памятники были проданы как антиквариат или обветшали.

Другая причина исчезновения намогильных сооружений — упадок статусной культуры. Традиционные ранги выходят из употребления, местное самоуправление, основанное на этих рангах, подменяется исламистской теократией. Впрочем, ряд пережитков в социальной культуре и погребально-поминальных практиках ещё прослеживается, их запись и анализ входят в задачи современных полевых исследований по региону Восточного Афганистана.

Предварительные наблюдения смог провести в сентябре-октябре 2023 г. С.И. Каверин на территории афганских провинций Нуристан, Кунар и Нангархар. Ниже приведём некоторые локальные особенности захоронений у современных нуристанцев, пашаи, кохистанцев, которые проживают в долинах бассейна р. Печ.

1. На одном из придорожных кладбищ в 5 км ниже г. Асадабад (ранее Чагасарай), столицы провинции Кунар, несколько захоронений отмечены сооружениями «раннеисламского» типа. Антропоморфные «маркеры» выполнены из деревянных досок. На одной могиле сохранились остатки ограды и частично обломанные «маркеры», а также каменный «маркер». На двух других могилах, за которыми ещё ухаживают (рис. 1), можно видеть подновлённую каменную ограду, скреплённую цементным раствором, и деревянный короб, подобный тем, что были зафиксированы на различных фото в период 1949–1978 гг. Население здесь давно перешло на язык пашто.

2. В 30 км выше Асадабада, в долине р. Печ располагается городок Нангалам. На старом кладбище рядом с ним сохранились могилы, отмеченные монолитами в человеческий рост, ранее зафиксированные на фото 1930–60-х гг. Можно считать их захоронениями «статусных» покойников раннеисламского периода. В 23 км ещё выше в р. Печ впадает р. Дигал. В её среднем течении располагается сел. Глангал, население которого (кохистан) родственно прежнему населению Нангалама. Более сотни человек здесь ещё сохраняют свой дардский язык — глангали (11; 12; 13). Несколько выше в Дигале располагается хутор Булак, а рядом с ним — «кладбище путешественников», на котором также сохранились старые могилы, предположительно середины XX в. (Рис. 2, 2-3). Похожие захоронения можно увидеть на фотоснимке А.Л. Грюнберга (Рис. 2, 1), не публиковавшемся ранее.

3. Далее в 7 км выше Дигала располагается долина Курдар. В её верхнем селении могилы располагаются на террасах вдоль сельской дороги. На повороте в нижней части селения экскаватор срезал край склона, обнажив старые захоронения. Выше по дороге на склоне можно видеть террасы из нескольких ярусов старых могил, которые представляют собой каменные ящики, частично «заросшие» грунтом (Рис. 3). Население долины разговаривает на дардском языке пашаи.

4. В 25 км от Нангалама выше по течению р. Вайгал располагается долина Амешгуль, с одноименным селением Амешдеш. По всему южному Нуристану обычны захоронения в каменных ящиках над поверхностью земли (Рис. 4). Порой в старые могилы производят имгумацию либо просто перекадывают кости из других могил — для их повторного использования, либо при необходимости очистить место.

5. В 27 км выше Курдара (в 55 км от Нангалама) р. Печ происходит от слияния р. Кантыва и р. Парун. Долина Кантыва считается родиной многочисленного и наиболее широко расселившегося нуристанского народа катэ. В долине Парун, административном центре провинции Нуристан, прежде находился религиозный центр Кафиристана. Этим компенсировалась кротость местного народа васи. Археологическое исследование долин помогло бы раскрыть многие вопросы о их заселении, однако оно до сих пор не проводилось. Судя по нынешней практике, обветшавшие дома здесь разваливают в среднем раз в 100 лет, а столбы используют повторно. Долина Парун отличается уникальным для региона типом домов, уходящих немного под землю, что даёт небольшой оптимизм относительно культурного слоя. Находок захоронений ожидать не приходится, поскольку погребения кафиринов Гиндукуша производились преимущественно в деревянных ящиках, выставленных на дневной поверхности, реже в пещерах. Однако в 2021 г. при рытье погребца в сел. Куштеки была обнаружена крышка черепа, пробитая трёхлопастным наконечником [кафирской] стрелы. Что касается мусульманских могил Паруна, то их выкапывают в каменистом грунте, но пригодную для земледелия площадь экономят, поэтому спустя 15 лет и более принято освобождать могилы, концентрируя кости лишь в одной, чтобы использовать остальные повторно.

Литература

1. *Cacopardo A.M.* Fence of Peristan: The Islamization of the “Kafirs” and Their Domestication // *Archivio per l’Antropologia e la Etnologia*. 2016. CXLVI. P. 69-101.

2. *Cacopardo A.S.* A World In-between: The Pre-Islamic Cultures of the Hindu Kush. // S. Pello (ed.) *Borders. Itineraries on the Edges of Iran*. *Eurasiatica. Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale*. 2016. 5. P. 243-270.

3. *Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М.* Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // *Проблемы картографирования в языкознании и этнографии* / Отв. ред. М.А. Бородина. Л.: Наука, 1974. С. 276-283.

4. *Cacopardo A.M., Cacopardo A.S. (eds.)*. *Gates of Peristan: History, religion and society in the Hindu Kush*. Roma: Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, 2001. 326 p.

5. *Robertson G.S.* *The Káfirs of the Hindu-Kush*. London: Lawrence and Bullen, 1896. 658 p.

6. *Klimburg M.* *The Kafirs of the Hindu Kush. Art and Society of Waigal and Ashkun Kafirs*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1999. 760 p.

7. *Edelberg L.* *Nuristani buildings*. Aarhus: Jysk arkæologisk selskab, Moesgård, 1984. 223 p.

8. *Wutt K.* *Pashai: Landschaft, Menschen, Architektur*. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1981. 140 S.

9. *Edelberg L., Jones S.* *Nuristan*. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1979. 186 S.

10. *Palwal A.R.* *History of former Kafiristan. Part IV. Kafirs’ cult of the dead* // *Afghanistan*. 1969. Vol. XXII. № 2. P. 20-43.

11. *Грюнберг А.Л.* К диалектологии дардских языков (глангали и земиаки) // *Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии*. М.: Наука, 1971. С. 3-29.

12. *Грюнберг А.Л.* Материалы по этнографии дардских народностей Восточного Гиндукуша (долина Дигал) // *Кунсткамера. Этнографические тетради*. 1996. № 10. С. 310-331.

13. *Tegethoff R.C., Kaverin S.I.* *Documenting Grangali* // *Cacopardo A.M., Cacopardo A.S. (eds.)*. *Roots of Peristan: The Pre-Islamic Cultures of the Hindukush/Karakorum*. *Proceedings of the International Interdisciplinary Conference*. ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5-7 October, 2022. Part I. Roma: ISMEO, 2023. P. 433-452.



Рис. 1. Старые могилы на придорожном кладбище рядом с г. Асадабад (пров. Кунар). Антропоморфные «маркеры» выполнены из дерева.

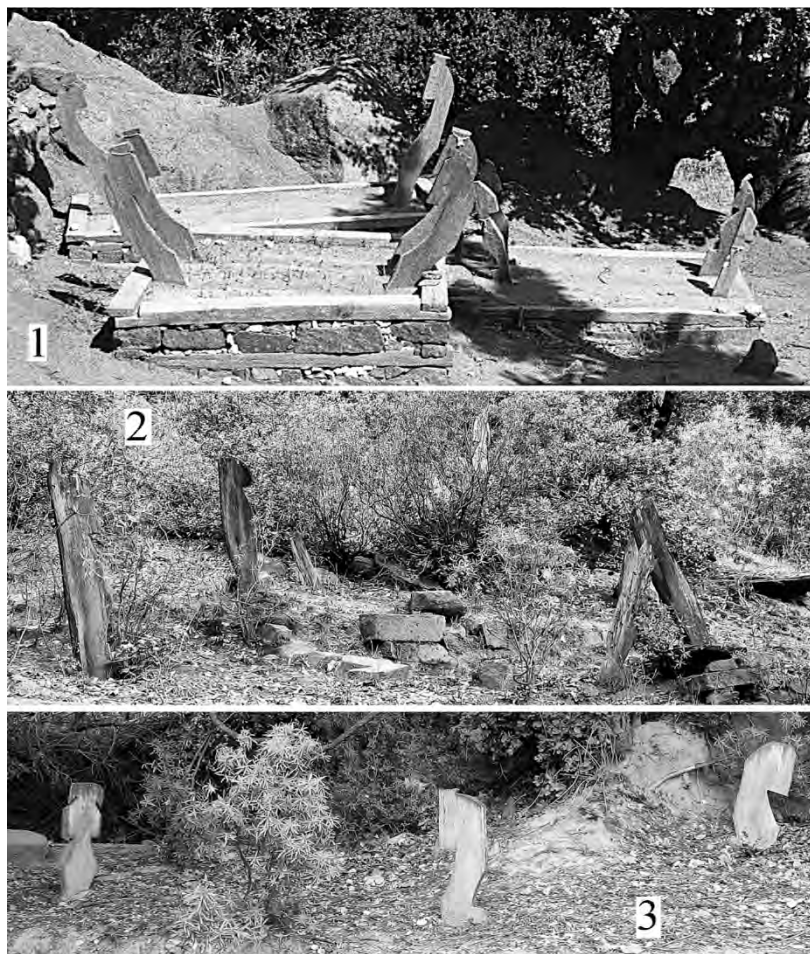


Рис. 2. Могилы сер. XX в. выше сел. Глангал в долине Дигал (пров. Кунар): 1 — сентябрь 1963 г. (фото А.Л. Грюнберга), 2, 3 — сентябрь 2023 г. (фото С. И. Каверина). См. также [13 рис. 4].



Рис. 3. Старые мусульманские могилы наверху долины Курдар (пров. Нуристан). Население разговаривает на дардском языке пашаи.

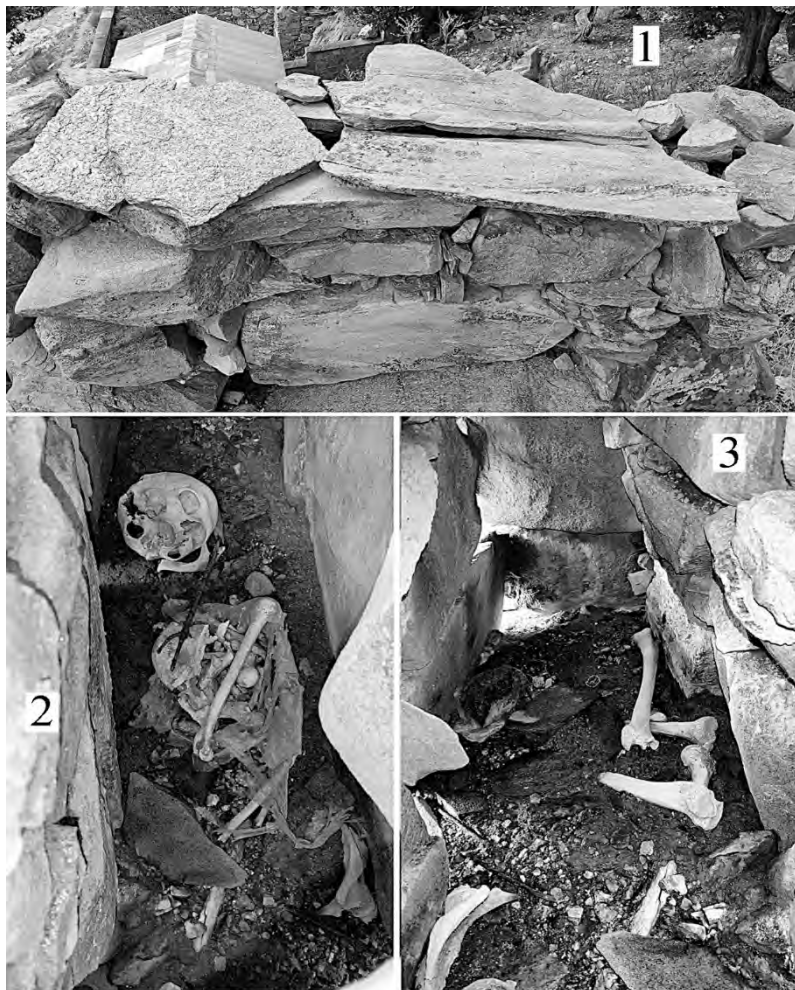


Рис. 4. Открывшаяся могила в селении Амешдеш (пров. Нуристан).

Инокультурные инфильтрации в эпоху бронзы и раннего железного века в Туве¹

Килуновская М.Е., Леус П.М.

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, kilunmar@mail.ru, leuss@mail.ru*

Тува является достаточно хорошо изученным в археологическом плане регионом Центральной Азии. Исследования здесь начались в начале 20 века, когда А.В. Адрианов производил первые раскопки на левом берегу Енисея. В 1965-1984 гг. в Туве работала самая большая археологическая экспедиция в Советском Союзе - Саяно-Тувинская, раскопавшая более тысячи памятников различных исторических эпох в будущей зоне затопления Саяно-Шушенского водохранилища. В 2009-2016 гг. широкомасштабные исследования велись по линии проектируемой железной дороги, которая должна была соединить Туву с Южной Сибирью. В результате этих работ раскопаны многочисленные памятники в Уюкской котловине и Центральной Туве. Помимо этих проектов, раскопки разной степени интенсивности регулярно велись и в других районах республики.

Несмотря на имеющееся многообразие археологического материала с территории Тувы, некоторые эпохи и культуры представлены здесь буквально единичными памятниками или находками. То есть фиксируются только следы присутствия культур, распространённых на соседних территориях – в Минусинской котловине, Алтае, Казахстане, Монголии. Кто оставил эти следы «на пыльных тропинках» далёкой Тувы? Были это одиночки или небольшие группы людей, оказавшиеся на территории Тувы в ходе миграционных процессов, военных походов или в силу каких-то других причин?

Какие признаки подобного незначительного инокультурного проникновения можно проследить на примере археологии Тувы? В

© Килуновская М.Е., Леус П.М., 2024.

Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии и энеолите – позднем железном веке (источники взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-014).

первую очередь это, конечно же, нехарактерные для локальной культуры элементы погребального обряда и инвентаря. Рассматривая погребальный инвентарь, нужно учитывать контекст его обнаружения – был ли он найден непосредственно с представителем «иной» культуры или попал в Туву как предмет торговли, обмена, даров, трофеев и т.д., то есть в силу самых разных обстоятельств? Ответить на такой вопрос однозначно можно далеко не всегда.

Смену археологических культур Тувы от неолита до средневековья можно проследить на основании четкой стратиграфия, полученной по материалам раскопок стоянки Тоора-Даш в Саянском каньоне Енисея [1]. На стоянке выявлено 13 культурных слоев - три нижних относятся к верхнеенисейской неолитической культуре (это погребальные каменные сооружения, очаги, керамика, каменные и костяные орудия). Пятый слой соответствует афанасьевской культуре. Два слоя относятся к тувинскому варианту окуневской культуры (в нем нужно отметить остатки жилища, захоронение черепов быков и козлов, круглые и прямоугольные очаги). Еще два слоя – предскифская культура, которая может быть соотнесена с курганами монгун-тайгинского типа. Далее находились два слоя, содержащих материалы скифского времени, выше – слой гунно-сарматского времени, над ним – слой до эпохи Алтын-ханов, а к моменту исследований в этом месте находилась современная чабанская стоянка.

Кроме Тоора-Даша в Туве есть еще несколько стоянок, на которых также был зафиксирован каменный инвентарь и керамика эпохи бронзы. Кроме того, на стоянках Азас в Тодже и Кара-Орга около Белого озера в Пий-Хемском районе обнаружены плиты с окуневскими личинами, а на Этекшиле, на левом берегу Бий-Хема, гальки с гравированными рисунками, имеющие аналогии на поселении Торгажак в Минусинской котловине [2 с. 38-45]. В самых разных местах Тувы встречаются фрагменты керамики с трубчатым и накольчатым орнаментом, которые также можно отнести к эпохе бронзы. В основном это подъемный материал на выдувах, размытых берегах рек, в некоторых случаях под насыпями курганов (Аржан-2, Копто), а также на стоянках Хадынных, Этекшил, Хая-Ужу [15,с.312]. Самый северный пункт, где собрана такая керамика, – могильник Мутная 1 в долине р.Ус [3 с. 288, рис.1, 2].

Погребальные памятники эпохи бронзы в Туве, по сравнению с большинством соседних регионов, встречаются редко. В тоже время, в разных районах Тувы известны многочисленные местонахождения

наскальных рисунков, которые можно четко сопоставить с разными этапами и культурами эпохи бронзы. К афанасьевской культуре относятся два погребальных памятника – могильник Хайыракан на левом берегу Енисея и Ооруг-Аксы в Бай-Тайге [4 с. 270–272]. Захоронений окуневской культуры также немного – одно погребение около дороги Аржан-Хадын, раскопанное С.И. Вайнштейном, одно – на р. Талышкин в Эрзине, исследованное М.Х. Маннай-оолом, и могильник Аймырлыг XIII на берегу р. Чаа-Холь, состоявший из 10 могил [5].

В районе Чаа-Хольского залива водохранилища, на левом берегу Улуг-Хема, были обнаружены два уникальных памятника с материалами эпохи бронзы. Около западного подножия горы Бош-Даг, недалеко от могильного поля Аймырлыг, в 1972 г. в колее дороги было расчищено разрушенное погребение, от которого сохранились кисти рук с двумя бронзовыми браслетами. Браслеты пластинчатые, имеют конические спирали на окончаниях и находят многочисленные аналогии в андроновской культуре [15 с. 301-302, рис. 30]. По мнению И.В. Ковтуна эта находка относится к ранней стадии становления андроновской культуры [6 с. 27].

В 2022 г. с северо-западной стороны небольшой отдельно стоящей горы Ала-Тей исследовано непо потревоженное женское захоронение. Оно было совершено в неглубокой яме, забутованной камнями. Погребенная лежала с подогнутыми ногами на левом боку головой на В-СВ. Около черепа находились три бронзовые серьги разного типа - с раструбом на обоих концах, с конической спиралевидной подвеской и раструбом на одном конце. Подобные серьги-кольца с противопоставленными раструбами встречаются в памятниках мунх-хайрханской культуры Монголии, Северо-Западного Китая и Западного Саяна, которые датируются первой половиной II тыс. до н.э. [7 с. 62-64, рис. 19; 8 с. 76-77, рис. 2-15, рис. 5. 1-6]. Серьги с конусовидной спиральной-пружинкой и конусовидным полым раструбом также характерны для восточного ареала памятников андроновской культуры [9 с. 160-162], а аналогии третьему экземпляру широко представлены в еловском археологическом комплексе в Западной Сибири [10 рис. 419. 1-7] и культуре Сыба в Северо-Западном Китае [8 с. 75-76]. Они датируются периодом между XVIII и XIV вв. до н.э. Присутствие таких изделий в Туве наглядно демонстрирует пути контактов между Западной Сибирью в Монголию и Китай через Саяно-Алтай.

В Центральной Туве на левом берегу Енисея на могильнике Красная Горка 3 нами раскопан один курган мунх-хайрханской культуры (объект 17), выделенной А.А. Ковалевым на памятниках Монголии [11 с. 194-225]. Наземное сооружение кургана имело правильную круглую форму, и было очень тщательно сложено в один-два ряда камней [12 с. 169, рис. 31-32]. В овальной неглубокой яме, заложённой камнями и ориентированной по линии 3-В находились компактно сложенные кости человека, возможно, уложенные туда в мешке. Череп лежал отдельно. На костях сохранились следы охры, 12 каменных пуговиц и 7 нашивок с перемычкой, подобные которым были найдены в долине р. Ус О.А. Митько [3 с. 283-291, рис. 6]. Подобные нашивки вместе с костяной ложкой были обнаружены нами в 2020 г. в мунх-хайрханском кургане на могильнике Кара-Туруг 2 в Овюрском районе Тувы, на границе с Монголией (объект 72). По погребальному обряду эти объекты также идентичны.

На территории Тувы встречаются артефакты, относящиеся к карасукской культуре, а точнее, к финальной стадии эпохи бронзы. В основном, это случайные находки – дугообразно-обушковые ножи, кинжалы, лапчатая бронзовая подвеска, кельты. Они происходят из Центрально-Тувинской и Турано-Уюкской котловин. Известно два погребения. Первое у пос. Чаа-Холь (раскопки М.Х. Маннай-оола) – в каменном ящике, головой на запад. Из инвентаря найдена костяная ложка и фрагмент лезвия ножа [13 с. 29]. Второе – погребение женщины на горе Кара-Хая, расположенной возле посёлка Хову-Аксы [13 с. 22-31, рис. 15, 19]. На разрушающемся берегу водохранилища, при раскопках поселения Бай-Булун 5 были обнаружены фрагменты венчиков керамических сосудов, украшенных жемчужинами, и обломок лезвия «хвостатого» ножа, находящие аналогии среди материалов погребальных памятников и стоянок эпохи поздней бронзы в Минусинской котловине (в первую очередь на поселении Торгажак), а также среди отдельных находок из Китая [14]. Здесь же, в районе водохранилища, был обнаружен бронзовый кинжал [14 с. 92-94, рис. 11]. У него перекрестье с выступающими «усиками», обоюдоострый клинок и желобчатая рукоять с двумя петлями с внутренней стороны.

Все перечисленные «карасукские» артефакты датируются, вероятно, XI в. до н.э. В это время в Туве повсеместно распространяются памятники монгун-тайгинского культуры. Они отличаются сложной, иногда монументальной архитектурой наземных сооружений и погребальных камер, но при этом не содержат никакого

погребального инвентаря, поэтому объединение их в понятие археологической культуры пока весьма условно.

В конце I тысячелетия до н.э. в Туве формируются культуры скифского типа – алды-бельская (ранне-скифское время) и уюкско-саглынская (поздне-скифское время). Ранние памятники, в основном, сосредоточены в Центральной и Турано-Уюкской котловинах, а более многочисленные поздние – по всему региону. Среди них также встречаются захоронения, совершенные по «нестандартному», инокультурному обряду, с необычным инвентарем. На могильнике Суме-Беш, на берегу Чаа-Хольского залива, в 2010 г. было исследовано погребение мужчины ранне-скифского времени, необычное по конструкции погребального сооружения и позе погребенного (объект 14) [15 с. 432-435]. Под высоким наземным сооружением (1,5 м) были уложены многочисленные кости различных животных (домашних и диких). Могильная яма была перекрыта несколькими слоями очень больших плит, а на дне находилась деревянная рама, перекрытая пятью поперечными плахами. На дне лежал скелет мужчины мощного телосложения и высокого роста, со множественными следами ранений на костях. Захоронение было совершено на спине, головой на ВСВ. Под головой лежала каменная плита-«подушка», у левого плеча лопатка быка и остатки кожаного колчана. В колчанный набор входило 30 стрел с бронзовыми и костяными наконечниками, позволяющие датировать этот памятник VIII–VII вв. до н. э. При этом вытянутая поза погребенного и ориентация головой на восток необычна для скифского времени Тувы, где в это время распространены только захоронения на боку с подогнутыми ногами.

В 2023 г. подобное захоронение было исследовано нашей экспедицией у горы Ала-Тей, в 8 км от Суме-Беш (Ала-Тей 4, курган 14). В центре кургана находилось захоронение в глубокой яме овальной формы, в несколько слоёв и плотно забутованной очень большими камнями и плитами. Ближе к дну был сделан уступ, укрепленный небольшими плитами, на котором поперёк ямы находилось деревянное перекрытие. Погребённый мужчина 20-25 лет лежал вытянуто на спине, головой на запад. На шее погребенного найдено несколько стеклянных бус, под черепом золотая серьга с конусовидной подвеской, украшенной зернью. В районе таза фиксировались остатки пояса в виде бронзовых обойм, костылевидной застежки и зооморфной бляшки, с одной стороны пояса втульчатый бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти, с другой железный большой нож с кольчатой навершием, а

около бедра колчан с шестью бронзовыми и двумя деревянными наконечниками стрел. Все перечисленные артефакты находят прямые аналогии, в том числе, в кургане Аржан-2. На площади этого кургана были и другие захоронения, что соответствует традициям алдыбельской культуры ранне-скифского времени. Особенно характерно погребение (№ 4) мужчины в сильно скорченном положении в массивном каменном ящике. На периферии соседнего кургана в этом же могильнике найден вымытый водохранилищем бронзовый клад конского снаряжения. Весь комплекс датируется VII-VI вв. до н.э.

Абсолютно нетипичное для Тувы скифской эпохи вытянутое положение погребённого и некоторые другие детали обряда свидетельствуют, очевидно, об инокультурном происхождении захороненных таким образом людей. Они могли попасть в Туву, например, из Минусинской котловины, где в скифское время был распространён обряд труположения вытянуто на спине, или с каких то других, более дальних территорий.

В позднескифское время по всему региону распространяются коллективные погребения в больших деревянных срубах, но при этом появляются и достаточно редкие сооружения – так называемые «склепы» [16 с. 77-81]. Они есть на левом берегу Енисея по берегам Чаа-Хольского залива (Аргалыкты-1 и Аймырлыг XXIII), а также на юге Тувы около границы с Монголией - Кара-Туруг 3. Такие склепы представляют собой довольно сложные и нетипичные для Тувы архитектурные сооружения, сложенные из каменных плит по типу купольных гробниц, перекрывающих ложным сводом неглубокую погребальную камеру. Появление этой абсолютно новой для Тувы традиции, несомненно, связано с какой-то небольшой группой инокультурного населения, оказавшейся здесь на короткое время в эпоху скифо-хуннско-ханьских войн и связанных с этим «переселений» народов.

Таким образом, начиная с эпохи бронзы, в Туве фиксируются следы присутствия археологических культур из соседних или отдалённых регионов. Это выражается как в виде находок отдельных, необычных артефактов, так и в наличии нетипичных захоронений, отличающихся от характерных признаков локальных культур. При этом, в данных случаях нельзя говорить о каком-то серьёзном проникновении или влиянии соседних культур, так как свидетельства этого, хоть и очень характерны, но совершенно незначительны.

Следы таких инфильтраций в виде погребений оставлены, скорее всего, немногочисленными группами или даже одиночными представителями инокультурного населения, волею судьбы оказавшимися на территории Тувы. Находки отдельных артефактов, как уже говорилось выше, могут свидетельствовать о самых разных уровнях межкультурных контактов – торговля, военные трофеи, дары и т.д.

Важно отметить наличие контактов с культурами Западной Сибири, а именно Приобья и Притомья, что прослеживается уже в эпоху средней бронзы, но особенно четко на материалах уюкско-саглынской культуры в середине I тысячелетия до н.э. Причем эта связь существует именно на уровне предметов материальной культуры и не касается погребального обряда [17 с. 126-138].

Тува с древнейших времён оказывается на перекрёстке движения различных племён и народов или их отдельных представителей, чей путь мог лежать как из Центрального и Восточного Казахстана через Верхнее Приобье и Горный Алтай в Туву, а далее в Монголию и Северо-Западный Китай, так и в обратную сторону [18 с. 177].

Часть из них могла задержаться в Туве на короткое или долгое время, продолжив затем свой путь в другие земли, часть осталась здесь навсегда, сыграв свою роль в формировании более поздних культур и этногенезе населения Древней Тувы.

Литература

1. Семенов Вл. А. Тоора-Даш. Многослойная стоянка на Енисее в Туве. СПб.: Невская книжная типография, 2018. 340 с.
2. Савинов Д.Г. Древние поселения Хакасии: Торгажак. СПб.: «Петербургское востоковедение», 1996. 112 с.
3. Митько О.А. Памятники «окуневского круга» в долине р.Ус (Западный Саян) // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб, 2006. С. 283-291.
4. Вадецкая Э.Б., Поляков А.В., Степанова Н.Ф. Свод памятников афанасьевской культуры. Барнаул: АЗБУКА, 2014. 380 с.
5. Стамбульник Э.У., Чугунов К.В. Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб, 2006. С. 292-302
6. Ковтун И.В. Типология и хронология андроновских браслетов с конусовидными спиралями на окончаниях // Теория и практика археологических исследований. 2014. Вып.№ 2 (10). С. 25-30.

7. *Боковенко Н.А., Ковалев А.А., Лазаретов И.П.* Открытие памятников Мунх-Хайрханской культуры в горах Западного Саяна // Известия лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15 № 2. С. 47-66.
8. *Ковалев А.А.* О хронологической позиции металлокомплекса культуры Сыба (Северо-Западный Китай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2023. Т. 51. № 1. С. 70-79.
9. *Умеренкова О.В.* Съёмные украшения эпохи бронзы Западной Сибири // Вестник Кемеровского университета. 2015. № 2 (52). Т.6. С. 156-166.
10. *Матющенко В.И.* Еловский археологический комплекс. Часть II. Еловский II могильник. Доирменские комплексы. Омск: Из-до Омск.ГУ, 2004. 468 с.
11. *Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д.* Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 194-225
12. *Килуновская М. Е., Боковенко Н. А., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А., Смирнов Н. Ю.* Исследования археологических памятников в урочище Бай-Булун в 2015 г. (Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН). // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН (охранная археология). 2017. № 6. С. 151–182.
13. *Кызласов Л.Р.* Древняя Тува. М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.
14. *Семенов А.В.* Карасукский след в долине Чаа-Холя: случайные находки и исследование стоянки в урочище Терезин (Чаа-Хольский район Республики Тыва) // Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Международной конференции (8-11 сентября 2021 г. Абакан). Абакан, 2021. С. 84-95.
15. *Семенов Вл. А.* Погребение раннескифского времени на могильнике Суме-Беш в Туве // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: Материалы международной научной конференции, посвящ. 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога М. П. Грязнова. Кн. 2. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. С. 432–435.
16. *Семенов А.В.* Погребальные сооружения озен-алабелигского этапа уюкско-саглынской культуры (III–II вв. до н. э.) // Археологические вестн. 2023. Вып. 40. СПб.: ИИМК РАН. С. 69-84
17. *Килуновская М.Е., Фролов Я.В.* Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда. М.: РГГУ, 2020. С. 125-138.

18. Чугунов К.В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. Сб. науч. тр. по сов. 60-летию Д.Г. Савинова. СПб: Филол. ф-т СПбГУ, 2001. С. 173-178.

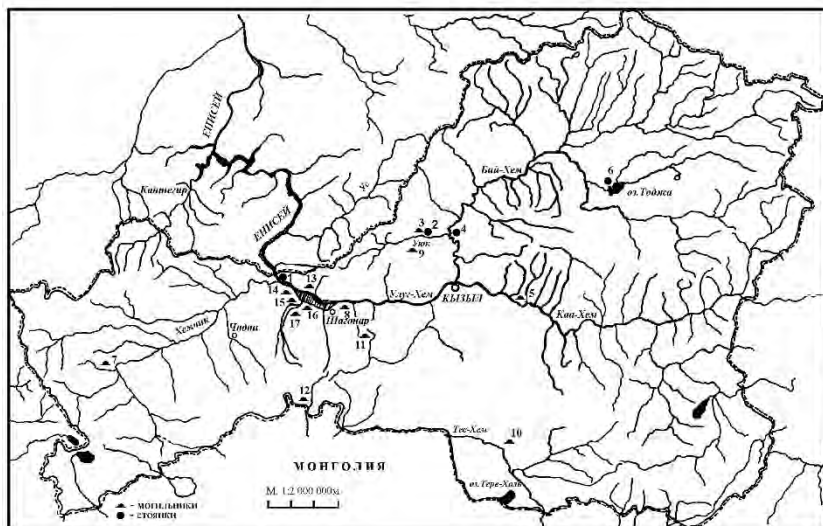


Рис.1 Карта расположения памятников на территории Республики Тыва: 1 – Тоора-Даш; 2 – Кара-Орга; 3 – Аржаан-2; 4 – Этекшил; 5 – Копто; 6 – Азас; 7 – Оруг-Аксы; 8 – Хайыракан; 9 – погребение на дороге Аржан-Хадын; 10 – тарлашкин; 11 – Кара-Хая; 12 – Кара-Туруг 2; 13 – Хая-Ужу; 14 – Суме-Беш; 15 – Аймырдыг; 16 – комплекс памятников у горы Ала-Тей; 17 – Терезин (Бай-Булун 5)

Форма и орнаментация глиняной посуды как источник изучения истории Алакульского могильника

Климова А.Д.

Институт археологии РАН, Москва, klimova.ad@mail.ru

Керамика является важным источником для изучения населения культур позднего бронзового века Южного Зауралья. Исследователи опираются, главным образом, на внешний облик керамики – формы и орнаментацию – при определении культурной принадлежности памятника. Особые сложности возникают при выделении разных культурных компонентов в смешанных комплексах (например, алакульско-федоровских, срубно-алакульских) и при оценке значимости каждого из них. Это ведет к сложению у исследователей разных точек зрения на ход и содержание процессов взаимодействия разных культурных групп населения Южного Зауралья в позднем бронзовом веке [1; 2; 3].

Такая ситуация вызвана главным образом существованием в науке различных подходов к описанию и анализу глиняных сосудов из археологических комплексов этого времени. Так, например, для алакульской посуды создано несколько типологий, основанных на материалах отдельных групп памятников: для Южного Зауралья – это разработки Н. Б. Виноградова [4], для Нижнего Притоболья – А. В. Матвеева [5]. Они базируются на анализе формы тулова, высоты шейки, наличии ребра или уступа, принципов орнаментации и других особенностей.

Авторы этих разработок внесли большой вклад в изучение алакульских древностей и позволили обобщить обширный пласт археологического материала. Однако, поскольку типологии глиняных сосудов отличаются как по степени детальности анализа, так и по конкретным признакам, на которые опираются исследователи, их применение приводит к появлению разных точек зрения на одни и те же археологические комплексы. Например, материалы могильника Мирный II рассматриваются как срубные [6 с. 143-144] или как срубно-алакульские [7 с. 55].

В этой статье мы опираемся на историко-культурный подход к изучению древней керамики, разработанный А. А. Бобринским, и соответствующий комплекс методов. Отличительной особенностью этого подхода является системный анализ гончарной технологии, форм и орнаментации глиняной посуды, нацеленный на изучение древних культурных традиций во всех этих областях гончарного производства.

Данная статья посвящена рассмотрению конкретного сюжета – сравнительному анализу форм и орнаментации глиняных сосудов из двух курганов Алакульского могильника: №№ 1 и 14. Целью такого анализа является попытка выяснить, имеются ли какие-либо различия в культурных традициях гончаров, хоронивших покойных в разных погребениях этих курганов. Кроме того, этот опыт в какой-то степени закладывает фундамент для дальнейшего изучения истории разных групп населения, обитавшего в Южном Зауралье в позднем бронзовом веке, на основании данных о керамике и гончарных традициях.

Источники

Источниками исследования послужили 58 целых сосудов из курганов 1 и 14, располагающихся на возвышенности северного берега озера Алакуль. Выбор данных объектов связан с тем, что именно по этим курганам мы сейчас располагаем наиболее полными данными о формах сосудов и их орнаментации. Кроме того, исследователи предполагают, что они являются более ранними относительно других курганов этого могильника [8]. Для кургана 14 имеются AMS калиброванные даты по человеческой кости: п. 1 – 1665-1502 гг. до н. э., п. 14 – 1736-1528 гг. до н. э., и по кости животного: п. 14 – 1879-1645 гг. до н. э. [9 p. 160].

В кургане 1 обнаружено 17 погребений, в кургане 14 – 14. Организация подкурганного пространства следует круговому принципу, когда одна или две крупные могилы находятся в центре, а остальные располагаются по кольцу в периферийной части. В кургане 1 также был обнаружен ровик, ограничивающий пространство вокруг двух центральных могил.

Погребения представляют собой небольшие грунтовые прямоугольные ямы. Срубы и деревянная облицовка зафиксированы в шести захоронениях. Погребальный обряд обоих курганов единообразен: большинство захоронений индивидуальные, погребенные лежат скорченно на левом боку с руками, расположенными перед лицом. В каждое захоронение помещалась посуда: чаще встречается

один (58 %) или два (23 %) сосуда, реже – три, четыре, или шесть сосудов [8]. Большинство исследованных сосудов орнаментированы.

Методика анализа

Методика анализа форм и орнаментации сосудов с позиций историко-культурного подхода, как уже отмечалось, направлена на реконструкцию гончарных традиций конкретной группы населения, оставившей данный археологический памятник, группу памятников или культуру в целом [10 с. 6].

Анализ **форм** сосудов проведен на трех уровнях [11]:

1. Общая пропорциональность всего сосуда (далее – ОПП) – определяется как отношение высоты сосуда к его наибольшему диаметру.

2. Анализ естественной структуры форм сосудов нацелен на определение его конструкции, т.е. выяснение того, из каких функциональных частей он состоит. Для этого на внешнем контуре находятся места приложения точечных физических усилий гончара, которые отделяют одну функциональную часть от другой. Эти точки, последовательно соединенные прямыми линиями, образуют «костяк» сосуда.

3. Выяснение степени сформированности функциональных частей сосуда. На этом уровне изучаются особенности формы функциональных частей, из которых состоит сосуд. Степень сформированности любой функциональной части оценивается по двум показателям: собственной общей пропорциональности части и углу наклона боковой линии костяка.

Значения ОПП всего сосуда, пропорциональности и угла наклона функциональных частей оцениваются по ступеням универсальной шкалы качеств, разработанной Ю. Б. Цетлиным [12 с. 127, табл. 1; с. 138, табл. 2].

Перечисленные уровни позволяют выделить исходную информацию о массовых, т.е. наиболее распространенных у изучаемого населения, и редких традициях создания форм сосудов. Для историко-культурной интерпретации этих данных, полученных по материалам разных курганов, мы можем опираться на этнографические и экспериментальные наблюдения о степени устойчивости разных навыков создания форм сосудов. Они позволяют судить о том, насколько существенны выявленные различия традиций – связаны они с культурной неоднородностью населения, контактами с носителями

других культурных традиций или объясняются какими-то случайными причинами [13; 14].

Анализ орнаментации сосудов.

Для анализа орнаментации используется методика, разработанная Е. В. Волковой [15]. Анализ осуществляется по двум основным направлениям: технологическому (изучение вида инструментов и приемов работы ими) и стилистическом (изучение внешнего облика декора).

Стилистика орнамента исследуется на четырех иерархических уровнях:

- 1) элемент – один отпечаток или одна проведенная линия;
- 2) образ – совокупность элементов, воспринимаемая как целое на уровне мотива;
- 3) мотив – система организации образов;
- 4) композиция – система организации мотивов.

На основе анализа фатьяновских и балановских гончарных традиций Е. В. Волковой было установлено, что наиболее устойчивыми в процессе смешения разных групп древнего населения были вид орнамента и орнаментальный элемент, а менее устойчивыми – мотив и образ орнамента [16 с. 108].

Результаты анализа форм сосудов

По итогам обобщения исходной информации выделены черты, которые являются общими для гончарных традиций, представленных в курганах 1 и 14 (рис. 1):

1. По ОПП всего сосуда большинство сосудов имеет средние пропорции – ступени 33-35 (88 %), реже – ступени 31-32 (12 %).

2. Все формы характеризуются 5-частной конструкцией: «губа + шея + плечо-предплечье + тулово + основание тулова» (98 %), только один сосуд в кургане 14 баночной формы имеет структуру «губа + предплечье + тулово + основание тулова».

3. Угол наклона шеи вертикальный – ступени 17-20 (98 %). Пропорциональность этой части находится в интервале ступеней 13-19 (87 %), при этом в кургане 1 преобладают ступени 13-16 (67 %), а в кургане 14 – ступени 17-19 (63 %).

4. Угол наклона плеча-предплечья располагается в диапазоне ступеней 20-23 (92 %), пропорции плеча-предплечья находятся в довольно широком диапазоне – ступени 5-12 (84 %).

5. Тулово. Угол наклона тулова преимущественно слабый – ступени 13-14 (88 %), при этом в кургане 14 есть сосуды с углом

наклона тулова ступеней 12 (15 %) и 15 (6 %). Пропорциональность тулова средняя/низкая или средняя – ступени 31-34 (80 %), в кургане 14 зафиксировано также значительное количество сосудов с относительно более низким туловом – ступени 26, 30 (28 %).

Таким образом, традиции создания форм сосудов у коллективов, совершавших захоронения в курганах 1 и 14, имеют высокую степень однородности. Однако в кургане 14 зафиксировано заметное разнообразие гончарных навыков: 1) в нем большинство сосудов обладают более высокой шеей – ступени 17-19 (63 %); 2), в нем также есть сосуды с более низким туловом – ступени 26 и 30 (28 %); 3) присутствуют сосуды с углом наклона боковой линии костяка ступеней 12 и 15 (21 %).

Результаты анализа орнамента

Анализ орнамента был выполнен В.В. Илюшиной, исходные данные опубликованы в коллективной статье [17 с. 85-90].

По итогам обобщения исходной информации выделены черты, которые являются общими для гончарных традиций, представленных в курганах 1 и 14:

1. Технология орнаментации. Большинство сосудов орнаментировано, лишь 4 изделия не имеют декора. Гончары использовали гладкий штамп (73 % от общего количества сосудов), реже – зубчатый (32 %). Гладким штампом орнамент наносился тремя способами – штампованием (71 %), прочерчиванием (65 %) и вдавливанием концом инструмента (10 %). Зубчатыми штампами осуществлялось штампование (13 %), единично – вдавливание (1 %), но более распространенным было прочерчивание, традиционно обозначаемое в специальной литературе как «протащенная гребенка» (в кургане 1 – 6 %, в кургане 14 – 33 %).

2. Элемент орнамента. В курганах 1 и 14 примерно в равном количестве зафиксированы «короткая прямая линия» (93 %) и «длинная прямая линия» (89 %). Редкий элемент «точка» чаще встречается на сосудах из кургана 14 – 16 %, в кургане 1 он составляет всего 6 %.

3. Наиболее распространенные орнаментальные образы (табл. 1) – «горизонтальный зигзаг» (№ 1), «горизонтальная прямая линия» (№ 2), «заштрихованные равнобедренные треугольники вершинами вверх и вниз» (№ 3, 6). Образ «горизонтальный ряд вертикальных или наклонных линий» (№ 22) более часто встречается на сосудах из кургана 14 (всего 16 %).

4. Мотивы орнамента. Все варианты образа треугольника (№ 3-9) и меандра (№ 15-19), «заштрихованный ромб» (№ 10), «вертикальная елочка» (№ 11) выступают только в роли основного мотива, заполняя всю орнаментальную зону. «Горизонтальный зигзаг» (№ 1) нанесен в основном мотиве, и лишь на пяти изделиях – в качестве дополнительного. Образы «горизонтальная прямая линия» (№ 2), «ряд вдавлений, наколов» (№ 12), «заштрихованная горизонтальная лента» (№ 21) выполняют дополнительную функцию, разделяя орнаментальные зоны.

Образы, выполняющие функцию основного мотива, наносилось в один ряд, и только «горизонтальные зигзаги» (№ 1), как правило, – в несколько рядов. «Горизонтальные прямые линии» (№ 2) в абсолютном большинстве случаев многорядные.

5. На сосудах из обоих курганов доминируют трехзональные орнаментальные композиции (80 %), при которых мотивы орнамента располагаются в верхней, средней и нижней частях сосуда. Двух- и четырехзональные композиции выявлены всего для 18 % изделий.

По результатам анализа орнаментальных композиций (табл. 1) для 20 изделий (37 %) выявлено их соответствие границам функциональных частей сосуда: 1 зона располагается на шее, занимая ее полностью (50 % случаев) или частично, только в верхней части (41 %); 2 зона – в верхней части тулова (41 %) или на предплечье (11 %); 3 зона – в нижней части тулова (41 %). По остальным 34 сосудам (63 %) зафиксировано размещение одной из орнаментальных зон на двух функциональных частях: на предплечье и верхней части тулова, на нижней части тулова и на частично выделенном основании тулова. Так называемая «свободная от орнамента полоса» зафиксирована либо на предплечье (35 %), либо на нижней части шеи (41 %).

Сравнение курганов 1 и 14

Для количественной оценки сходства между курганами 1 и 14 использовалась формула расчета коэффициента сходств (далее – КС) [18 с. 16]. КС курганов 1 и 14 по устойчивым параметрам форм (углы наклона плеча-предплечья и тулова) равно 82 %, по менее устойчивым (все остальные параметры) – 68 %. КС курганов по инструменту для нанесения орнамента и приемам работы им – 79 %, по орнаментальному элементу – 95 %, по образам – 78 %, по мотивам – 89 %, по композициям – 65 %. Таким образом, количественный анализ подтверждает высокую степень сходства гончарных традиций, представленных в разных курганах.

Обобщение всей полученной информации позволяет выделить «культурное ядро» традиций создания форм сосудов и их орнаментации, представленных в курганах 1 и 14 Алакульского могильника – т.е. наиболее массовые традиции, характерные для населения, оставившего исследуемые могильники (рис. 2: 1-8):

1. В сфере создания форм сосудов: ОПП всего сосуда – ступени 33-35; 5-частная конструкция – «губа + шея + предплечье + тулово + основание тулова»; угол наклона шеи близкий к вертикальному (17-19 ступени), угол наклона предплечья вертикальный (ступени 17-20), пропорциональность этой части – ступени 5-12; тулово со слабым углом наклона боковой линии (ступени 13-14), средних/низких или средних пропорций (ступени 31-34).

2. В сфере орнаментации: для нанесения орнамента использовался гладкий штамп в технологии штампования и прочерчивания; преобладающие элементы – «короткая прямая линия» и «длинная прямая линия»; массовые орнаментальные образы – «горизонтальный зигзаг», «горизонтальная прямая линия», «заштрихованные равнобедренные треугольники вершинами вверх и вниз»; большинство ведущих образов выступали в роли основного мотива, «горизонтальная прямая линия» массово использовалась в дополнительном мотиве; мотивы орнамента расположены зонально – в верхней, средней и нижней частях сосуда с выделением «свободной полосы» на предплечье или шее.

Несмотря на довольно высокие значения сходства между посудой из обоих курганов, в кургане 14 выявлены сосуды, изготовленные в соответствии с несколько иными гончарными традициями, которые отличаются от традиций «культурного ядра». Это проявляется в следующих особенностях:

1. В формах сосудов: присутствие в кургане 14 сосудов с самыми низкими показателями пропорциональности (ступени 26, 30) и угла наклона (ступень 12) тулова (рис. 2: 9-13), а также с углом наклона тулова ступени 15.

2. В орнаментации сосудов: специфика кургана 14 проявилась в относительно более высоком числе сосудов, орнаментированных зубчатым штампом в технологии прочерчивания («проташенная гребенка»), при этом на одном сосуде зубчатый штамп мог встречаться как с гладким штампом (5 сосудов – 11,6 %), так и без него (9 сосудов – 21 %). Таким способом наносились в основном образы «горизонтальный зигзаг» и «горизонтальная прямая линия».

3. Сопоставление данных по формам и орнаментации сосудов позволило зафиксировать, что 5 изделий из кургана 14 с орнаментом, выполненным только «протаскиванием» зубчатым штампом, имеют также более низкие пропорции тулова (ступени 26, 30-31).

Заключение

В результате анализа гончарных традиций установлена высокая степень сходства между посудой курганов 1 и 14 Алакульского могильника. Однако для сосудов из кургана 14 выделены специфические черты, проявившиеся в форме и орнаменте. Так как передача навыков в доремесленном гончарстве происходила путем непосредственного обучения молодых гончаров навыкам работы с глиной, изменение гончарных традиций свидетельствует об изменениях в культурном составе членов данной группы.

Необходимо также учитывать, что разные навыки в условиях смешения могут изменяться с разной скоростью. Этнографические и экспериментальные данные показывают, что угол наклона тулова является одним из наиболее устойчивых у гончаров независимо от их квалификации и применяемых способов конструирования сосудов [13 с. 143; 14 с. 27], а в области орнаментации наиболее устойчивы элемент орнамента и вид орнамента [16 с. 108]. Все это позволяет прийти к заключению, что выделенные особенности формы и орнамента сосудов из кургана 14 не случайны, а отражают определенные культурные отличия людей, похороненных в этом кургане.

Важное дополнение результатов анализа керамики дают данные планиграфии. В кургане 14 сосуды с углом наклона тулова 12-й ступени, которые мы связываем с иной гончарной традицией, выявлены только в погребениях, формирующих северную периферийную дугу захоронений (погребения 1-4).

Таким образом, использование историко-культурного подхода к изучению внешнего облика керамики из двух курганов Алакульского могильника позволило, во-первых, охарактеризовать «культурное ядро» традиций создания формы и орнамента сосудов, а во-вторых, выявить различия между курганами по культурному составу человеческих коллективов, использовавших эти кладбища для захоронения умерших.

Информацию о «культурном ядре» алакульских гончарных традиций можно в дальнейшем использовать при изучении керамики из археологических памятников срубно-алакульской контактной зоны, в частности для более доказательного выявления алакульского компонента и оценки его массовости.

Литература

1. *Стефанов В.И., Корочкова О.Н.* Алакульская и федоровская культуры в лесостепном Зауралье: проблемы взаимодействия // Российская археология. 2004. № 4. С. 52-66.
2. *Алаева И.П.* Погребальные памятники алакульской культуры степной зоны Южного Зауралья в эпоху поздней бронзы // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Вып. 21. С. 507-524.
3. *Григорьев С.А.* Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 44-53.
4. *Виноградов Н.Б.* Южное Зауралье и Северный Казахстан в раннеалакульский период (по памятникам петровского типа): Дис. ... канд. ист. М., 1982. 166 с.
5. *Матвеев А.В.* Первые андроновцы в лесах Зауралья. Новосибирск: Наука, 1998. 417 с.
6. *Корочкова О.Н., Корякова Л.Н.* Курганы срубной культуры у поселка Мирный // Археология Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 2005. С. 134-146.
7. *Алаева И.П.* Особенности функционирования срубно-алакульской контактной зоны в Южном Зауралье // Историко-культурные процессы на Южном Урале в эпоху поздней бронзы: современные проблемы сохранения и изучения культурного наследия: материалы Всерос. научно-практ. конф., посвящ. 70-летию со дня рождения Н.Г. Рутто. Уфа: Диалог, 2016. С. 40-63.
8. *Шилов С.Н.* Отчет Курганского государственного университета о проведении на территории Курганской области в Щучанском и Звериноголовском районах археологических исследований. 1999 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 22748-22750
9. *Schreiber F.A.* Chronologie und Bestattungssitten mittel- und spätbronzezeitlichen Gräberfelder im Südur. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GmbH, 2021. 272 p.
10. *Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5-109.

11. *Бобринский А.А.* О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // *Культуры Восточной Европы I тысячелетия*. Куйбышев, 1986. С. 137-157.
12. *Цетлин Ю.Б.* Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // *Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход*. М.: ИА РАН, 2018. С. 124-179.
13. *Суханов Е.В.* Об устойчивости функциональных частей глиняных сосудов (экспериментальное исследование) // *Вестник «История керамики»*. Вып. 3. М.: ИА РАН, 2021. С. 116-143.
14. *Суханов Е.В.* Об устойчивости параметров функциональных частей глиняных сосудов // *Вестник «История керамики»*. Вып. 5. М.: ИА РАН, 2023. С. 8-28.
15. *Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. М.: Наука, 1996. 121 с.
16. *Волкова Е.В.* Об относительной устойчивости орнаментальных традиций в гончарстве (по материалам эпохи бронзы) // *КСИА*. 2018. Вып. 251. С. 91-110.
17. *Илюшина В.В., Климова А.Д., Новиков И.К.* Традиции создания формы и орнаментации сосудов алакульской культуры Алакульского могильника (по материалам курганов 1 и 14) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2023. № 4. С. 77-95.
18. *Цетлин Ю.Б.* Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. Тула: Гриф и К, 2008. 348 с.










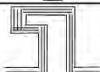











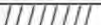
№	Образы	Кург. 1	Кург. 14	№	Образы	Кург. 1	Кург. 14
1		16 – 46 %	28 – 65 %	12		1 – 6 %	7 – 16 %
2		32 – 91 %	38 – 88 %	13		1 / 3 %	—
3		19 – 54 %	16 – 37 %	14		1 – 3 %	—
4		7 – 20 %	6 – 14 %	15		1 – 3 %	1 – 2 %
5		1 – 3 %	—	16		—	1 – 2 %
6		17 – 49 %	15 – 35 %	17		1 – 3 %	—
7		—	2 – 5 %	18		—	1 – 2 %
8		—	1 – 2 %	19		3 – 8 %	—
9		—	1 – 2 %	20		—	2 – 5 %
10		1 – 3 %	2 – 5 %	21		—	1 – 2 %
11		1 – 3 %	—	22		—	3 / 7 %

Таблица 1. Орнаментальные образы на сосудах из курганов 1 и 14 Алакульского могильника, число сосудов и %. (Сумма не равна 100 %, т.к. на одном сосуде может быть несколько орнаментальных образов).

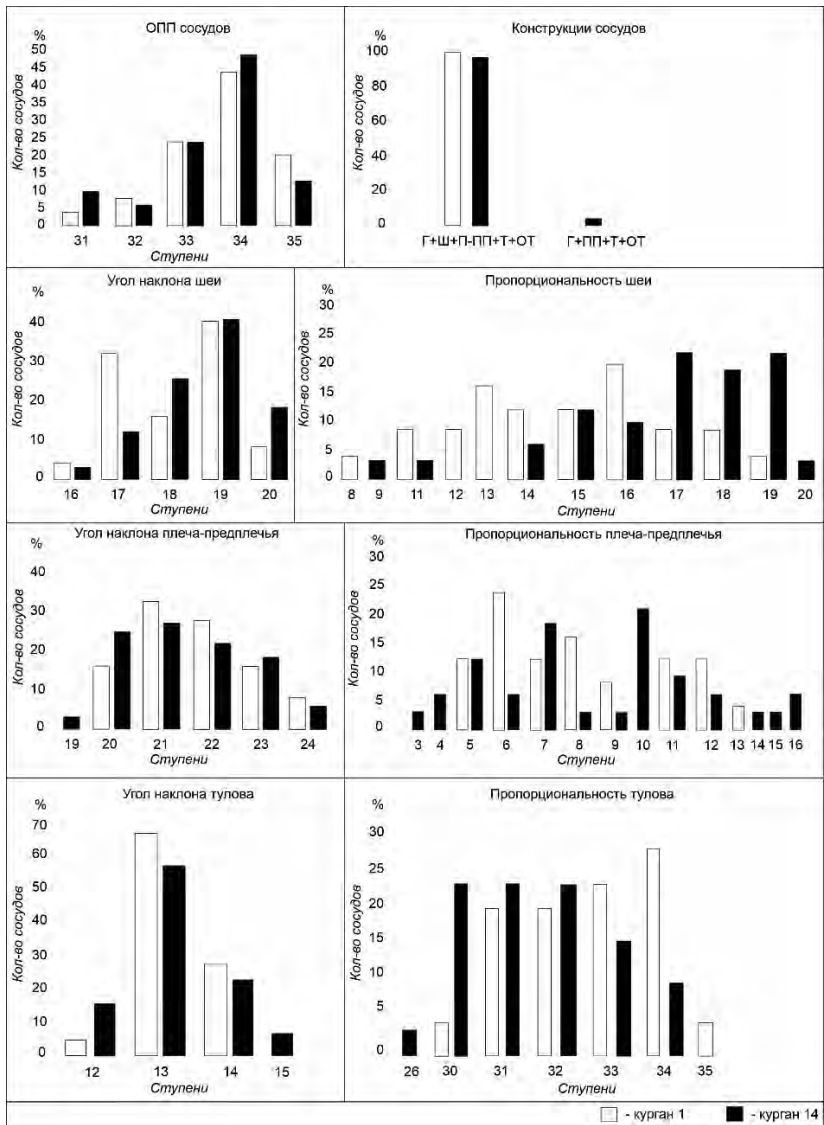


Рис. 1. Данные о формах сосудов из курганов 1 и 14

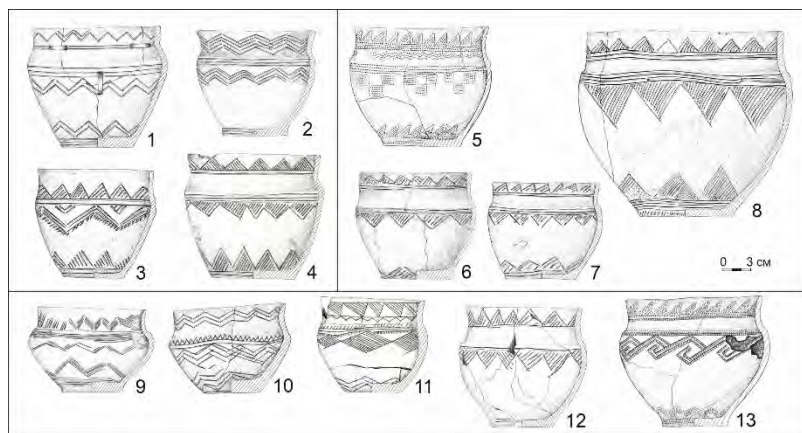


Рис. 2. Примеры сосудов «культурного ядра» (1-8) и сосудов с углом наклона тулова 12-й ступени (9-13). 1 – к. 1 п. 6 с. 1; 2 – к. 1 п. 7 с. 1; 3 – к. 1 п. 12 с. 1; 4 – к. 1 п. 11 с. 1; 5 – к. 14 п. 2 с. 4; 6 – к. 14 п. 5 с. 1; 7 – к. 14 п. 6 с. 1; 8 – к. 14 п. 13 с. 1; 9 – к. 14 п. 1 с. 1; 10 – к. 14 п. 2 с. 6; 11 – к. 14 п. 4 с. 1; 12 – к. 14 п. 4 с. 2; 13 – к. 14 п. 3 с. 1

Ритуальные катакомбы жужаньского времени в кургане
Дзуулунгийн ам 1: продолжение многовековой традиции
общества ранних кочевников Монголии

Ковалев А.А.

Институт археологии РАН,

Москва, chemurchek@mail.ru

Идэрхангай Т.-О.

Улан-Баторский колледж Монгольского национального университета,

Улан-Батор, iderkhangai2022@gmail.com¹

В 2017 году российско-монгольской экспедицией Санкт-Петербургского государственного музея-института Семьи Рерихов и Улан-Баторского университета под руководством А.А. Ковалева и Т.-О. Идэрхангай были предприняты раскопки кургана эпохи бронзы (?) Дзуулунгийн ам 1 (Зөөлөнгийн ам 1) в Эрдэнэмандал сомоне Архангайского аймака Монголии [1]. Исследованный памятник, находящийся в 15 км к юго-юго-востоку от сомонного центра, представлял собой округлую плоскую каменно-земляную насыпь диаметром 26 м, высотой до 1,5 м, сложенную в шесть этапов. Четыре первоначальные насыпи кургана были сооружены из массивных каменных плит, поставленных на ребро наклонно к центру с опорой друг на друга, наподобие «чешуи дракона». По периметру сооружения была устроена многослойная ограда из вертикальных каменных плит высотой до 2 м. Курган сопровождался двумя траншеями, обрамленными вертикально установленными каменными плитками. К сожалению, каких-либо находок, позволяющих определить время его строительства, обнаружить не удалось. Исследования аналогичных насыпей, проведенные в Центральной и Западной Монголии, также не дали ответа на вопрос о датировке и культурной атрибуции этих сооружений, имеющих, предположительно, ритуальное назначение [см. напр. 2 с. 265; 3 с. 165-166]. Характер каменной кладки позволяет предварительно отнести их к бронзовому веку.

Как было установлено в ходе раскопок, после завершения строительства кургана в его насыпь были впущены три катакомбы с вертикальными входными шахтами и идущими от них вбок камерами.

© Ковалев А.А., Идэрхангай Т.-О., 2024.

Входная шахта катакомбы 1, заполненная светлым песком, была зафиксирована в сквозном разрезе кургана, в его центральной части. Проследить конфигурацию ее уходящей к западу камеры, разрушенной норой тарбагана, оказалось невозможным. Каких-либо связанных с ней находок не обнаружено. Входные шахты катакомб 2 и 3 были зафиксированы в дополнительных разрезах. Выкиды из катакомб 2 и 3 мощностью до 0,3 м были прослежены при первоначальной зачистке поверхности кургана на его южной половине. Они состояли из рыжеватой материковой супеси и крупных камней, составлявших ранее насыпи кургана, и легли на полу насыпи в сторону от центра. На месте входных шахт всех трех катакомб при первоначальной зачистке каменной наброски были прослежены идущие от поверхности кургана западины, заполненные желтоватым песком (катакомбы 1 и 3) или камнями (катакомба 2).

Входная шахта катакомбы 2 (рис. 1) подовальной в плане формы была прорыта на глубину 2,2 м с поверхности насыпи, в верхней части имела диаметр около 1,3 м, в нижней размеры в плане около 1,8 м на 1,2 м. Заполнение шахты в верхней части – до 4 слоев каменной наброски (рис. 1, 4), ниже заполнением являлась мешаная супесь. Под верхним слоем камня в пределах шахты был обнаружен череп лошади без нижней челюсти (череп 1). С запада-юго-запада на уровне около 1,7 м от верха шахты на высоте около 0,3 м от ее дна был устроен округлый вход в камеру длиной 0,3 м, диаметром до 0,5 м. Вход сохранился полностью (рис. 1, 2). Камера катакомбы имела овальную форму, размеры в плане 1,8 м на 1, 2 м. Потолок камеры обрушился в древности. Уровень дна камеры определяется приблизительно, поскольку дно камеры, как и дно шахты, было почти полностью разрушено тарбаганьими норами. В юго-западной части камеры были зачищены фрагменты деревянного предмета и череп лошади без нижней челюсти (череп 2), смещенный со своего первоначального положения тарбаганом и запавший в его нору.

Входная шахта катакомбы 3 (рис. 2) в верхней части имела овальную форму, размерами в плане около 1,4x1 м, ниже приобретала подпрямоугольные очертания, размеры в плане около 0,9 м на 0,7 м. Входная шахта прорезала ритуальную яму 4, основную для насыпи 4, сложенной из поставленных на ребро наклонных каменных плит. Дно шахты наклонное к юго-юго-западу, от 1 до 1,3 м глубины от уровня материка. Заполнением шахты служил желтоватый песок, в верхней

части смешанный с камнями белого материкового известняка. С юго-юго-западной стороны устроен сужающийся вход в камеру. Перед входом прослежена ступенька высотой около 0,15 м. Камера имела длину около 1,4 м, ширину около 0,7 м. Своды камеры и входа обрушились. В заполнении входа и камеры прослеживаются горизонтальные прослойки гумуса, скорее всего связанные с подтеканием грунта с поверхности и из заполнения ямы 4 (рис. 2, 3). На дне камеры, в ее дальней, юго-западной части, зачищена «инсталляция» из плоских камней (рис. 2, 4).

По костям лошадей, обнаруженным при раскопках катакомбы 2, в двух лабораториях были получены три радиоуглеродные даты (AMS). Даты, полученные в лаборатории Калифорнийского университета (University of California) по обоим черепам, укладываются с вероятностью 95,4 % в период с начала 3 по конец 4 вв. до н.э. (не опубликованы). В лаборатории Университета Хельсинки была получена дата по черепу 2, найденному на дне камеры HELA 4164 - 1628±34 BP, 345-540 CalAD (95,4%). Также была получена дата по кости КРС из грабительской воронки в центре кургана – HELA 4163 - 1844±32 BP, 80-240 CalAD (95,4%), хунно-сяньбийское время. Несмотря на некоторые расхождения, очевидно, что устройство катакомб имело место после распада сяньбийского объединения, скорее всего, в начальный период жужаньского господства.

При этом самую близкую аналогию катакомбам Дзуулунгийн ам представляют шесть ритуальных катакомб, исследованные экспедицией под руководством А.А. Ковалева и Д. Эрдэнэбаатара в 2013 году при раскопках комплекса с оленными камнями Ушкийн увэр, расположенного в 200 км к северо-западу от Эрдэнэмандала [4 с. 91-92]. Эти катакомбы также имели вертикальную шахту диаметром 0,8-1 м и глубиной до 1, 4 м и подбой, выкопанный в западном направлении. Камеры и шахты катакомб 1 и 2, 4, 5 были полностью заложены камнем (рис. 3, 4-5). В катакомбах 3 и 6 камнем были заполнены только шахты (рис.3, 1) . В заполнении шахты катакомбы 4 обнаружен фрагмент нижней челюсти лошади. В камере катакомбы 3 были уложены несколько каменных обломков, а на них – полный скелет новорожденного козленка; в камере катакомбы 6 также была устроена инсталляция из каменных плиток, на которые были уложены нижняя челюсть, атлант и копыта лошади (рис. 3, 2-3). Каменная выкладка и захоронение костей лошади были обнаружены и в катакомбах из Дзуулунгийн ам. Планиграфия катакомб 1-6 послужила аргументом в

пользу вывода об их единстве с ритуальным комплексом Ушкийн увэр. Это подтвердили и данные радиоуглеродного датирования. В лаборатории Университета Хельсинки по костям козленка из камеры катакомбы 3, была получена дата HELA 4157 - 2591±36 BP, 830-565 CalBC (95,4%); по костям лошади из шахты катакомбы 4 – дата HELA 4158 - 2826±36 BP, 1110-900 CalBC (95,4%); по костям лошади из камеры катакомбы 6 – дата HELA 4159 – 2723±37 BP, 970-805 CalBC (95,4%). Таким образом, ритуальные катакомбы Дзуулунгийн ам оказываются как минимум на 12 веков более поздними, чем катакомбы Ушкийн увэр, при сохранении архитектурного облика и особенностей заполнения.

Можно сделать вывод о том, что открытые нашей экспедицией катакомбы раннего железного века представляют ранее неизвестную науке устойчивую ритуальную традицию древних скотоводов Монголии. Смысл таинственных ритуалов, к окончанию которых камера катакомбы плотно замуровывалась камнями и землей, а иногда и полностью закладывалась камнями, остается загадкой.

Литература

1. *Идэрхангай Т., Эрдэнэбаатар Д., Ковалев А.А., Цэнд Д., Эрдэнэпүрэв П., Амгаланбат Б., Батчимэг Б.* Монгол-Оросын хамтарсан “Төв Азийн археологи” төслийн Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын нутаг дахь Зөөлөнгийн ам, Тахилтын гол, Тээлийн голд явуулсан археологийн малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс // Монголын археологи – 2017. Улан-Батор: Мунхийн Усэг, 2018. Т. 54-59.

2. *Эрдэнэбаатар Д., Идэрхангай Т., Варенов А.В., Ковалев А.А., Мижиддорж Э., Эрдэнэ Ж., Өнөрбаяр Б.* Архангай аймгийн Эрдэнэмандал сумын Уу хөтлийн Цагаан толгой, Хүүшийн өвдөгт явуулсан археологийн малтлага судалгааны ажлын урьдчилсан үр дүнгээс // Монголын археологи – 2016. Улан-Батор: Мунхийн Усэг, 2017. Т. 262-268.

3. *Баярсайхан Ж., Хюл Ж.-Л., Түвшинжаргал Т.* Монгол-Америкийн хамтарсан “Баруун Монгол” төслийн 2017 оны хээрийн судалгаа // Монголын археологи – 2017. Улан-Батор: Мунхийн Усэг, 2018. Т. 165-169.

4. *Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д., Рукавишникова И.В.* Состав и композиция сооружений ритуального комплекса с оленными камнями

Ушкийн увэр (по результатам исследований 2013 года) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. Т. 44. № 1. С. 82-92.

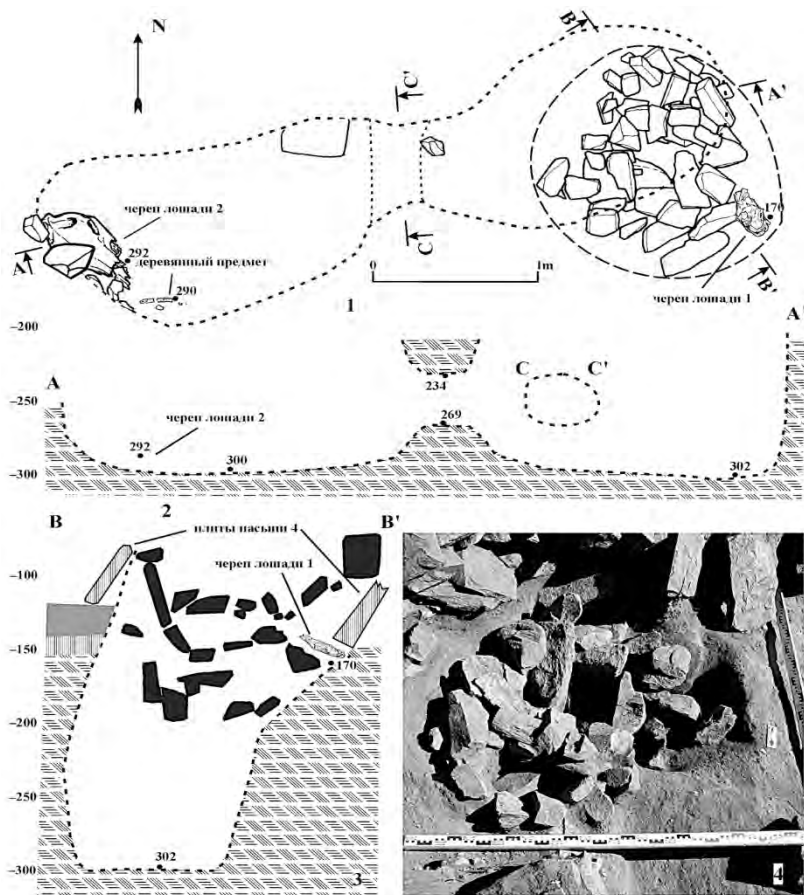


Рис. 1. Дзуулунгийн ам 1. Катакомба 2: 1 – план; 2 – разрезы А, С; 3 – разрез В; 4 – каменное заполнение шахты (второй уровень зачистки), вид с севера.

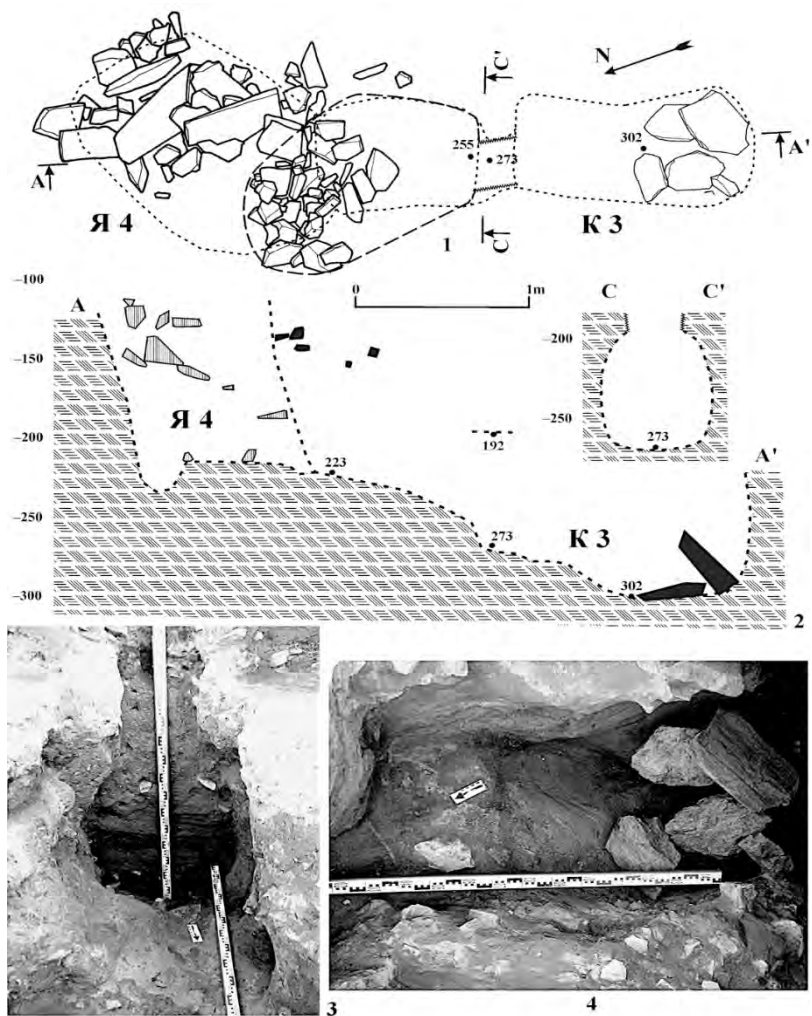


Рис. 2. Дзулунгийн ам 1. Катакомба 3: 1 – план; 2 – разрезы; 3 – вход в камеру с заполнением, вид из входной шахты, с севера-северо-востока; 4 – каменное заполнение шахты (уровень зачистки 2), вид; 5 – дно камеры с инсталляцией из плоских камней, вид с севера-северо-запада.

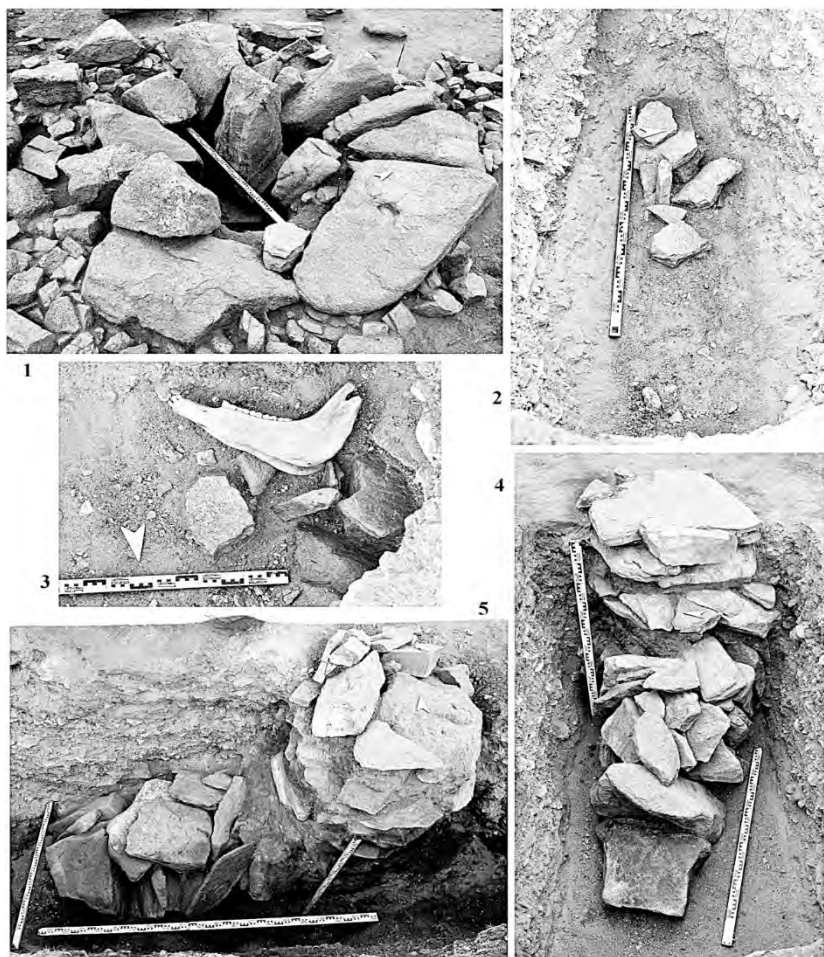


Рис. 3. Ушкийн увэр. 1 – вид на шахту катакомбы 6 с юго-востока; 2 – дно шахты и камеры катакомбы 6 с каменной инсталляцией, вид с востока; 3 – нижняя челюсть лошади на каменной инсталляции в камере катакомбы 6, вид с севера; 4 – каменное заполнение шахты и камеры катакомбы 1, вид с юга; 5 – каменное заполнение шахты и камеры катакомбы 2, вид с запада.

Следы обрядов и ритуалов на зольниках бронзового века в Южном Зауралье¹

Куприянова Е.В.

Челябинский государственный университет, Челябинск, dzdan@mail.ru

Зольники на сегодняшний день являются одними из наименее изученных и загадочных археологических объектов. Они известны в археологии с конца XIX века [1 с. 42], отмечаются на обширном пространстве степи и лесостепи от Причерноморья до Алтая в памятниках бронзового - раннего железного веков. Обычно под этим термином понимается самостоятельный или примыкающий к поселению объект, культурный слой которого состоит из тонкодисперсного светлого грунта, схожего по внешнему виду с золой или пеплом, содержащего артефакты соответствующего периода. Иногда зольники имеют вид всхолмлений аморфной, подкововидной, округлой или иной формы, иногда визуально не выделяются на поверхности. Уже довольно давно было высказано предположение, что золистый грунт, составляющий основу их культурного слоя, не является, собственно, золой [2; 3; и др.], хотя и может содержать прослойки со следами горения. Проведенные в 2023 г. коллективом авторов первые всесторонние междисциплинарные исследования зольника при укрепленном поселении бронзового века Степное в Южном Зауралье подтвердили и конкретизировали эту версию, по крайней мере для данного памятника [4]. По данным ряда естественнонаучных анализов, золистый грунт является результатом преобразования (перегнивания) большого количества органической массы растительного происхождения. Таким образом, традиционное название «зольники», по крайней мере в ряде случаев, можно использовать лишь условно.

Поскольку описываемые объекты имеют очень широкий географический и хронологический ареал бытования, а также различные морфологические характеристики (форму, расположение, набор

© Куприянова Е.В., 2024

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 23-27-10016, <https://rscf.ru/project/23-27-10016/> «Изучение последствий скотоводства около поселений синташтинско-аркаимского типа в Южном Зауралье: междисциплинарные исследования».

артефактов и пр.), не будет выглядеть слишком смелым предположение о различных функциях и путях формирования памятников, единственной общей чертой которых является цвет грунта в культурном слое. В связи с этим, более перспективным для понимания назначения отдельных объектов кажется изучение этого феномена в локальных геохронологических рамках, с последующим выходом на более широкие параллели.

Ряд высказывавшихся версий о происхождении зольников породил в итоге научную дискуссию, не законченную до сих пор. Спектр мнений [2; 3; 5; 6; 7; и др.], где крайними полюсами являются исключительно ритуальное (место выставления тел умерших, ссыпания ритуальной золы, сбор старой органики для весеннего костра) и сугубо утилитарное (помойка, место хранения и утилизации различных отходов жизнедеятельности) назначение зольников, включает и промежуточные версии, отмечающие многофункциональность этих объектов. Описание дискуссионных вопросов и мнений, касающихся сходства и отличия зольников на различных территориях Евразии, их происхождения, представлено в прекрасных работах О.Н. Корочковой [6], Я.П. Гершковича [1] и других коллег. Мы же, в рамках выбранной стратегии, попытаемся рассмотреть зольники Южного Зауралья в качестве самостоятельного явления.

Автором статьи частично исследованы раскопками три зольника при поселениях бронзового века в Пластовском и Троицком районах Челябинской области – Стрелецкое 1 (2012 г.), Черноречье 2 (2019 г.) и Степное (2009, 2023 гг.) [4; 7; 8; 9], расположенные в непосредственной близости друг от друга. Расстояние между крайними памятниками Степное и Черноречье 2 составляет около 20 км, что предполагает взаимодействие синхронных коллективов, в них проживавших. Три зольника имеют общие и различные черты. Зольники при неукрепленных поселениях Стрелецкое 1 и Черноречье 2 располагаются на периферии жилищного пространства, между жилищами и рекой, частично перекрывая крайние жилищные впадины, и имеют аморфную форму; зольник при укрепленном поселении Степное расположен за пределами внешних оборонительных сооружений (хотя и перекрывает ранние отдельно стоящие постройки), и имеет более четкие очертания. Зольник на поселении Черноречье 2 – наименее мощный, имеет толщину до 20 см; мощность зольников при поселениях Стрелецкое 1 и Степное – до 60 см. При этом зольники поселений Черноречье 2 и Степное обладают монолитной стратиграфией и не содержат очевидных

следов горения (углей, прокалов), а зольник Стрелецкого 1 имеет сложную структуру с прослойками прокалов и углей. В то же время, все три объекта содержат керамику нескольких археологических культур, от среднего бронзового века до его финала на этой территории, что предполагает очень длительное использование этого пространства. Культурный слой всех зольников очень насыщен артефактами (не считая керамику). На укрепленном поселении Степное количество предметов, найденных на 166 кв.м раскопанного зольника (более сотни) намного превышает их количество (около 60) на 336 кв.м вскрытого жилищного пространства того же памятника внутри линии оборонительных сооружений. На этом зольнике, в отличие от зольников неукрепленных поселений, содержалось и большое количество металлургических шлаков, что, вкпе с находками сопел, литейных форм и макроорудий, говорит о наличии рядом литейного производства. Самая большая территория вскрытого зольника – поселение Стрелецкое 1, около 400 кв.м – содержала около 500 находок предметов, помимо керамики, а изучение распространения находок показало, что в разных частях раскопа доминировали либо отходы индустрии (каменной, косторезной), либо предметы быта. Исходя из этого, можно предполагать, что зольники более насыщены вещами чем слои жилищного пространства поселений.

Изначальной версией интерпретации функций зольника было место сбора и утилизации бытового мусора [7 с. 86], но накопление и анализ материалов заставляют рассмотреть и ритуальные аспекты их использования.

Во-первых, на всех трех поселениях в зольниках находились предметы, однозначно имевшие не утилитарное значение, либо утилитарное, но с высокой семантической нагрузкой. На поселении Стрелецкое 1 это амулеты из подъязычной кости МРС, зооморфный пест, керамические блюда и костяные таблички со знаками [10], игральные кости, керамический наперсток, имеющий следы использования в игре/гадании [11]. На поселении Черноречье 2 – орнаментированные наконечник стрелы и костяные трубочки [8]. На поселении Степное – сосуды-светильники, орнаментированные костяной наконечник стрелы и керамические сопла, амулет из клыка волка, бусина из позвонка рыбы [4 с. 23; 9 с. 95].

Во-вторых, пространство зольников содержит не только скопление артефактов, но и следы действий, очевидно, ритуального характера. На поселении Стрелецкое 1 был исследован пост-ритуальный комплекс,

представляющий собой выкладку из 12 ветвей челюсти МРС, неподалеку от которой находился пест в виде стилизованной головы барана [12]. Одна (правая) ветвь принадлежала козе, 11 (левых) – овцам в возрасте от года до двух лет. По всей вероятности, комплекс сохранился неприкосновенно, потому что был чем-то перекрыт. Я.П. Гершкович видит также следы обрядов в погребении и рассеивании фрагментов сосудов в слоях зольников, интерпретируя это как их ритуальное «убийство» и «захоронение» [1 с. 141]. В зольнике Степного было найдено несколько комплексов, где разбитые сосуды сопровождалось скоплениями костей, помещенных в емкость (мешок?). Судя по сохранности, они также были перекрыты или погребены. Такие же комплексы, являющиеся жертвоприношениями, зафиксированы на соседнем могильнике Степное 1 [13 с. 121].

В-третьих, неоспоримым доказательством ритуального использования зольников являются находки человеческих останков и следы погребальных ритуалов. Это основной аргумент, заставляющий исследователей видеть в зольниках ритуальные объекты. Погребения и находки костей человека в зольниках известны как в южной части их распространения (Подонье, Причерноморье, Молдова) [1 с. 142-144; 3 с. 351-355], так и в северной (Западная Сибирь) [6 с. 28-34]. Не являются исключением и южноуральские памятники. Остеологический комплекс зольника поселения Стрелецкое 1 содержал разрозненные находки костей *Homo Sapiens*, представленные фрагментами черепа и крупных костей посткраниального скелета, мелкими костями посткраниального скелета и их фрагментами. В слоях, связанных с петровско-алакульским этапом существования памятника находились 5 костей от трех взрослых индивидов, в слоях финальной бронзы (саргары-алексеевская культура) – три кости от двух взрослых индивидов [14]. Контекст нахождения не позволяет рассматривать их как парциальные захоронения. С другой стороны, на синхронных могильниках на этой территории неоднократно зафиксированы вторичные погребения, где в могилу помещались кости, очищенные от мягких тканей [например: 13 с. 125]. Соответственно, практика подобных обрядов предполагает наличие места, где выставлялись трупы перед захоронением. Возможно, человеческие останки попали в слой зольника с этой территории, либо сам зольник ей являлся.

В 2023 году на зольнике поселения Степное был исследован край котлована жилищной впадины с остатками стены, у внешней стороны которой зафиксировано погребение младенца до года в слабоскорченном

положении на правом боку головой на юг и сосудом синташтинской культуры. Внутри постройке обнаружено погребение взрослого человека в положении вытянуто на спине с керамическим сосудом, покрытом охрой, каменным наконечником стрелы и жертвенником из головы и ног МРС [4 с. 23]. Форма сосуда и наконечника, поза погребенного, использование охры в ритуале абсолютно не типичны для погребального обряда синташтинской культуры, которой датируется постройка. Наиболее близкие аналогии были найдены в публикациях погребений сейменско-турбинского транскультурного феномена, в целом очень редких для Урала [15]. Положение ребенка на правом боку также является редкостью для культур бронзового века Южного Зауралья. Таким образом, первые погребения, обнаруженные на зольниках этого региона, относятся к синташтинскому периоду, но не соответствуют стандартам погребального обряда. Следы погребальных церемоний на зольниках следует относить к кругу погребений на поселениях, определяемых нами как альтернативные погребальные практики. Это довольно частое явление для бронзового века. Всего нами найдено и систематизировано 46 детских погребений с 13 поселений и более 30 взрослых погребений с 12 поселений эпохи бронзы Южного Зауралья и Казахстана (часто останки погребенных расчленены и представлены отдельными костями, поэтому точный подсчет количества взрослых индивидов затруднен) [16; 17].

Общими тенденциями для детских погребений на поселениях является то, что подавляющее большинство погребенных – младенцы, схема погребения ничем не отличается в основном от ординарного обряда, применяемого к младенцам на погребальных памятниках – захоронения в небольшой яме на боку (чаще левом), с одним сосудом без иного инвентаря. Непосредственно в жилищах располагалось менее 1/3 изученных погребений, остальные располагались на поселении в межжилищном пространстве (за пределами построек, но часто к ним примыкая) [16 с. 189].

Для взрослых погребений также выделяются общие черты. Во-первых, в большинстве случаев останки взрослых людей, находимые на поселениях, имеют следы травм, расчленения. Во-вторых, культурная принадлежность костяков в большинстве не определима и не соотносима с культурным слоем поселения, поскольку, как правило, останки не сопровождаются инвентарем. В-третьих, для них не сооружались обычно специальные ямы, но останки укрывались в существовавших в жилище углублениях – колодцах, хозяйственных

ямах, либо за пределами жилищ. Таким образом, погребения взрослых людей на поселениях, в отличие от детских, полностью находятся вне рамок традиционной схемы обряда, в большинстве их можно назвать скорее не погребениями, а укрытием останков со следами насильственной смерти [16 с. 191].

Погребения на зольнике поселения Степное вполне соответствуют выделенным тенденциям поселенческих погребальных практик.

Таким образом, изучение зольников при поселениях бронзового века в Южном Зауралье однозначно показывает их значение как хозяйственных объектов, использовавшихся для хранения органики (сена, топлива?), сбора мусора и бытовых отходов, возможно, проведения металлургических операций. Однако, немаловажной была и их функция в проведениях различных обрядов, в том числе относящихся и к погребальному циклу, судя по набору артефактов, возможно, к металлургии, гаданию, жертвоприношениям.

Литература

1. *Гершкович Я.П.* Суботовское городище. Киев: Институт археологии НАН Украины, 2016. 508 с.
2. *Гершкович Я.П.* Феномен зольников белогрудовского типа // *Российская археология*. 2004. №4. С. 104–113.
3. *Сава Е., Кайзер Е.* Поселение с "зольниками" у села Одая-Мичурин, Республика Молдова: (археологические и естественнонаучные исследования). Кишинев: Muzeul Național de Arheologie și Istorie a Moldovei, 2011. 532 с.
4. *Куприянова Е.В., Соломонова М.Ю., Трубицына Э.Д., Каширская Н.Н., Филимонова М.О., Афонин А.С., Шарапов Д.В., Иванов С.Н., Рябогина Н.Е.* Междисциплинарные исследования отложений зольника около поселения Степное (Челябинская область) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2023. № 4 (63). С. 18–38.
5. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. 607 с.
6. *Корочкова О.Н.* О западно-сибирских зольниках эпохи поздней бронзы // *Российская археология*. 2009. № 1. С. 25–35.
7. *Куприянова Е. В., Якимов А.С., Сафарова Л.Р., Баженов А.И.* Особенности стратиграфии поселения Стрелецкое I (предварительные результаты исследований) // *Этнические взаимодействия на Южном Урале*. Челябинск: Рифей, 2013. С. 82–102.

8. *Куприянова Е.В.* Спасательные раскопки поселения Черноречье 2 в Троицком районе Челябинской области в 2019 г. Отчет. Челябинск, 2020.

9. *Куприянова Е.В., Зданович Д.Г., Хэнкс Б.К., Рябогина Н.Е.* Зольник за пределами укрепленного поселения // Степное: новые горизонты. Коллективная монография. Челябинск: Издательство ЧелГУ, 2023. С. 85-100.

10. *Куприянова Е.В., Батанина Н.С., Малая Н.В.* Предметы ритуального назначения из раскопок поселения эпохи бронзы Стрелецкое 1 как индикатор межкультурных связей // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всерос.науч.конф. Челябинск: Рифей, 2015. С. 144-151.

11. *Берсенева Н.А., Куприянова Е.В., Берсенева А.Г.* Следы детства: поиск детей в археологическом источнике и изучение керамических артефактов (эпоха бронзы Южного Зауралья) // Вестник НГУ. Серия: История и филология. 2014. Т.13. Вып.3. С. 88-101.

12. *Куприянова Е.В., Гайдученко Л.Л.* Пост-ритуальный остеологический комплекс из раскопок поселения эпохи бронзы Стрелецкое // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2017. Т.17. № 1. С. 26-29.

13. *Куприянова Е.В.* Новые данные по погребальному обряду синташтинской культуры: курган 33 могильника Степное-1 // Степное: новые горизонты. Коллективная монография. Челябинск: Издательство ЧелГУ, 2023. С. 113-156.

14. *Гайдученко Л.Л.* Предварительные данные об остеологических остатках из раскопок поселения Стрелецкое 1 // Куприянова Е.В. «Спасательные раскопки поселения Стрелецкое-1 (Троицкий район Челябинской области и комплексные исследования окружающей территории в 2012 году. Отчет. Челябинск, 2012.

15. *Купцова Л.В., Халяпин М.В.* Погребения с сейменско-турбинским инвентарем из Оренбургского Предуралья: хронологический, палеодиетический и миграционный аспекты // Археология Евразийских степей. 2023. № 3. С. 235-248.

16. *Куприянова Е.В.* Альтернативные погребальные практики: погребения на поселениях людей бронзового века // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. Сборник научных трудов к 80-летию Г.Б. Здановича. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. Ун-та, 2018. С. 184-197.

17. *Батанина Н.С., Куприянова Е.В.* Погребения людей на укрепленном поселении Степное по результатам раскопок 2021 года // *Степное: новые горизонты. Коллективная монография.* Челябинск: Издательство ЧелГУ, 2023. С. 101-112.

Захоронения коней в погребальной практике населения скифского времени Северного Кавказа как отражение древнейшей индоевропейской мифологической традиции

Ю.А. Прокопенко¹

*Федеральное государственное автономное образовательное учреждение «Северо-Кавказский федеральный университет»,
Ставрополь, z_proko_15@mail.ru*

На Северном Кавказе массово скелеты лошадей обнаружены в подкурганных захоронениях и святилищах скифского времени. Чаще всего они были уложены на боку. В единичных случаях – на животе с подогнутыми ногами (мог. Новозаведенное). В курганах знати известны массовые захоронения коней (царский табун?) (мог. Келермесский, кург. 1; Костромской кург.; ст. Воронежская; Ульский кург; кург. у ст. Елизаветинской и др.). Конские костяки выкладывались рядами. В захоронении Ульского кургана скелеты лошадей лежали как лучи от общего центра. Иногда их клали друг на друга. Так были уложены четыре лошади на площадке, очищенной огнем, в погребении 140 Тенгинского могильника (погр. 140) [1 с. 13–14]. Похоже располагались конские костяки на ритуальной площадке, примыкающей с юга к склепу № 1 могильника № 2 Татарского городища (южные окрестности г. Ставрополя) (III – начало II в. до н.э.). Здесь были обнаружены четыре лошади, уложенные друг на друга в варианте опрокинутого домино и человеческие захоронения (в том числе уложенные на скелеты лошадей).

Кроме проявлений анимизма использование лошадей в погребальной обрядности населения Предкавказья явно связано с древнейшей индоевропейской мифологической традицией. Сами кони являлись символами солнца. Об оформлении совокупности действий, имеющих целью дать видимое выражение религиозному поклонению

© Прокопенко Ю.А., 2024.

солнцу, у ираноязычных кочевников, свидетельствует рассказ Геродота о массагетах, для которых «единственный бог, которого они почитают, – это солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете» [2 с. 79].

Аналогичные представления нашли отражение в «Авесте». Так, в Яшт VI (1 и 4) говорится (по переводу Г.В. Бейли): «Сияющее солнце, бессмертное, богатое, обладающее быстрыми конями мы почитаем» [3 с. 285; 4 р. 12; 5 с. 44]. Г. Виденгрэн, детально исследовав античные источники, пришел к заключению, что у древнеиранских племен и народов конь очень часто выступает в качестве жертвоприношения солнечному божеству, и что существовала тесная связь между представлениями о коне, солнце и Ахура-Мазде [6 с. 127–130]. В Ригведе солнце неоднократно фигурирует в образе коня Dadhikra, который не только представляется крылатым, но и похожим на бросающегося орла (и называется орлом) [7 р. 61].

Как уже было отмечено, погребения лошадей характерны для комплексов Северного Кавказа скифского времени. Так в кургане у ст. Воронежской захоронения лошадей располагались по кругу. В курганах у ст. Костромской и Ульского аула костяки лошадей лежали у всех сторон центральной могилы, при этом в погребении у Костромской они были ориентированы по четырем сторонам света. Под насыпью Ульского кургана у южной стороны могилы находилось шесть столбов, вокруг которых по кругу располагались костяки лошадей (привязанных?); у северной стороны – пять аналогичных столбов. В кургане у ст. Елизаветинской к югу от могилы была захоронена погребальная повозка – шесть лошадей и только пять колес [8 табл. 85, 1, 6, 8, 9].

Жертвы коней солнцу, видимо, являются отголоском индоевропейской традиции, согласно которой, солнце выезжает на колеснице, запряженной лошадьми, и объезжает четыре стороны света (в погребении кургана у Костромской костяки лошадей были направлены на четыре стороны света). В этом комплексе представлений мир понимался как две половины мироздания, впряженные в одну

божественную колесницу, выступающую как символ солнца, восходящей зари, плодородия, богатства и справедливости. Значение колесницы в религиозной системе в том, что она осуществляет связь между различными частями мироздания, обеспечивая космический порядок и гармонию во всех сферах, равновесие частей. Движение солнечной колесницы по небу обуславливает смену дня и ночи и времен года. Лучи солнечной колесницы связывают земную сферу людей с небесной сферой солнца. По представлению индоевропейцев, после смерти душа человека отправлялась в последний путь к солнцу, в высшую сферу на колеснице, которая связывалась, также, еще и с заупокойным культом мертвых [9 с. 72; 10 с. 83–85].

С тем же кругом мифопоэтических представлений связаны солярные мифы о колесе солнца, в которых обнаруживается соперничество двух божеств: солнца и грозы [11 с. 462]. В «Ригведе» соответствующий индоарийский солярный миф представлен уже лишь во фрагментах, которые (согласно Ж. Дюмезилю) позволяют восстановить древний мотив соперничества двух божеств – Индры (бога грозы) и Суры (вед. *сы́га*, «солнца»). В их сражении Индра одерживает верх, приобретая одно из колес колесницы бога солнца [12]. В связи с этим, следует отметить, что в Ульском кургане столбы, вокруг которых были выложены по кругу лошадиные скелеты, образуют два ряда, между которыми располагается прямоугольное погребение (рис. 1, *Б*). Возможно, эта конструкция является имитацией солнечной колесницы. В данном случае лошадиные костяки, радиально размещенные вокруг столбов, представляют собой колеса повозки). Отсутствие одного колеса с северной стороны, скорее всего, связано с мифологическим сюжетом о потере его солнцем в борьбе с богом грозы. Характерно, что повозка в Елизаветинском кургане, в которую сопровождали погребения шести лошадей [8 табл. 85, 8, 9], также была представлена только пятью колесами (вместо шестого колеса – выделенная втулка) (рис. 1, *А*). Интересно, что в погребении 10 Минераловодского могильника автохтонной кобанской культурно-исторической общности в углу могилы был выложен круг из наконечников стрел [13 рис. 66, *В*, 1]. Известно, что стрелы связаны с культом бога грома и молнии.

Предположительно, круг из наконечников символизировал солнечное колесо – приношение этому богу.

Возможно, с этим же связано присутствие в раннескифском кургане 8 могильника Новозаведенное-2 – в ритуальных приношениях пяти бронзовых наверший (два – грифоны; три – изображения лежащих оленей) [14 p. 354, fig. 1, 1, 2]. Существует мнение, что такие предметы являлись символами колес погребальной повозки (четырёх или шести). Одно навершие не было положено сознательно, в связи с предполагаемым его другим назначением – как дар богу грозы и молнии. Характерно, что отсутствует именно символ солнца – олень (лань).

Захоронения коней в отдельных случаях связаны с другими древнеиндоевропейскими мифами. Следует отметить сложную в религиозном осмыслении модель конского погребения в кургане 7 (погр. 6) могильника у с. Китаевка (III – начало II в. до н.э.) (рис. 2, А). В данном случае справа и слева от человеческого скелета (без головы), ориентированного на север, были положены две половины лошади (разрубленной вдоль). Челюсти половинок лошадиного черепа сходились в том месте, где должна была находиться голова погребенного. Таким образом, человек заключен в овал, где лошадиные половины являются зеркальным отражением друг друга. Скорее всего, эта модель является отражением праиндоевропейского космогонического мифа о золотом зародыше – мировом яйце. В начале времен из первичной хаотической субстанции (праокееана) выделяется яйцо – зародыш. Из этого яйца рождается первое существо (часто андрогенное), смерть – жертвоприношение которого приводит к появлению первой пары разнополых близнецов (Неба и Земли, перволюдей и т.д.). От incestуальной связи первой пары близнецов рождаются иные формы жизни, заселяющие вселенную. Близнецы нередко выступают как культурные герои, активно структурирующие космос, через введение социальных институтов и норм жизни. В наиболее ранней форме этого мифа, речь идет о близнецах – брате и сестре – детях солнца. Характерно, что в индоевропейском близнецном мифе божественные близнецы (др.-инд. Ашвины; греч. Диоскуры)

представлялись в виде двух коней [15 с. 666; 11 с. 6 – 7; 461]. Ашвины летят так быстро, как мысль или орел. Как отметил Б.А. Литвинский, в колесницу ашвинов запрягались кони или птицы, в том числе орел, или похожие на орла кони [3 с. 285].

Следует отметить, что другое захоронение 7 кургана 7 данного могильника также связано с близнецным мифом. Это погребение двух мужчин, у которых зеркально отрублены правая и левая рука (у южного скелета нет правой руки ниже локтевого сустава; у северного нет левой руки, также, ниже локтевого сустава [16 с. 239] (рис. 2, Б). Известно, что противопоставление левый и правый характерно именно для близнецных мифов [11 с. 43].

Таким образом, отмеченное погребение у с. Китаевка (погр. 6) является воспроизведением космогонического мифа творения – жертвоприношения. В этом качестве лошадиные половины, расположенные в виде овала, воспроизводят форму яйца, в котором заключен погребенный, чтобы родиться вновь. С другой стороны, зеркальные половины коня следует отождествлять с парой близнецов, от инцестуальной связи которых, появляется новая жизнь.

Использование коней в погребальной обрядности населения Предкавказья, с наделением их атрибутикой из мифологической традиции, возможно, было связано с желанием максимально обезопасить умерших от воздействия хтонических сил (нейтрализация бога грозы и молнии) и способствовать их дальнейшему воплощению в мире живых.

Во II в. до н.э., в связи с распространением в регионе сарматских племен, прекращается традиция захоронения коней, сопутствующих человеческим погребениям.

Литература

1. *Беглова Е.А.* О культовых комплексах в меотской культуре Закубанья // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Кисловодск, 2000 г. Кисловодск: Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополье», 2000. С. 12–15.

2. *Геродот*. История // Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Вып. 1, 2. СПб.: Фарн, 1992. 152 с.
3. Литвинский Б.А. Медные котелки из Индостана и Памира (древние связи двух регионов) // Археология, палеоэкология, палеодемография Евразии. Сб. ст. М., 2000. С. 277–295.
4. *Bailey H.W.* Zoroastrian Problems in the Ninth Century Books. Oxford (Retanbai Katrak Lectures): Clarendon Press, 1943. 235 p.
5. *Lommel H.* Die Yäšt's des Awesta, übersetzt und eingeleitet, Göttingen and Leipzig, 1927. 211 S.
6. *Widengren G.* Die Religionen Irans. Bd. 14. Stuttgart (Die Religionen der Menschheit). Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1965. 393 pp.
7. *Keith A.B., Carnoy A.J.* The Mythology of All Races. Vol. VI. Indian, Iranian. Boston: Marshall Jones, 1917. 601 p.
8. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1989. 463 с.
9. *Кривицкий В.В.* О значении обряда коня и повозки в религии и искусстве древнего Кавказа (в эпоху бронзы и раннего железа) // Изв. ЮОНИИ. Вып. XXXI. Цхинвали, 1987. С. 66–73.
10. *Кузьмина Е.Е.* Колесный транспорт и проблема этнической и социальной истории древнего населения южнорусских степей // ВДИ. 1974. № 4. С. 68–87.
11. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. 719 с.
12. *Dumezil G.* Mythe et épopée. L'ideologie des trois fonctions dans les épopées des peuples indo-européens. Paris: Gallimard, 1968. 663 p.
13. *Березин Я.Б., Прокопенко Ю.А.* Минераловодский могильник VI – IV вв. до н.э. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. 135 с.
14. *Petrenko V.G.* On the Interpretation of Early Scythian Sites in Central Ciscaucasia // The Archaeology of the Steppes methods and Strategies. Papers from International Symposium held in Naples 9 – 12 November 1992. Series Minor XLIV. Napoli: Istituto Universitario orientale Dipartimento di studi Asiatici, 1994. P. 347–357.
15. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1987. 671 с.

16. Коренько В.А., Найденко А.В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузловке (Ставропольский край) // СА. 1977. № 3. С. 230–249.

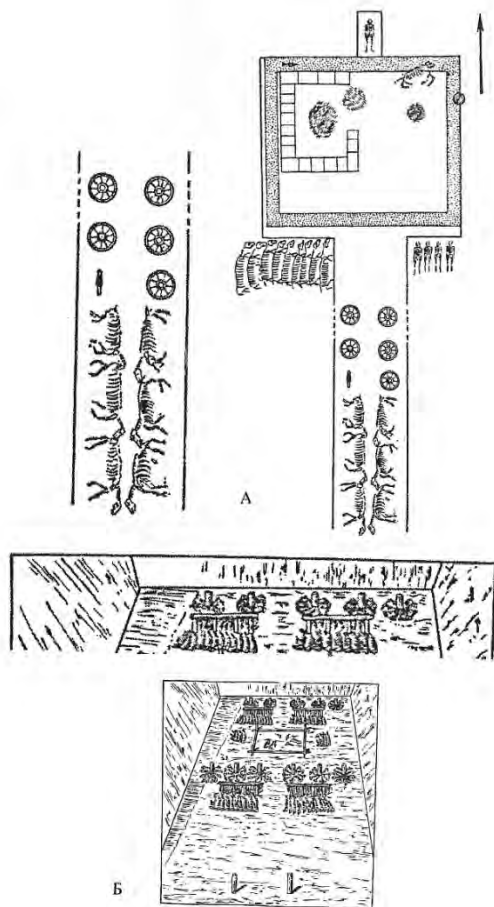


Рис. 1. Скифские погребения с повозками, имевшими пять колес (по Степи... 1985): А – Елизаветинский кург.; Б – Ульский кург.

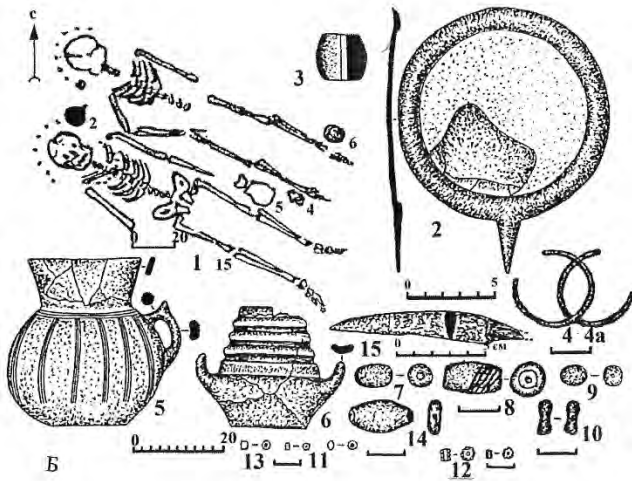


Рис. 2. Погребения из кургана 7 могильника Китаевка (по Корняко, Найденко 1977): А – погр. 6; Б – погр. 7.

«По́за объ́ятий» в парных погребениях западноалакульской и кожумбердынской культурных групп эпохи поздней бронзы Южного Урала

Рафикова Я.В.

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, ziada@bk.ru

Введение

Погребения двух разнополюх индивидов, лежащих лицом друг к другу, нередко в по́зе объ́ятий, из некрополей эпохи поздней бронзы Южного Урала, уже более полувека волнуют умы исследователей. В отечественной археологии за ними закрепилось название парные погребения, на наш взгляд, весьма точно отражающее суть этого явления: парное погребение – это захоронение разнополюх индивидов, по возрасту подходящих для того, чтобы составить пару – семейную (брачную), обрученную, либо находящуюся в интимных (сексуальных) отношениях.

С 2000-х гг. исследователи стали применять к ним определение «погребения “в по́зе объ́ятий”», которое впервые прозвучало в работе Д.Г. Здановича, использовавшего его для синташтинско-петровских парных погребений [1 с. 56, 62]. Между тем при детальном рассмотрении парных погребений становится очевидным, что не во всех случаях покойники находятся в по́зе объ́ятия, а в случае ее наличия, она имеет разные варианты. До сих пор вопрос о нюансах позы объ́ятий в южноуральских парных погребениях специально не рассматривался.

В данной работе внимание сосредоточено на парных погребениях из могильников двух культурных вариантов алакульской культуры – западноалакульской и кожумбердынской культурных групп, занимающих смежную территорию (рис. 1).

Задачами работы являются определение доли парных погребений в по́зе объ́ятий в каждой культурной группе, выявление особенностей позы объ́ятий в зависимости от возраста пары в каждой культурной

© Рафикова Я.В.

Исследование выполнено в рамках государственного задания УФИЦ РАН № 075-01134-23-00 на плановый период 2024-2025 годов.

группе, определение сходства и различий позы объятий в парных погребениях западноалакульской и кожумбердынской культурных групп.

Основная часть

Выборка парных погребений рассматриваемых групп насчитывает 64 пары – 20 западноалакульских и 44 кожумбердынских, из которых поза объятий зафиксирована у 24 пар, соответственно по 12 в каждой культурной группе (табл. 1). Немногочисленность выявленных пар с позой объятий объясняется, в первую голову, большим процентом потревоженных парных захоронений, особенно это касается кожумбердынской культурной группы.

Ни одно парное погребение выборки не имеет радиоуглеродной даты. Однако керамика и инвентарь позволяет датировать основную массу погребений периодом классического (развитого) этапа позднего бронзового века Южного Урала, укладывающегося в пределы XVIII-XV вв. до н.э. [2 с. 143; 3 с. 72-73]. Единичные погребения из некрополей западноалакульской культурной группы имеют архаические черты и относятся к более раннему начальному периоду позднего бронзового века.

В Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дано определение слову «Объятие/я»: «Движение или положение рук, охватывающих кого-нибудь для ласки, выражения дружеских чувств...» [4 с. 442]. Объятия в парных погребениях не исчерпываются положением рук погребенных, в объятиях участвуют и ноги, когда они находятся в двух позициях: либо переплетены, т.е. по одной ноге каждого костяка находится между ног другого, либо ноги одного из погребенных находятся между ног другого.

Культурные группы	положение погребенных			всего пар
	определяется		не определяе тся	
	поза объятий	отсутствие позы объятий		
	кол-во; %	кол-во; %	кол-во; %	
Западноала	12; 60	1; 5	7; 35	20; 100

кульская				
Кожумберд ынская	12; 27,3	6; 13,6	26; 59,1	44; 100
одновремен ные	10; 22,9	2; 5,7	25; 71,4	35; 100
неодновремен ные	2; 22,2	4; 44,4	3; 33,3	9; 100
Всего	25	7	32	64; 100

Табл. 1. Доля пар в позе объятий в парных погребениях западноалакульской и кожумбердынской культурных групп.

Западноалакульская (соль-илецкая) культурная группа

Поза объятий в парных погребениях западноалакульской (соль-илецкой) культурной группы зафиксирована в 12 парах из 13 определенных.

Взаимные объятия наблюдаются у 7 пар – пяти взрослых и по одной подростков и детей. В погребении Ветлянка IV 11/3, сопровождавшимся инвентарем покровского облика, находилась пожилая пара, в которой мужчина лежал на левом боку, а его правая рука покоилась на ребрах женщины, лежавшей на правом боку, в то время как левая рука женщины была «плотно прижата к нижней челюсти мужчины» [5, с. 173-174] (рис. 2, 2). В погребении взрослых Ульгули I 4/5, тесно прижатые друг к другу покойники находятся в объятиях друг друга. Правая рука мужчины покоится в районе левой лопатки женщины, его левая рука находится симметрично правой, его согнутые в коленях ноги обхватывают голени женщины, при этом ее колени упираются ему в таз. Шея мужчины обхвачена руками женщины (рис. 2, 1). В погребении Ветлянка IV 9/12, судя по плану погребения покойник, лежащий на левом боку, находится в объятиях рук покойника, лежащего на правом боку [6 рис. 3, 6]. Левая рука обнимающего положена поверх туловища обнимаемого, чуть ниже его груди, примерно на уровне талии, а правая рука находится под его шеей. Правая нога обнимающего, видимо, расположена между ног обнимаемого (рис. 2, 3). Нужно оговорить, что в этом погребении украшения имелись на обоих костяках: на костяке на левом боку это были по 14 бронзовых бусин на запястьях, а на каждой руке костяка правом боку обнаружены браслеты, на шее 44 бронзовых бусины и 3 клыка кабана. На черепах погребенных были обнаружены по две подвески в 1,5. Преобладание количества украшений у покойного на

правом боку косвенно свидетельствует о женском поле их обладателя. Объяснить наличие украшений, в первую очередь, височные привески у положенного на левый бок, как полагает автор этих строк, мужчины, возможно лишь особенностью каких-то пока не ясных нам специфических мировоззренческих установок в алакульском обществе, которые влетают и в обряд парного погребения. В детском погребении Увак 15/16 правая рука мальчика в полусогнутом состоянии протянута к девочке, так что его предплечье лежит поверх ее скелета, а колени мальчика обхвачены коленями девочки [6 рис. 3, 9].

Еще в 3-х парах о взаимных объятиях можно судить по расположению переплетенных ног погребенных. В погребении взрослых Мечет-Сай 5/1 правая нога женского костяка находится между ногами мужского, а левая нога мужского между ног женского. В Ветлянке IV 9/7, где в одной могиле находились две пары из их описания в тексте следует, что у взрослой пары «согнутые колени ног соприкасаются и частично лежат как бы взаимно переплетаясь», а у пары подростков «трубчатые кости нижних конечностей переплетены в области колен» [5 с. 171].

В остальных 4 случаях зафиксированы односторонние (независимые) объятия и они исключительно мужские. В погребении взрослых Илекшар II 6 вопреки описанию: «кисти их рук (покойных – Я.Р.) соединялись друг с другом» на рисунке только левая рука женщины лежит между ладонями мужчины (рис. 2, 4). В погребении Ветлянка IV 9/27 в публикации отсутствует план погребения, но о позе объятия можно судить по описанию: «левый скелет обнимает правый, кости которого помещены между его верхними и нижними конечностями» [5 с. 170], т.е. мужчина обнимает женщину. В детском Увак 9/2 и подростковом Кардаилловский I 24/4, правая рука мальчиков протянута к лицам девочек [6 рис. 3, 10; 4, 1]. В Увак 9/2 к тому же ноги девочки находятся между ног мальчика [6 рис. 3, 10].

Еще в одном детском погребении Ульгули I 5/2 невозможно однозначно говорить о наличии только односторонних объятий, где перекрещенные ноги мальчика находились между ног девочки, но положение рук погребенных невозможно проследить из-за плохой сохранности костей [6 рис. 3, 11].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в парных погребениях западноалакульской культурной группы в позе взаимного объятия укладывали как взрослые пары, так и детские. При этом поза взаимного объятия с участием рук в каждом случае индивидуальна, нет

ни одного повтора (рис. 2, 1-3). Позиция переплетенных ног характерна для пар взрослых и подростков, в детских парах она не зафиксирована. Позиция, где согнутые в коленях ноги одного покойного обхватывают ноги другого, не имеет возрастных ограничений, в такой позиции находятся как ноги взрослых пар, так ноги и детей.

Кожумбердынская культурная группа

В кожумбердынской культурной группе объятия выявлены у 10 пар из 12 определенных случаев в одновременных погребениях и у 2 пар из 6 определенных случаев в неодновременных погребениях.

О взаимных объятиях здесь можно говорить, только опираясь на положение ног покойных в 4-х подростковых погребениях, которые находились в переплетенном положении, а верхние части останков были нарушены: Ново-Аккермановка 8, Чапаевский ОК, Ташла-1 2/10, Ташла-1 2/12.

В 3-х непотревоженных погребениях, где прослеживается поза обоих покойников, зафиксированы только односторонние объятия. В погребении взрослых Байту I 4/1 это были мужские объятия: скелет женщины «перекрывает ноги и левую руку мужчины, в то время как правая рука мужчины обнимает женщину и помещена поверх ее рук и груди» [7 с. 45]. В двух погребениях взрослого с подростком, девочки-подростки обнимали мужчин. В Тасты-Бутак 1 39 «руки мужчины расположены кистями у его лица, руки женщины “обнимают” мужчину» [8 с. 23]. Погребенные положены тесно прижатыми друг к другу, руки мужчины согнуты в локтях и находятся перед лицом, левая рука девушки-подростка лежит поверх его рук и груди, а правая располагается под туловищем мужчины (рис. 3, 1). В Хабарное 13 объятия выражены иначе: предплечья молодого мужчины находились между костями предплечий подростка-девочки (рис. 3, 2).

Еще в двух погребениях поза объятий определяется по положению частично сохранившихся фрагментов костей предплечий девочек. В погребении подростка с ребенком Ташла-1 1/4 правая рука девочки находится на шейных позвонках мальчика [9 рис. 7, 1]. В детском погребении Тасты-Бутак 1 25/2 предплечье левой руки девочки находилась на туловище мальчика [9 рис. 8, 1]. Положение рук мальчиков в этих погребениях не прослеживается, поэтому сложно определить были ли объятия односторонними или взаимными. Также как и в погребении подростков Турсумбай II 6/3, где ноги девочки были обхвачены ногами мальчика, а верхняя часть останков девочки-подростка была нарушена.

В неодновременных погребениях поза объятий зафиксирована в двух погребениях — Байту II 9/1 и Березовский V 6/1 и в обоих случаях позднее подхороненные женщины обнимают останки мужчин. В Березовский V 6/1 левая рука женщины согнута и кисть подсунута под череп мужского костяка, а кисть согнутой правой руки положена на грудь костей в районе условного плеча мужчины (рис. 3). В Байту II 9/1, по описанию Е.Е. Кузьминой, «левая рука женщины лежала на руке и груди мужчины» [7 с. 45].

Таким образом, поза объятий зафиксирована и в одновременных и неодновременных погребениях, и она охватывала все возрастные группы. Отличительной особенностью от западноалакульской группы является то, что в кожумбердынской во всех случаях зафиксированы только односторонние объятия: в неодновременных только женские, в одновременных — и женские и мужские. Позиция, когда ноги переплетены и когда ноги одного покойника обхвачены ногами другого, в кожумбердынской группе наблюдается исключительно в подростковой группе. Не исключено, что сексуальное положение ног в этих парах подразумевало основную задачу будущего этих пар зачатие и рождение детей, которая в силу их юного возраста не была осуществлена при их жизни.

Заключение

В большинстве определимых случаев в парных погребениях западноалакульской и кожумбердынской культурных групп усопшим придавалась поза объятий. Погребения без объятий наблюдаются в единичных случаях. Это в определенной мере оправдывает использование словесной конструкции «погребения “в позе объятий”» к парным погребениям западноалакульской и кожумбердынской культурных групп. На сегодняшний день причины, по которой пара укладывалась в позе объятий либо в индифферентном по отношению друг к другу положении, не ясны.

Поза объятий зафиксирована во всех возрастных группах западноалакульских и кожумбердынских парных погребений. Выявлены различия в позе объятий в парных погребениях двух культурных групп: в западноалакульской зафиксированы взаимные объятия, в кожумбердынской пока только односторонние с преобладающим количеством случаев женских объятий. Положение ног в позиции переплетенных в западноалакульских парных погребениях не зафиксирована только в детской группе, в то время как в

кожумбердынских парных погребениях она наблюдается исключительно в подростковых погребениях.

Разнообразие позиций рук, составляющих объятия свидетельствует об отсутствии строгой унификации позы объятий в парных погребениях как в западноалакульской, так и кожумбердынской культурных группах.

Литература

1. *Зданович Д.Г.* Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи средней бронзы. Челябинск: ЧГУ, 1997. 93 с.

2. *Молодин В.И., Епимахов А.В., Марченко Ж.В.* Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2014. Т.13 (3). С. 136-167.

3. *Ткачев В.В.* Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульского ареала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 68-77.

4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М.: ООО «ИТИ Технологии», 2008. 944 с.

5. *Горбунов В.С.* Могильник бронзового века Ветлянка IV // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург: ОГПИ, 1992. С. 166-194.

6. *Рафикова Я.В.* Парные погребения западноалакульской (соль-илецкой) культурной группы: хронология, генезис, интерпретация // Вестник ОГПИ. 2019. № 3 (31). С. 173-208. DOI: 10.32516/2303-9922.2019.31.13.

7. *Кузьмина Е.Е.* Андроновские могильники на р. Байту (о некоторых деталях андроновского погребального обряда) // КСИА. 1964. № 97. С. 39-49.

8. *Сорокин В.С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане (МИА. № 120). М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 207 с.

9. *Рафикова Я.В.* Парные погребения кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы Южного Приуралья // Вестник ОГПИ. 2023. № 4 (48). С. 130-181.

10. *Ткачев В.В.* Горно-металлургическое производство в структуре хозяйственно-культурных моделей западной периферии алакульской культуры // Уральский исторический вестник. 2019. № 1. С. 38-47. DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-38-47.

11. *Ткачев В.В.* Трансграничная зона срубной и алакульской культур в Степном Приуралье: физико-географический и горно-металлургический аспекты // Поволжская археология. 2020. № 3 (33). С.116-128. DOI: 10.24852/ра2020.3.33.116.128.

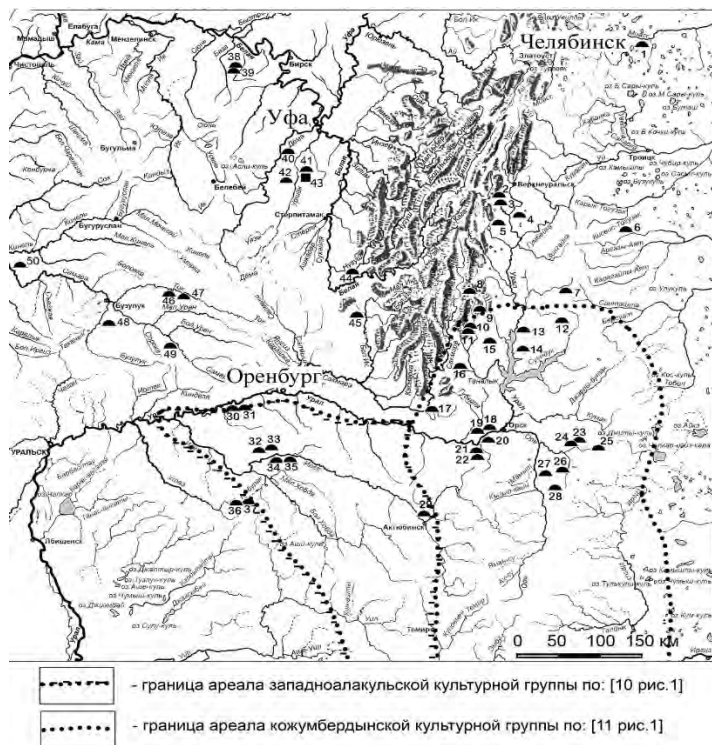


Рис. 1. Могильники с парными погребениями эпохи поздней бронзы Южного Урала и Поволжья. *Алакульские*: 1 - Алакуль; 6 - Кулевчи IV; 12 - Солончанка 16; 15 - Валит-2. *Срубно-алакульские*: 4 - Спасский I; 5 - Селивановский II; 7 - Каменный Дол I; 10 - Салимовские курганы (Биш-Уба II); 11 - Агеевский. *Черкаскульские*: 2 - Муракаево. *Кожумбердынские*: 13 - Березовский V; 14 - Чапаевский V; 16 - Ташла-1; 17 - Ибрагимовский; 18 - Ново-Аккермановка; 19 - Хабарное I; 20 - Кунакбай-Сай; 21 - Урал-Сай; 22 - Гурюльдек; 23 - Байту I; 24 - Байту II; 25 - Турсумбай II; 26 - Ушкаты; 27 - Кожумберды; 28 - Тасты-Бутак 1. *Западно-алакульские*: 29 - Восточно-Курайлинский I; 30 - Кардаиловский I; 31 - Краснопартизанский; 32 - Ветлянка IV; 33 - Обилькин Луг III; 34 - Мечет-Сай; 35 - Увак; 36 - Ульгули I; 37 - Илекшар II. *Срубные*: 8 - Тавлыкаевский I; 38 - Верхне-Аташевский; 39 - Именлекулевский; 40 - Ново-Ябалаклинский I; 41 - Казбуруновский I; 42 - Чумарово-1; 43 - поселение Мурадымово; 44 - Иштугановский; 45 -

Санзяповский; 46 – Пролетарский II; 47 – Плешановский II; 48 – Скворцовский;
49 – Бурдыгинский; 50 – Михайловский II.



Рис. 2. Реконструкция позы объятий в парных погребениях западноалякской культурной группы: взаимные объятия: 1 – Ульгули I 4/5, 2 – Ветлянка IV 11/3, 3 – Ветлянка IV 9/12; односторонние объятия: 4 – Илекшар II 6.

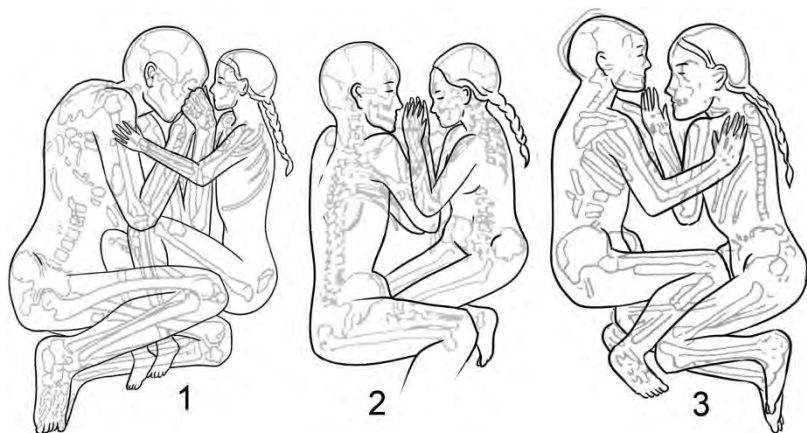


Рис. 3. Реконструкция позы объятий в парных погребениях кожумбердынской культурной группы: *односторонние объятия*: 1 – Тасты-Бутак I 39, 2 – Хабарное I 13, 3 – Байту I 4/1.

Этнографические группы элиты ранних кочевников
Южного Урала по данным могильника Филипповка

Савельев Н.С.¹

*Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального
исследовательского центра РАН, Уфа, sns_1971@mail.ru*

На протяжении второй половины XX века, когда шел процесс активного накопления источниковой базы по кочевникам Южного Урала середины I тыс. до н.э., неоднократно предпринимались попытки выделения различных территориальных групп или же локальных вариантов, отличающихся друг от друга общим обликом материальной культуры и погребального обряда (самаро-уральский и доно-волжский варианты, челябинская группа, кочевники Южного Зауралья и т.д.). Однако, во всех случаях эти различия касались только отдельных элементов погребальной обрядности и материальной культуры, как правило – ярких и хорошо запоминающихся (напр., «тальковая» керамика, дромосные погребения, каменные курганы и пр.). Эти различия «по тенденции», как и в целом особенности территориальных групп, всегда объяснялись фактором географической близости или «этнокультурных связей» с тем или иным регионом. Для Южного Урала, расположенного на границе Европы и Азии, между лесом с севера и полупустынями с юга, все подобные построения на фоне чрезвычайно высокого разнообразия погребального обряда и материальной культуры кочевников «савромато-сарматского» времени, которые фиксировались порой даже в пределах одного могильника, всегда были оторванной от реальности теорией.

Данная ситуация начала постепенно меняться только в последние два десятилетия, когда рядом исследователей, в том числе и автором, к мозаичной картине раннекочевнического времени Южного Урала был применен палеоэтнологический подход, сутью которого является отказ от конструирования «археологических культур» и признание гетерогенности данных образований [1 с. 224; 2 с. 55–56]. Это позволило обосновать и выделить восточноприаральскую [3; 4] и

© Савельев Н.С., 2024.

Работа выполнена при поддержке проекта № 23-78-10057 Российского научного фонда «Динамика культурного развития и освоения Южного Урала с древности и до вхождения в состав России (IV в. до н. э. – XVI в.): междисциплинарное археологическое исследование».

мугоджарскую [5; 6; 7; 2] этнографические группы памятников, а также постулировать наличие третьей важнейшей группы – блюменфельдской [1 с. 219, 221; 5; 8; 9 с. 30, 32]. Принципиальную значимость имеет вывод о том, что основой для выделения этнографических признаков у кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э. являются исключительно устойчивые формы погребальной обрядности. Материальная же культура, как правило, является своеобразной *lingua franca*, имеющей важное хронологическое значение и, за небольшими исключениями, сугубо второстепенное – для решения вопроса об идентичности конкретных индивидов или малых коллективов, существовавших в условиях гетерогенного окружения. Также важно, что проведенные исследования позволили ставить вопросы причин существования гомогенных групп кочевников, форм и следствий взаимодействия кочевников различных этнографических групп, исторической устойчивости культурно-разграничивающих признаков и т.д. [10; 5; 7; 2].

Описанный подход применим как к близким по обрядовым характеристикам погребальным памятникам, расположенным на значительных по размеру территориях [3; 1], так и к целым курганным могильникам – как гомогенным по погребальному обряду [7], так и к гетерогенным. При условии «археологической одновременности» анализ последнего типа памятников, вероятно, может являться наиболее результативным по возможному охвату, что ранее уже было показано для Валитовских, Сосновских и Яковлевских курганов, а также могильника Биш-Уба [2 с. 61–64]. Данным условиям также в полной мере соответствует и элитный могильник Филипповка 1, полностью исследованный в 1986–2014 гг. экспедициями ИИЯЛ БФАН СССР под руководством А.Х. Пшеничнюка и ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского [11; 12].

Филипповский некрополь расположен в Центральном Оренбуржье, немного севернее современной границы с Казахстаном, на возвышенном водоразделе рек Урал и Илек. Общие размеры курганного поля 9×5 км, в его пределах расположено 29 курганных насыпей, из которых только несколько относятся к малым, а все остальные — к средним, большим и очень большим. Также к этому некрополю отнесен и расположенный в 12 км к юго-востоку курган № 30. Анализ погребального обряда показывает, что Филипповский некрополь сочетает в себе четыре основные традиции – дромосные погребения (склепы) с овальными, прямоугольными и т.н. «крестовидными» ямами

(в основе – прямоугольная яма с ритуальной нишей с северной стороны, т.е. расположенная напротив входа-дромоса), а также погребения на древнем горизонте, в наземных склеповых конструкциях. Большинство из них находилось под деревянными шатрами, часть из которых сожжена. Каждый из этих типов погребальных сооружений, как уже отмечалось ранее [6; 13; 14 с. 237, 241], является маркером различных этнографических групп кочевников, истоки которых прослеживаются еще в предшествующее время [5]. Погребения на древнем горизонте связаны с восточноприаральским компонентом в составе кочевников Южного Урала и связаны с переселением на север кочевников, до VI века до н.э. проживавших в низовьях р. Сырдарья. Погребения в широких овальных могильных ямах относятся к мугоджарской группе кочевников Южного Урала, имеющей центральноказахстанское сакское происхождение; при этом миграция этого населения на западные склоны Мугоджар произошла еще в первой половине I тыс. до н.э. Погребения в широких прямоугольных ямах были одним из ведущих типов погребальных сооружений у кочевников Южного Урала еще в конце VI – V в. до н.э. Только в могильнике Филипповка I зафиксированы ямы крестовидной формы, являющиеся вариантом широких прямоугольных ям. В нише с северной стороны располагались как обычные погребения, так и уникальное стоячее мужское погребение. Происхождение этих ниш пока не выяснено, но практически одновременно они были распространены на плато Устюрт, где одной из ведущих форм огромных каменных купольных мавзолеев (Байте, Тасастау, Меретсай, Баскудук и др.) являлись камеры крестовидной формы с очагом в центре – а наряду с ними присутствовали мавзолеи, камеры которых имели прямоугольную и овальную/круглую форму [15].

Такой же яркой социокультурной инновацией для кочевников Южного Урала, сильно трансформировавшей погребальную обрядность и связанной с погребениями нерядового статуса, является и появление длинных подземных галерей-дромосов, широкое распространение которых произошло именно в IV веке до н.э. Проведенный ранее планиграфический анализ дромосных погребений могильника Филипповка I показал, что в основе их лежат типы могильных ям (широкие овальные и широкие прямоугольные), характерных для кочевников Южного Урала в предшествующее время [8 с. 221–222].

По своей пространственной структуре Филипповский некрополь состоит из двух сходящихся углом цепочек – восточной, состоявшей из

курганов только с крестовидными погребениями и западной, включающей центральные погребения в овальных и прямоугольных склепах [8 рис. 1]. Третья цепочка, состоявшая из малых курганов рядового ранга, шла параллельно цепочке курганов с крестовидными погребениями. В центре этой территории, между двумя основными цепочками, находился «царский» курган № 1 с огромным погребением в широкой овальной могильной яме, двумя тайниками и сопровождающим богатым женским погребением. Второй «царский» курган, № 4, находился в центре восточной цепочки, рядом с ним находились курганы № 3 и № 5, также имевшие крупные размеры. Две основные цепочки были окружены отдельными микроскоплениями с разнотипными погребениями с дромосами и на древнем горизонте. Максимально удаленную периферию могильника образуют фактически одиночные курганы с прямоугольными дромосными погребениями. Судя по палеопочвенным исследованиям, пространственное развитие могильника шло от двух «царских» курганов и удаленных друг от друга микроскоплений к постепенному объединению их в цепочки и появлению дальней периферии.

Для анализа отобрано 24 кургана, центральные конструкции которых представлены наземными склепами (3 ед., 12,5 %), склепами с овальными (5 ед., 20,8 %), прямоугольными (9 ед., 37,5 %) и крестовидными (7 ед., 29,2 %) дромосными ямами (табл. 1). Учитывая, что крестовидные дромосные склепы являются производными от прямоугольных, отражая, вероятно, более высокий социальный статус погребенных [8 с. 219, 221], они также должны быть рассмотрены и как единая группа. Всего их 16 (66,7 %), т.е. две трети от склеповых сооружений некрополя. Рассмотрение по ряду параметров, которые могут отражать этнографическое разнообразие (наличие обваловок, костей лошади в южном секторе кургана, деревянных «шатровых» конструкций, в том числе и распределение сожженных и несожженных, очагов в центре могильных ям, статусных импортов, керамики, целых и фрагментированных каменных жертвенников и т.д.) показало, что какие-либо явные различия между разными типами склепов отсутствуют. Практически все эти элементы в разной степени присутствуют во всех типах склепов. Это может свидетельствовать только об одном – о в целом стандартизированных материальной культуре и основных элементах погребальной обрядности элиты ранних кочевников Южного Урала, сложившихся ко времени функционирования некрополя.

Таблица 1

Могильник Филипповка 1. Соотношение типов центральных и боковых погребений

Типы центральных склепов	Типы боковых погребений						
	Нет	1	2	3	4	5	Всего
Овал/дромос 5 (20,8 %)	3 60 %	-	1 9,1 %	-	-	2 100 %	3 11,1 %
Наземный 3 (12,5 %)	1 33,3 %	-	3 27,3 %	1 50 %	2 28,6 %	-	6 22,2 %
Крест./дромос 7 (29,2 %)	3 42,9 %	-	5 45,5 %	1 50 %	1 14,3 %	-	7 25,9 %
Прямоуг./дромос 9 (37,5 %)	5 55,6 %	5 100 %	2 18,2 %	-	4 57,1 %	-	11 40,7 %
Крест.-прямоуг. /дромос 16 (66,7 %)	8 50 %	5 100 %	7 63,6 %	1 50 %	5 71,4 %	-	18 66,7 %
24 (100 %)	12(50 %)	5 18,5 %	11 40,7 %	2 7,4 %	7 25,9 %	2 7,4 %	27 100 %

Примечание. Типы боковых погребений: 1 – прямоугольные; 2 – широкие прямоугольные; 3 – овалы; 4 – подбой; 5 – катакомбы

В отличие от материальной культуры и рассмотренных выше элементов погребального обряда, связанных с оформлением подкурганного и внутримогильного пространства, важную информацию по сохраняющимся этнографическим чертам дает анализ соотношения центральных склеповых сооружений с типами могильных ям боковых захоронений и самим фактом их наличия. Всего в рассматриваемых 24 курганах присутствует 27 боковых погребений, относящихся к 5 типам: прямоугольные ямы – 5 ед. (18,5 %), широкие прямоугольные ямы – 11 ед. (40,7 %), овалы – 2 ед. (7,4 %), подбой – 7 ед. (25,9 %), катакомбы – 2 ед. (7,4 %). В половине курганов, включенных в анализ, боковые погребения отсутствуют, при этом большинство курганов без боковых погребений сооружено над овальными (60 %) и прямоугольными (55,6 %) дромосными склепами. Прямоугольные боковые погребения встречаются только в курганах с прямоугольными

дромосными склепами. Широкие прямоугольные боковые погребения, встречающиеся со всеми типами склепов, максимально представлены с крестовидными склепами (45,5 %) и, в целом, совместно в обоих вариантах прямоугольных (63,6 %). Боковые погребения овальной формы единично встречаются в курганах с наземными и крестовидными склепами. Подбой не представлены в курганах с овальными склепами, единичны в курганах с наземными и крестовидными склепами и более всего представлены в курганах с прямоугольными склепами – 4 ед. (57,1 %). Обе катакомбы, относящиеся к типу Т-образных, происходят из одного кургана (№ 14), в центре которого был расположен овальный дромосный склеп [11 рис. 121]. Общие данные по боковым захоронениям показывают, что они максимально связаны с прямоугольными склепами (11 ед., 40,7 %) и, в целом, с прямоугольными и крестовидными склепами (18 ед., 66,7 %). Также анализ расположения боковых погребений свидетельствует о том, что они практически в равной степени, вне зависимости от типов, находятся как к западу, так и к востоку от центральных склепов.

Эта картина показывает, что кроме двух полярных типов боковых погребений (прямоугольные ямы встречаются только с прямоугольными склепами, катакомбы – только с овальными склепами), все остальные в большей или меньшей степени встречаются с наземными, прямоугольными и крестовидными склепами. Наибольшая же связь фиксируется между прямоугольными и широкими прямоугольными боковыми погребениями и прямоугольными и крестовидными склепами. Обратнопорциональная связь широких прямоугольных боковых погребений с крестовидными склепами и узких прямоугольных – с прямоугольными склепами, учитывая богатство ряда широких прямоугольных погребений некрополя (напр., аристократические погребения в курганах 1 и 4), может быть объяснена только принадлежностью этих типов склеповых сооружений к совершенно разным социальным стратам погребенных.

Таким образом, анализ курганов со склепами Филипповского некрополя достаточно ясно свидетельствует о том, что в его основе лежат традиции сооружения прямоугольных (в т.ч. крестовидных как их варианта) склепов и прямоугольных боковых погребений. Они находят свои истоки в памятниках предшествующего времени южно-уральских степей (Три Мара, Таксай, Кырык-Оба II, Лебедевка II, Илекшар, Жагабулак I, II и др.) [16; 17], которые в целом могут быть интерпретированы как элитные «блюменфельдские» захоронения.

Незначительная представленность в Филипповке овальных дромосных и наземных склепов вполне объясняется тем, что первые, относящиеся к мугуджарской традиции, в основном локализованы намного восточнее [2 рис. 1], а вторые, относящиеся к восточноприаральской традиции, в основном датируются значительно более ранним временем [3; 10]. Существование всех трех этнографических традиций, судя по неотличимой материальной культуре, общим канонам оформления подкурганного и внутримогильного пространства, расположению боковых захоронений и различным вариантам встречаемости типов центральных склепов с ними, происходило в недрах гетерогенной, но сильно стандартизированной и унифицированной высшей элиты общества кочевников Южного Урала середины I тыс. до н.э.

Литература

1. *Мышкин В.Н.* Типы погребального обряда социальной элиты кочевников Самаро-Уральского региона в VI–V вв. до н.э. // Известия СНЦ РАН. Т. 15. № 1. 2013. С. 219–225.

2. *Савельев Н.С.* Мугуджарская группа ранних кочевников Южного Урала скифо-сарматского времени // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2021. № 1 (16). С. 54–77.

3. *Таиров А.Д.* Саки Приаралья в степях Южного Зауралья (по материалам могильника Маровый Шлях) // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сб. ст. к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничного / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 76–91.

4. *Мышкин В.Н.* Восточное Приаралье и Самаро-Уральский регион: к проблеме происхождения традиций захоронения на дневной поверхности и в глиняных мавзолеях у южноуральских кочевых племен скифского времени // Уфимский археологический вестник. 2014. Вып. 14. С. 146–156.

5. *Савельев Н.С.* Южный Урал в I тыс. до н.э. – особая контактная зона на крайнем востоке Европы // Уфимский археологический вестник. 2019. Вып. 19. С. 39–50. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav.2019.19.004> .

6. *Савельев Н.С.* Мугуджарская группа ранних кочевников Южного Урала скифо-сарматского времени // Труды VI (XXII) Всероссийского археологического съезда в Самаре. В 3-х т. / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров, О.Д. Мочалов. Самара: СГСПУ, 2020. Т. II. С. 105–107.

7. *Савельев Н.С.* Малые Гумаровские курганы скифо-сарматского времени на Южном Урале: хронология, особенности погребального обряда и вопросы культурной атрибуции // Нижневолжский археологический вестник. 2021. Т. 20. № 1. С. 179–203. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolso.2021.1.9>.

8. *Савельев Н.С.* Дромосные погребения Филипповки: планиграфия, типология, контекст // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 214–223.

9. *Сиротин С.В.* Современное состояние исследований в области савроматской культуры // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2021. № 1 (16). С. 20–38.

10. *Сиротин С.В.* Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Федорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 253–264.

11. *Пшеничнюк А.Х.* Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

12. *Яблонский Л.Т.* Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

13. *Савельев Н.С.* Филипповский некрополь и «филипповский» мир Южного Урала середины I тысячелетия до н.э. // Сокровища сарматских вождей: Древности середины I тысячелетия до н.э. из Филипповских курганов на Южном Урале. М.: ГМИИ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 36–42.

14. *Сиротин С.В., Богачук Д.С., Гильмитдинова А.Х., Окороков К.С.* Особенности погребальных конструкций и планиграфическая организация некрополя Филипповка I // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). Материалы X Междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. С. 234–243.

15. *Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р.* Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья. Алматы: ИА им. А.Х. Маргулана, 2017. 320 с.

16. *Сиротин С.В.* Дромосные погребения ранних кочевников Южного Урала: вопросы хронологии // Уфимский археологический вестник. 2021. Т. 21. № 1. С. 160–168. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2021.21.1.014>.

17. *Савельев Н.С.* О культурной атрибуции могильника Филипповка // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Вып. III / Отв. ред. А.А. Тишкин. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. С. 192–197.

К вопросу о символизации предметов инвентаря
в позднеаланских катакомбных захоронениях
Центрального Предкавказья
Савенко С.Н.

*ГБУК СК «Пятигорский краеведческий музей»,
Пятигорск, sovos57@mail.ru*

Погребальный обряд носителей аланской культуры Северного Кавказа как сложный социально-идеологический комплекс воззрений и традиционных практических действий зафиксирован в археологическом выражении к настоящему времени на достаточно представительных в количественно-качественном отношении материалах катакомбных захоронений могильников региона, как для всего периода существования культурного феномена с первых веков нашей эры до XIII – XIV вв., включительно, так и для позднего этапа его, связываемого исследователями с 3-мя – 4-мя столетиями первой половины II тыс. н.э.[1; 2; 3]. Причем, накопленная с середины XX столетия и неоднократно с того периода анализируемая источниковая база центральных районов Северного Кавказа (Северная Осетия, Чечня, Балкария, Кавминводы) в последние годы расширена за счет введения в научный оборот вновь раскопанных или обстоятельно опубликованных более ранних по времени выявления погребальных комплексов Змейского и Даргавского могильников в Северной Осетии-Алании [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Указанные позднеаланские материалы в разной мере подвергались уже и продолжают подвергаться рассмотрению с позиций реконструкции и осмысления элементов погребальной обрядности в работах В.А. Кузнецова, С.С. Куссаевой. А.П. Рунича, В.Б. Виноградова, Х.М. Мамаева, Р.Ф. Фидарова, Р.С. Сосранова, С.Н. Савенко, З.Х.-М. Албеговой, П.С. Вознесенского, М.А. Бакушева, А.С. Леонтьевой и др. На позднеаланских могильниках давно уже установлено и общепризнанно преобладание или широкое распространение катакомбного типа погребальных сооружений различных вариаций (однокамерные; многокамерные; с захоронениями только в камерах, погребениями в камерах и входных ямах – дромсах

в их заполнении или в дне; с положением умерших в камерах и дополнительных конструкциях – подбоях; с погребенными в дромосах без камер в заполнении, дне или в подбоях и комбинации указанных вариантов). Помимо катакомб, на тех же могильных полях встречаются самостоятельные грунтовые ямные погребения (на Змейском могильнике по последним общим подсчетам А.С. Леонтьевой всех раскопанных комплексов вскрыто 610 катакомб, 724 некатакомбных погребения и 41 конское захоронение, т.е. их теперь более половины [11], а на других случаи подобных захоронений значительно более редки) и еще реже или единично – подбой и гробницы иных конструктивных типов (склепообразные сооружения).

Следует отметить, что с западным вариантом аланской культуры связывались и наскальные захоронения, прежде всего, камерного типа, а также в скальных гротах, нишах и склепообразных с лазами и без них каменных пристройках к естественным скальным стенам [3 с. 28-30]. В ряде могильников этой категории также встречаются поздние материалы X-XI и, возможно XII в. н. э. Но в данной работе мы сосредотачиваемся на более полноценных по степени закрытости и сохранности археологически фиксируемых обрядовых деталей комплексах подземных катакомбных захоронений, которые являются одним из ключевых элементов аланской культуры и признаны таковыми большинством профессиональных ученых и специалистов. Понятно, что и это относительно ограниченное источниковое поле непомерно широко и объемно для сколько-нибудь детального его рассмотрения в рамках одного доклада и статьи. Поэтому здесь представляется один из, редко пока затрагиваемых и анализируемых в работах коллег, аспект особенностей погребальной обрядности захоронений в позднеаланских катакомбах, выражающихся в помещении в погребения неполных (части, фрагменты, осколки) или функционально неполноценных (по, материалу изготовления, размерам, весу, качеству - брак и т.п.) предметов, а также замена одних предметов другими, обычно меньшей ценности и редкости.

Публикаций специалистов на собственно аланских материалах позднего этапа, в которых обращалось внимание на подобные указанным факты особого состояния предметов инвентаря, и предпринимались попытки их интерпретации, было и остаются единицы. Причем речь не идет о тех изделиях из дерева, тканей, стекла, металлов и т.п., для которых установлена фрагментарность, приобретенная в результате естественного разрушения.

Вряд ли я буду неточным, если скажу, что именно мне довелось в начале-середине 1980-х гг., чуть ли не впервые, осмысливать наличие в позднеаланских захоронениях не полных сабель, а отдельных фрагментов их или деталей ножен или наверший рукоятей, нахождение единичных наконечников стрел и (или) колчанных скоб или крюков без иных признаков колчанов в комплексах, обратить внимание на малые размеры и чрезмерную легковесность большей части поздних секир и тесел в сравнении с более ранними образцами VIII-IX вв. н.э., частое нахождение в погребениях не целых ножей, ножниц, а их фрагментов и др. Это делалось в плане работы над проблемами социальной интерпретации аланского погребального обряда, а толчком послужил доклад А.А. Иерусалимской об особенностях погребального культа и некоторых верований адыго-аланских племен Верхнего Прикубанья по материалам скального могильника Мошечья Балка, прозвучавший на X-х «Крупновских чтениях» в Москве в 1980-м году. В нем Анна Александровна обнародовала сведения о положении вместо тесел лишь деревянных рукоятей от них, замене лука и стрел деревянными древками со снятыми наконечниками, железных ножей и кинжалов – деревянными ножами и иные проявления замены целых предметов частями или имитационным воспроизведением отдельных предметов. И все явления она определила как показатели «процесса символизации погребального инвентаря» [12 с. 54-55].

Подобные факты учитывались и анализировались мной при подготовке и написании кандидатской диссертации по теме: «Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X-XII вв. н.э.», защищенной в 1989 г. и послужившей основой для значительно более поздней по времени издания (2017 г.) монографии. Тогда были обобщены сведения о целой группе изделий различной функциональной «прижизненной» направленности (предметы вооружения, быта, производственного назначения и др.), которые могли попадать в погребения в уже поломанном состоянии (помимо естественно разрушившихся), либо в виде части предмета. Это касалось ряда видов оружия, ножей, ножниц, зеркал, стеклянных сосудов и некоторых других вещей. Так, в доступных тогда для анализа 250 индивидуальных комплексах Змейского могильника выделялась группа, как мужских, так и женских по составу инвентаря захоронений, в которых целые предметы вооружения и быта были заменены фрагментами или деталями. В 7-ми катакомбах вместо сабель были положены только

детали ножен, в 17-ти случаях возле костяков находились только дужки или скобы от колчанов. без других деталей данных предметов и наконечников стрел; из 61-й учтенной секиры 28 были во фрагментах. В женских и условно «женских», как и в «мужских» (с предметами вооружения) наборах нередко находились фрагменты железных ножей и ножниц, лишь редко в одном комплексе вместе с целыми экземплярами. Учтено тогда было 83 ножа (около половины всех экземпляров) и 27 ножниц во фрагментах. Причем нередко в этих случаях предметы не являлись полными, а представлялись только частями.

В могильнике Кольцо-Гора №1 (всего тогда анализировалось 164 индивидуальных комплекса) нередко встречаются фрагментированные клинки сабель, в катакомбах №№ 7 и 21 выявлены древки стрел без железных наконечников. В погребениях этого некрополя также достаточно часты случаи положения фрагментов ножей, секир, тесел. Так, в комплексах раскопанных погребений были 17 фрагментированных ножей, тесел – 8, секир – 3, зеркал – 2. Фрагменты ножен вместо сабель отмечены и на Рим-Горе [3 с. 136-137].

Интересный редкий обрядовый элемент был четко зафиксирован тогда в одной из поздних катакомб (№27) могильника Мартан-Чу № 1 в Чечне. Это положение в погребение фрагмента кольчужного плетения из нескольких колец [13 с. 12-15; рис.7, 17]. Такие находки, также не часто, но встречаются в более ранних погребальных комплексах в катакомбах и скальных захоронениях. Несмотря на то, что большая часть инвентарного набора состояла из «женских» предметов (бусы, перстни, браслеты, подвеска, копоушка), в могиле вместе с индивидуальным вытянутым костяком была также и пара «метательных» железных ножей в одних ножнах, и предмет, похожий на деталь крепления колчана. Логично и в таких случаях предполагать возможность символизации целого воинского доспеха.

В настоящее время количество подобных, приведенным выше фактов можно существенно расширить. Так, в опубликованных М.А. Бакушевым и А.С. Леонтьевой 117 катакомбах Змейского могильника выявлены следующие ситуации: в катакомбе 21 был только железный наконечник ножен при отсутствии сабли [8, т. II, с. 124; рис. 120, 3]. Отдельные колчанские скобы встречены в катакомбах 4, 21 и 61, [8, т. II, с. 89, рис. 85, 9; с. 124, рис. 120, 4, 22; с. 222, рис. 218, 3, 19]. Интересные моменты отмечены в катакомбе 39, где, вместо целого, присутствовал фрагмент редкого поливного сосуда [8, т. II, с. 174, рис. 170, 28] и камера 48, в котором была только крышка стеклянного сосуда

[8, т. II, с. 191, рис. 187, 35]. Кстати, последний случай уже также не единичен. Сходная по форме часть изделия была ранее обнаружена мной в катакомбе 22С могильника Кольцо-Гора № 1 в Кисловодской котловине [3, с. 269, рис. 35, 28]. Помимо указанного, выявляется 5 случаев положения в погребения отдельных фрагментов стеклянных сосудов (раздавленные полные формы не учитываются), 3 фрагмента или фрагментированных металлических зеркал, 19 фрагментированных секирок, 24 ножа, 11 ножниц, 7 случаев нахождения в захоронениях только отдельных фрагментов керамических горшков, частей кувшинов и других сосудов.

Имеются подобные факты и в материалах могильника из раскопок 1981 и 1983 гг. Р.Ф. Фидарова, опубликованным им недавно совместно с Д.Э. Тотаевой и Б.М. Птемировым. Из наиболее интересных случаев нужно указать следующие. В частично разрушенной парной (?) катакомбе 350, наряду с несколькими ножами (один фрагментирован) и двумя секирками, был фрагмент плетения из колец, названный авторами цепочкой [6, с.183-187; табл.7, 23]. Мне же представляется, что это также фрагмент кольчуги. А в катакомбе 363 подобный предмет так и назван авторами публикации – «фрагмент кольчуги – 2 шт.» [6, с. 236-245; табл.35, 28; 37, 28]. Они знают мои работы и, вероятно, поэтому мелкие поздние железные секирки называют «вотивными» [6, с. 248-249, табл. 41, 20; 43, 20; с. 253, табл. 44, 3, 9 и др.]. Имелись в данных материалах относительно редкие фрагментированные ножи, секирки, единичные наконечники стрел, неполные керамические сосуды.

Аналогичные ситуации отмечаются и в Даргавском могильнике, где к позднему периоду относится только часть из более 70-ти раскопанных катакомб. По хронологической шкале, разработанной П.С. Вознесенским и З.Х. Албеговой (Царикаевой), к поздним захоронениям X - середины XIII вв. (периоды VII-IX) относятся катакомбы №№ 1 (отдельные находки), 4,5-усл.,16,20,24,26,39,55,65-70 [10, с. 118-122]. В них встречались фрагментированные ножи, керамические и стеклянные сосуды. Более интересный случай зафиксирован в катакомбе 67, где в достаточно богатой предметах инвентаря были наконечник и скобы от ножен и навершие рукояти без самой сабли [5, с. 183, табл. СXXXIV]. Фрагмент кольчужного плетения был здесь в более ранней катакомбе № 27, отнесенной к концу VII – первой половине VIII в. н.э. [5, с. 109, табл. LVIII, 48; 10, с. 115].

Таким образом, мне представляется, что количество выявленных случаев положения в катакомбные погребения частей предметов вместо

целых и фрагментированных изделий достаточно представительно для того, чтобы попытаться объяснить такие факты особенностями обрядовых действий.

Кроме этого, в нашем распоряжении имеются данные, позволяющие предполагать моделирование некоторых предметов для погребений аланской культуры Центрального Предкавказья X – XIII вв. Это, прежде всего, те же секиры и тесла. Экспериментальное сравнение размеров и веса образцов VIII – IX и X – XII вв. позволило установить существенное отличие поздних образцов данных предметов. Вес отдельных экземпляров, датируемых в пределах X – XII вв. не достигает и 20 граммов (в то время как ранние образцы секир весят 150 – 230 гр.), очень узки отверстия для рукоятей, что явно не соответствует боевым и даже производственным качествам. Они были определены мной как «вотивные», исходя из понимания «вотивных» предметов инвентаря не только как приношения божествам, а как «миниатюрные изображения («копии») людей, животных, растений, предметов и объектов бытового и культового назначения» [14 с. 73]. Оправданным представляется их называть также «символическими» с широким спектром смысловой нагрузки этого термина. Вспомним здесь, к примеру, разработки В.И. Мельник о всем погребальном комплексе как «символической композиции» и его компонентах [15 с. 12-13; 16 с. 45-46].

С символизацией предметов в обряде могут быть связаны и некоторые устойчивые черты в ритуале. Так, в определенной мере распространенной чертой в средневековых катакомбных захоронениях является нетипичное помещение железных ножей у черепа или плечевого пояса. Иногда вместе с ножами находились пряжки от пояса. Подобные обрядовые элементы ранее выявлялись мной: в Змейском могильнике – 15 случаев, в Марган-Чу № 1 – 2 случая и другие. В качестве одного из возможных вариантов объяснения подобной повторяющейся практики мною было предположено, что ножи у плеча могли символизировать предметы вооружения, которые часто клались возле рук и плеч погребенных [3, с. 136-137]. Имеются и другие ранее не учтенные подобные случаи.

К обозначенным выше обрядовым моментам исследователями применялись различные варианты интерпретаций. Достаточно известны оценки деформации и поломки различных вещей перед погребением с позиций ритуального содержания. В научной литературе высказано несколько точек зрения по поводу представлений, с которыми могли быть связаны обряды порчи предметов погребального инвентаря.

Распространено мнение, что представители древних и средневековых сообществ евразийских степей и контактных с ними территорий преимущественно тюркского этнокультурного мира опасались умерших сородичей и думали, что, будучи «вооруженными» они могли причинить зло живым. При таких воззрениях порча и поломка в первую очередь оружия могла иметь защитную функцию. Об этом немало писали, особенно авторитетные исследователи сибирских древностей, включая специалистов по оружию. Достаточным представляется сослаться на хорошо известные ранние работы, касающиеся данной темы [17, с. 239; 18, с. 67].

Иной смысл вкладывают в порчу оружия и иных предметов авторы, предполагающие, что она представляла собой процедуру ритуального «убийства» предметов, включая оружие, призванную обеспечить проникновение материальных атрибутов умершего вместе с ним в потусторонний мир [19, с. 49].

С.В. Кисилев, интерпретировавший факты редкого распространения и отсутствия предметов вооружения в древних могилах, а также случаи замены полноценных изделий на вотивные копии или модели, допустил существование ритуального запрета на помещение настоящих образцов вооружения в связи со страхом перед умершими [17, с. 239]. Но, к примеру, в бассейне Амура в чжурчженскую эпоху в могилы стали часто класть модели не только оружия, но и других вещей из бумаги, ткани, дерева [20, с. 144].

В наших материалах факты ритуальной порчи оружия практически не диагностируются. Но имеет место замена полных образцов вооружения частями или элементами, миниатюрными изделиями, утратившими функциональные качества. В этом просматривается не ритуальное или не только ритуальное объяснение.

Я предположил ранее и продолжаю исходить из возможности более реального утилитарного объяснения положения поломанных изделий в погребении при учете сложного синкретического (с переплетением утилитарных и ритуальных представлений в оценках одних и тех же предметов и явлений) мышления древних людей, сохранившегося и в средневековья. Широкое в территориально-хронологическом отношении поле аналогий периода раннего и развитого средневековья указывает на то, что в Предкавказье, как и в других районах Европы и Азии в погребальной обрядности, на ряду с традиционными культовыми воззрениями, мог отражаться рациональный подход. Целесообразно здесь вспомнить и поставленную

вот уже более 40 лет назад Е.Н. Черных важную проблему проявлений рационального и иррационального в археологической культуре, включая погребальный обряд [21, с. 8-20].

Тенденции «рационализации» в инвентарном комплексе остаются пока слабо изученной темой на материалах аланской археологической культуры. При этом, информацию, иллюстрирующую тенденции осознания иррациональности затрат на погребальный обряд, содержит еще ранняя античная традиция. Стадия, при которой все или почти все личное имущество погребенного отправлялось с ним в потусторонний мир, вероятно, существовала в развитии различных кавказских народов. Об этом говорит, например, свидетельство Страбона (I в. н.э.) об обрядах кавказских албанцев. Он подчеркивал, что «... вместе с покойником погребают и все его имущество, и поэтому живут в бедности, лишённые отцовского достояния» (Страбон, XI, 4, 8). Однако в более развитых обществах в период распада первобытнообщинных отношений и оформления классового общества рациональные соображения все более утверждаются и содействуют преодолению полной подчиненности культу. Подтверждением этого также являются, привлеченные Е.Н. Черных, законы против излишеств в погребальных ритуалах, приняты в V-IV вв. до н.э. в греческих полисах Клисфеном и Деметрием Фалерским [21, с. 17].

Рациональный подход, по всей вероятности, содержался и в практике создания моделей реальных предметов из недорогих материалов. Настоящие же предметы могли в этом случае оставаться в пользовании живых. Широкое же распространения положения в могилы фрагментированных предметов или их частей могло объясняться тем, что в погребениях менее состоятельных и социально-принижённых представителей средневековых общественных коллективов попадали испорченные предметы, негодные для реальной жизни. Это, конечно, не отрицает и иных представлений поздних алан и поломанные изделия могли мыслиться не как предметы, а как материал, к примеру – железо, считаемое на Кавказе с древности и в средневековье [См., например: 22, с. 47-48].

Все приведенное выше говорит о том, что идеологические представления ранне-средневекового центрально-предкавказского населения не ограничивались только религиозными воззрениями и комплексами ритуальных практик, а включали в себя и элементы рационального мышления. Рационализация компонентов погребальных обрядов возникла на определенном уровне социального развития

древних коллективов, и сама по себе может являться источником по изучению эволюции идеологических представлений и социальных изменений. С рациональным отношением к обряду погребения вторичного порядка было определенным образом связано и распространение ограбления могил соседями и даже родственниками погребенных во время функционирования кладбищ. Но это широкая и сложная тема требует, как известно, специального глубокого исследования [23, с. 7-14].

Рассмотренные археологически засвидетельствованные детали позднеаланского погребального обряда нуждаются в дальнейшем более обстоятельном и тщательном изучении на широких добротном зафиксированных материалах с целью их апробации, подтверждения или уточнения. Но представляется, что проведенный анализ способен быть полезными и оказать помощь специалистами, которые продолжают разработки в данном направлении.

Литература

1. *Кузнецов В.А.* К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА. 1959. № 2. С. 97 – 118.
2. *Кузнецов В.А.* Змейские аланы. Погребальный обряд и религия. Владикавказ: Издательско-полиграфическое объединение им. В.А. Гассиева, 2019. 96с.
3. *Савенко С.Н.* Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных могильников X-XII вв. н.э. Археология евразийских степей. Приложение к журналу. Вып. 24. Пятигорск-Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2017. 384 с.
4. *Дзаттиаты Р.Г.* Снаряжение коня и всадника (по материалам Даргавского катакомбного могильника). Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2010. 240с.
5. *Дзаттиаты Р.Г.* Аланские древности Даргавса. Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2014. 124с.
6. *Фидаров Р.Ф., Тотаева Д.Э.* Материалы раскопок Змейского катакомбного могильника в 2001 г. // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Вып. 1. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2019. С.173-264.
7. *Березин Я.Б., Рунич А.П.* Раннесредневековый могильник Кольцо-Гора на окраине г. Кисловодска (по материалам 1950-х – 1980-х гг.) //

Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Вып. 1. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2019. С. 129-172.

8. *Бакушев М.А., Леонтьева А.С.* Змейский катакомбный могильник. Материала раскопок 2013-2014 гг. Т. I. М.: ИА РАН, 2020. 406с.; Т. II. Иллюстрации. М.: ИА РАН, 2020. 432 с.

9. *Фидаров Р.Ф., Бтемиров Т.М.* Раскопки Змейского катакомбного могильника X-XIV вв. в Кировском районе в 2003 г. // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Вып. 2. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В.А. Гассиева, 2021. С. 91-160.

10. *Успенский П.С., Албегова (Царикаева) З.Х.* Древности Центрального Кавказа VII–XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). М.: ИА РАН, 2021. 370 с.

11. *Леонтьева А.С.* Планиграфия Змейского могильника (предварительное сообщение) // в печати.

12. *Иерусалимская А.А.* Особенности погребального культа и некоторых верований адыго-аланских племен (по материалам могильника Мошечая Балка VIII-IX вв.) // Тезисы X Крупновских чтений. М.: ИА АН СССР, 1980. С. 54-56.

13. *Виноградов В.Б., Мамаев Х.М.* Марган-Чуйский I-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977–1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии / Отв. ред. Б.В. Виноградов. Грозный: ЧИНИИСФ, 1985. С. 5 – 27.

14. *Смирнов Ю.А.* Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. Исследования, тексты словарь. М.: «Восточная литература» РАН, 1997. 279 с.

15. *Мельник В.И.* Символика элементов погребальной обрядности // Теоретические и методические подходы к изучению погребального обряда в современной археологии. Тезисы докладов всероссийской научной конференции / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С.12-13.

16. *Мельник В.И.* Погребальный комплекс как символическая композиция // Археология погребений: современные теоретические и методические подходы. Тезисы докладов всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти Владимира Ивановича Гуляева / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2022. С. 45-46.

17. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири (МИА. № 9). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с.

18. *Вадецкая Э.Б.* Модели оружия таштыкской эпохи // Военное дело древнего населения Северной Азии / Отв. ред. В.Е. Медведев. Новосибирск: Наука, 1987. С. 67-75.

19. *Худяков Ю.С.* Вооружение кочевников Южной Сибири и Центральной Азии в эпоху развитого средневековья. Новосибирск: Наука, 1986. 369 с.

20. *Деревянко Е.И.* Очерки военного дела племен Приамурья. Новосибирск: Наука, 1987. 224с.

21. *Черных Е.Н.* Проявления рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы) // СА. 1982. № 4. С. 8-20.

22. *Кадиева А.А., Демиденко С.В., Шаов А.Р.* Средневековое детское погребение со стрелами из могильника Заюково – 3 // Кавказология. 2018. № 2. С. 41-50.

23. *Яценко С.А., Килуновская М.Е.* Нарушенные погребения: проблемы изучения // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Т. 46. СПб.: ИИМК РАН; Невская книжная типография, 2016. С. 7-14.

Новые находки атипичных предметов в составе погребального инвентаря поздне-скифского времени Тувы: результат конвергентного развития или следы межкультурных контактов

Семенов А.В.¹

*Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург, blaze85@inbox.ru*

Тувинская археологическая экспедиция ИИМК РАН ежегодно проводит исследования в различных районах республики Тыва. В Чаа-Хольском кожууне (районе) работы экспедиции сосредоточены в основном в зоне водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС, где в 2023 г. был исследован курган 1 на могильнике Ыттыг-Аттыг-Ала-Тей 1. Летом 2021 г. проводились раскопки в Дзун-Хемчикском районе, вдоль автомобильной трассы Кызыл-Хандагайты, на могильнике Хондергей 22 (курганы 1 и 2). Исследуемые комплексы относятся к позднескифскому времени (III-II вв. до н.э.), которому соответствует озен-ала-белигский этап уюкско-саглынской культуры. Предметы сопроводительного инвентаря, полученные при раскопках, включают вещи совершенно нетипичные для захоронений данного периода и не имеющие аналогий на территории Тувы. Исследование этих находок поможет установить маршруты межкультурных коммуникаций на завершающем этапе скифского времени.

Для озен-ала-белигского этапа выделяется несколько типов надмогильных и внутримогильных погребальных сооружений [1], а также очень характерный набор погребального инвентаря. В первую очередь на этом этапе в могилах появляется керамика, представленная сосудами вазовидной и баночной форм, а также новый тип пояса, представленный определенными аксессуарами – пряжками с неподвижным язычком, костяными пряжками-пластинами, пятиколычатыми бляшками, аргилитовыми пронизками, которые одевались на тонкий кожаный ремешок вместе с раковинами каури,

© Семенов А.В., 2024.

Исследование проведено в рамках выполнения государственного задания «Степные скотоводческие культуры, оседлые земледельцы и городские цивилизации Северной Евразии и энеолите – позднем железном веке (источники взаимодействия, хронология)» (FMZF-2022-014).

различными костяными и бронзовыми подвесками. В это время наряду с бронзовым оружием появляется много железного, изменяются типы наконечников стрел, присутствует много предметов, украшенных в характерном скифо-сибирском зверином стиле. В тоже время появляются вещи, которые затем имеют широкое распространение в памятниках сюнну [2 с. 101-102].

Могильник Хондергей 22 состоит из нескольких десятков сравнительно крупных курганных насыпей диаметром до 20 м при высоте до 1,5 м, в центрах насыпей хорошо видимы глубокие западины. Погребения в курганах 1 и 2 в древности были подвержены ограблению, курган 2, возможно, благодаря большой глубине могильной ямы - около 4 м, был разграблен в меньшей степени. В срубе обнаружены останки восьми индивидов - частично скелеты были перемещены при ограблении или повторном захоронении. Непотревоженные скелеты располагались вдоль северо-западной стены сруба, с подогнутыми ногами, головами на СЗ. В погребальной камере кургана 2 было обнаружено множество предметов сопроводительного инвентаря, зафиксированных по большей части, *in situ* [3 с. 159]. В данной статье я хотел бы сосредоточить внимание на двух керамических сосудах из этого погребения. Первый сосуд (рис. 1, 1) сравнительно крупный, он имеет ширину 27,5 см, высоту около 35 см, вазовидную форму, шейка узкая, удлиненная, слегка расширяется кверху, что соответствует третьему варианту первой группы сосудов по типологии Вл.А Семенова, выделенной для керамики озен-ала-белигского этапа [4 с. 73]. Дно и часть стенок утрачены. Основание горла и венчик украшены налепным орнаментом, имитирующим шнур, само горло орнаментировано вертикальными лощёными линиями. При этом на тулове горшка с двух сторон имеются круглые уплощения, выполненные так же, как формируется обычно донца сосудов - переходы от стенок к этим уплощениям гладкие, без выступов или орнамента. При обжиге, а возможно - и в процессе лепки сосуд был несколько деформирован, из-за чего горловина отклоняется от геометрического центра, однако данная асимметрия, возможно, введена намеренно, так как форма сосуда имитирует кожаную флягу. На территории Тувы подобных керамических сосудов обнаружено не было.

Второй сосуд (рис 1, 2) несколько меньше, его высота 27 см, тулово имеет ярко выраженную бочёнковидную форму, его ширина 20,5x26 см, с боков имеются круглые уплощения, дно небольшое, переход к стенкам от дна и уплощений гладкий. Горло высокое,

расположено посередине, немного искривлено, венчик прямой, слегка закругленный, с налепным шнуровидным валиком чуть ниже горла. Шейка сосуда таким образом напоминает горшки первого варианта второй группы сосудов по типологии Вл.А. Семенова [4 с. 73]. Тулово горшка украшено налепным спиралевидным орнаментом, сходным с таковым на большинстве озен-ала-белигских горшков, орнамент покрывает почти всё тулово сосуда.

Другая находка подобного плана была сделана позже, в 2023 г. на могильнике Ыттыг-Аттыг-Ала-Тей 1. Он представляет собой цепочку из курганов и грунтовых западин, вытянутую в направлении СЗ-ЮВ у подножия невысоких холмов на краю долины Улуг-Хема (Енисея). Нами был исследован крайний с северной стороны объект № 1, изначально представлявший собой скопление камней, которое мы приняли за разрушенный склеп, подобные которому были нами раскопаны в 2010 г. При зачистке было выявлено пятно прокаленного слоя, под которым обнаружилось погребение в срубе, содержащее останки восьми человек - семи взрослых и ребенка, оно было не разграблено, керамические сосуды и другие предметы инвентаря остались на месте. Керамика включает сосуды различных форм, горшки и банки в целом характерные для озен-ала-белигского этапа.

Выделяется один сосуд (рис 1, 3), имеющий форму горизонтально лежащего бочонка цилиндрической формы с выделенными выступами на торцах и расположенным посередине горлом, выделенного дна нет, тулово немного расширяется к середине. Его высота 16 см, ширина тулова 11х13,5 см, ширина горла 8 см, диаметр торцов 11,5 см. Шейка расширяется кверху, венчик закругленный, слегка отогнутый, под венчиком орнамент в виде семи горизонтальных прочерченных линий. Шейка сосуда таким образом напоминает горшки первого варианта первой группы сосудов по типологии Вл.А Семенова [4 с. 73]. Торцы «бочонка» широкие, немного уплощенные снизу, так что сосуд может относительно устойчиво сохранять вертикальное положение. На торцах нанесён прочерченный по сырой глине орнамент в виде круга включающего многочисленные вложенные друг в друга треугольники, расположенные вершинами к центру круга. Подобный стиль геометрического орнамента мы можем наблюдать на керамическом чайнике из могильника Суглуг-Хем 2, в росписи которого применяются косые и горизонтальные черты, а также треугольники. Как отмечает Вл.А. Семенов подобные приемы использовались в расписной посуде из Восточного Туркестана [4 с. 75].

Рассматривая аналогии бочёнковидным сосудам из Хондергея и Ыттыг-Аттыг-Ала-Тея нам следует обратить внимание на сопредельные районы Монголии, а также - на расположенные к западу от Тувы территории Горного Алтая и Верхнего Приобья. Данное направление, по всей видимости, было одним из основных маршрутов, по которым осуществлялись контакты населения Тувы с внешним миром. Об этом свидетельствуют многочисленные аналогии среди изделий из бронзы уюкско-саглынской культуры Тувы, большереченской и каменской культур в Приобье [5; 3 с.271-272], сходные формы и орнаментация керамических сосудов, бытующих в этих регионах практически синхронно, как например, расписной керамики, присутствующей в позднее-скифских захоронениях в Туве, и весьма распространенной на Алтае [2 с. 106].

Ближайшей хронологической и территориальной аналогией сосуду №1 их Хондергея 22-2, является находка из могильника Улангом в Монголии (рис. 2, 1), где присутствуют захоронения, созданные по уюкско-саглынской традиции [4 с. 189, табл. 101, рис 27]. Этот горшок отличается более грубо выполненной прямой шейкой без орнамента, но имеет такие же круглые уплощения на тулове, дополнительно выделенные шнуrowидной налепной линией, такая же линия отходит от торцов, поднимаясь к горловине, и как бы имитирует шов на кожаной фляге, несколько смещённая вбок горловина добавляет ощущение изделия из кожи. Этот сосуд является уникальной находкой для своего региона, однако подобный приём - имитация на керамике «швов» как на изделиях из кожи - является достаточно распространенным в лесостепном Приобье и часто фиксируется на изделиях большереченской культуры [6 с. 60-62, 101-103, 169-170, рис. 6, 28, табл. 39-40].

Бочёнковидные сосуды, как отмечает П.И. Шульга [7] известны в виде отдельных находок на Алтае, но значительно шире представлены на Верхней Оби. Однако, находки с территории Алтая древнее: так, в захоронении первой половины VI в. до н. э. на могильнике Балык-Соок-1 в кург. 27 был найден подобный сосуд [7 с. 73, 234 рис. 21. - 22]. Он похож на бочонок из БАТ-1/1, но крупнее по размеру, у него отсутствуют выделенные орнаментированные торцы, но невысокая горловина с отогнутым венчиком расположенная по центру сближает его с нашей находкой (рис. 2, 2). Другой бочёнковидный сосуд с территории Горного Алтая был найден в гораздо более позднем захоронении булан-кобинской культуры хуннского времени [7 с. 322,

рис. 103). Впрочем, он имеет очень широкое горло, а само тулово скорее квадратное в плане и какие-либо орнаменты на нём отсутствуют (рис. 2, 3).

Значительно большее количество подобных сосудов происходят из захоронений каменской и большереченской культур, например - из могильника Фирсово-11 [8 с. 360, рис. 129, 4]; тулово и горло его по форме идентичны находке из Хондергея, но вместо спирального орнамента, украшающего тулово, здесь он имеет вид рядов косых черточек и изломанных линий расположен на шейке (рис. 2, 4). Керамика из Приобья достаточно часто несёт орнамент схожий с орнаментацией чайника из Суглуг-Хема 2 и «бочонка» из БИАТ-1 [8 с. 299, рис. 68-4; с. 379, рис. 148-5-10].

Бочонковидные сосуды распространены по всему ареалу бытования каменской культуры - Быстровка-1 Леонтьевка, Раздумье-4, Зайцево-1, Камень-2, Масляха-1 [6 с. 169-170, табл. 39, 18; табл. 40, 10, 12]. На территории Алтайского края один бочонковидный сосуд найден в северных предгорьях в ареале быстрянской культуры (раскопки М.Т. Абдулганеева) [7 с. 73]. Отметим, что большинство перечисленных сосудов с территории Приобья по форме близки сосуду № 2 из могильника Хондергей 22, тулова имеют немного овальную в плане форму, а торцы «бочонков» никак не выделены (рис. 2, 5). При этом, приведённые аналогии практически лишены орнамента, хотя налепной орнамент в виде спиралей достаточно часто встречается на вазовидных горшках с Алтая и с территории Приобья. Прямыми аналогиями сосуду 2 из Хондергея являются сосуды таштыкской культуры (рис. 2, 6) с территории Хакасии. Однако эта культура бытует значительно позднее, и каких-то других связей в плане погребального инвентаря либо особенностей погребального обряда между озен-ала-белигскими и таштыкскими захоронениями пока что не выявлено.

Предметов, аналогичных находке из БИАТ-1 среди приведённых нами примеров нет. Сосуды в виде бочонка с узким горлом посередине и ободками-утолщениями по бокам, выделяющими торцы известны на территории Хакасии и Тувы в комплексах кокзельской и таштыкской культур, в основном в виде изделий из дерева (рис. 2, 7; 2, 8) [9 с. 433, табл. 83, 1; с. 449, табл. 99, 17; 10 табл. 4, 72; 11 рис. 22, 15, табл. 51]. Ряд исследователей полагает, что утолщения в виде двух ободков по бокам сосудов имитируют швы, а сами бочонки являются моделями кожаных бурдюков, подобных ташаурам современных алтайцев, или

флягам-когержик у тувинцев [7 с. 74]. Примеры подобных изделий в быту тувинцев и хакасов приводит С.И. Вайнштейн [12 рис. 60, 2-4]. Некоторое время находка из ЫАТ-1 представлялась нам совершенно уникальной, однако последние публикации позволяют установить достаточно близкие аналогии. Неожиданные они появились на Северном Кавказе: это золотые подвески, обнаруженные в кургане на берегу р. Зеленчук в 1900 г., которые С.В. Воронятов рассматривает в связи с керамическими сосудами [13 с. 139-142]. Они выполнены в виде двух бочонков с пробкой посередине и выделенными ободами на торцах. Вдоль ободков идут шнуры, свитые из золотой проволоки и, видимо, имитирующие шов на коже или орнамент. Вдоль тулова бочонков идёт перекладина, к которой приварены по два желобчатых ушка для подвешивания. Настоящий сосуд, которым, вероятно, вдохновлялся мастер, был обнаружен неподалёку, в хронологически близком комплексе сарматского «Золотого кладбища» в Прикубанье. Этот керамический бочонок весьма напоминает нашу находку из могильника Ыттыг-Аьттыг-Тей, отличаясь наличием ручки сбоку от горловины и ушек в верхней части тулова. При этом форма сосуда и оформление торцов бочонка сходны. Автор приводит ещё один экземпляр бочонковидного сосуда, происходящий из кургана 6/11 I Чертовичского могильника в лесостепном Подонье, и один из погребения периода Хань из Джунгарии, делая вывод о возможном центрально- и среднеазиатском происхождении сосудов такой формы у сарматских племён.

Исследователи сходятся во мнении, что редкость подобных сосудов объясняется тем, что подавляющее их большинство были изготовлены из кожи, дерева либо бересты, и они не сохранились, в отличие от керамических имитаций. Однако происхождение данных предметов остается дискуссионным вопросом. По мнению А.П. Уманского, бочонковидные сосуды каменной культуры близки к керамическим флягам джетыасарской культуры Средней Азии [14 с. 36 - 37, рис. 1, 1], и хотя эти сосуды несколько отличаются по форме, время их бытования - V-III вв. до н.э., что совпадает с датировками могильников каменной культуры Приобья и уюкско-саглынской - в Туве [9 с. 62, 67;). Различные варианты керамических фляг встречаются на территории Семиречья и Ферганы (рис. 2, 9). Один бочонковидный сосуд известен в бассейне р. Или в Синьцзяне [15 с. 204, рис. 58, 16], он имеет форму, скорее приближенную к сосуду 2 из Хондергея и

керамике каменной культуры (рис 2, 10). Интересно обнаружение там же, в бассейне Или, бронзовой пряжки в форме головы козерога, практически идентичной нашей находке из Хондергея.

Очевидно, что подобные сосуды, хоть и являлись редкостью, всё же использовались практически по всей Великой Степи, от Подонья до Синьцзяна и Джунгарии, являясь имитациями фляг из органических материалов, которые, по всей видимости, были распространены ещё в средне-скифское время. Наиболее ранней находкой такого плана пока что остаётся бочонковидный сосуд из Балык-Соока-1, указывающий на существование подобной керамики на Алтае уже в первой половине VI в. до н. э. Как считает П.И. Шульга, из этого нельзя сделать вывод о появлении бочонковидных сосудов в Горном Алтае, так как курганы 21 и 27 из Балык-Соока-1 являются для Алтая инокультурными, и более близки «некоторым раннескифским с левобережья Оби» [7].

Таким образом, Приобье вероятно, является центром происхождения сосудов данной формы, которые затем бытуют в каменной культуре и распространяются вдоль торговых путей в другие, населенные кочевниками регионы. Связи с Тувой, скорее всего, осуществлялись через сопредельные районы северо-западной Монголии. Здесь пока что исследовано чрезвычайно мало памятников, за исключением могильника Улангом, где, помимо характерного фляговидного сосуда, присутствуют все компоненты поздней уюкско-саглынской культуры. Видимо, здесь проходили пути далее на запад, через Алтай в Семиречье или Западную Сибирь, по которым осуществлялись непрерывные контакты, отражение которых мы видим в погребальном инвентаре всего центральноазиатского региона в V-III вв. до н.э.

Литература

1. Семенов А.В. Погребальные сооружения озен-ала-белигского этапа уюкско-саглынской культуры (III–II вв. до н. э.) // Археологические вести. 2023. Вып. 40. С. 69-84.

2. Семенов Вл.А. Усуни на севере Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. 3 (43). Новосибирск: ИАиЭ СО РАН, 2010. С. 99-110.

3. Килуновская М. Е., Альборова И. А., Бусова В. С., Семенов Вл. А., Мустафин Х. Х., Учанева Е. Н. Памятники середины I тысячелетия до н. э. в урочище Эки-Оттуг (Центральная Тува): от типологии и хронологии к антропологии и генетике // Археологические вести. 2023. Вып. 40. С. 245-273

4. Семенов В.А. Суглуг-Хем и Хайрыкан - могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. СПб: Петербургское Востоковедение, 2003. 240 с.

5. Килуновская М.Е., Фролов Я.В. Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда / Отв. ред. С.А. Яценко, Е.В. Куприянова. М.: РГГУ, 2020. С.125-138.

6. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

7. Шульга П.И. Скотоводы Горного Алтая в скифское время (по материалам поселений) Новосибирск: НГУ, 2015. 336 с.

8. Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в до н.э. - II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 480 с.

9. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. 494 с.

10. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. — V в. н.э.). М.: МГУ, 1960. 198 с.

11. Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб: «Петербургское востоковедение». 1999. 440 с.

12. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: 1991. 296 с.

13. Воронятов С.В. Некоторые замечания о находках из кургана, раскопанного Н.И. Петриком в 1900 году // Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н.И. Веселовского к современной науке / Отв. ред. М.Т. Кашуба и др. СПб.: ИИМК РАН, 2024. С. 139-142.

14. Уманский А.П. К вопросу о культурном взаимодействии горных и лесостепных племён Алтая в эпоху раннего железа. // Проблемы истории Горного Алтая / Отв. ред. Ф.А. Сатлаев. Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ. 1987. С. 35-54

15. Шульга П.И. Синьзьян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГУ, 2010. 238 с.

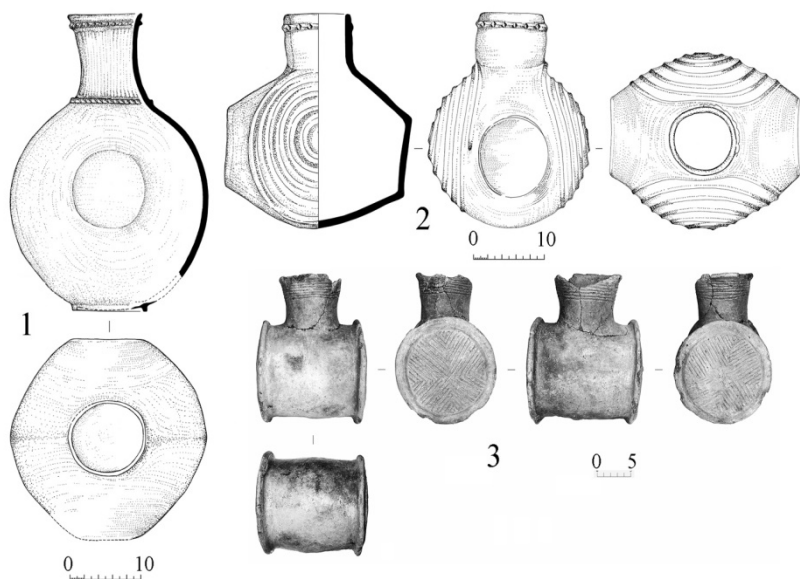


Рис. 1. Керамические сосуды из Тувы. 1 - Хондергей 22-2, сосуд 1; 2 – Хондергей 22-2, сосуд 2; 3 – Ыгтыг-Агтыг-Тей 1, бочёнковидный сосуд.

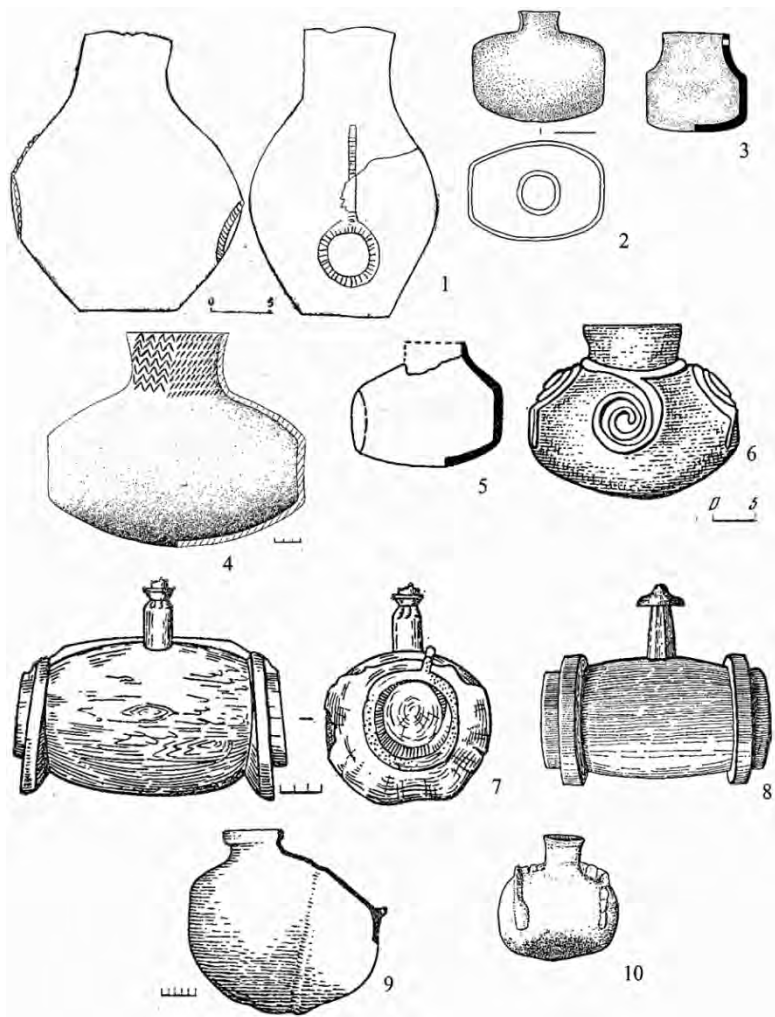


Рис. 2. Параллели и аналогии. 1 – Монголия, Улангом; 2 - Алтай, Балык-Соок 1; 3 - Алтай, булан-кобинская культура; 4 - Приобье, Фирсово 11; 5 – Приобье, Быстровка 1; 6 - Хакасия, таштыкская культура; 7 - Тува, Кокэль; 8 - Хакасия, таштыкская культура; 9 - Фергана, Карабулак; 10 – Синьцзян, бассейн р. Или

Предкавказские, прикубанские и донские параллели в уздечных наборах из курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» в Южном Приуралье¹

Сиротин С.В.

Институт археологии РАН, Москва, sirotinsv70@mail.ru

Богачук Д.С.

Институт археологии РАН, Москва, BogachukDS@iaran.ru

Огороков К.С.

Институт археологии РАН, Москва, okorokov.arx@mail.ru

Одним из важных аспектов культуры кочевников южноуральских степей скифского времени является наличие связей с внешним миром. Кочевые сообщества Южного Урала поддерживали определенные контакты с центрами Древнего Востока, что иллюстрируется наличием в погребальных комплексах целого комплекса вещей ахеменидского круга [1]. Вместе с тем, исследователями неоднократно обращалось внимание и на комплекс вещей, которые имеют аналогии в Предкавказье, Прикубанье, Нижнем и Среднем Дону. Прежде всего, это касается предметов вооружения (мечи синдо-меотского типа), отдельных категорий керамических сосудов и конского снаряжения [2; 3; 4; 5; 6; 7].

Серия предметов, характеризующая западный вектор связей южноуральских номадов была получена при исследовании больших курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» в Южном Приуралье [8].

Могильник «Высокая Могила – Студеникин Мар» расположен на левобережье р. Урал, в том же микрорайоне Урало-Илекского междуречья, где находится известный некрополь кочевой знати Филипповка 1. В могильнике насчитывается пять групп, включающих в свой состав большие курганы (диаметром 30 – 70 м, высотой до 2,5 м, самый большой курган в некрополе имеет диаметр 140 м, высоту более 7 м) и несколько десятков малых и средних курганов (высотой до 1 м). Конструктивно, большие курганы некрополя имеют в своей основе

© Сиротин С.В., Богачук Д.С., Огороков К.С., 2024

погребения дромосного типа, надмогильные деревянные сооружения, подземные ходы и ряд других особенностей, позволяющих отнести их в культурном и хронологическом отношении к памятникам филипповского типа [9].

В составе вещевых наборов, найденных в курганах некрополя, обращают на себя внимание принадлежности конского снаряжения, имеющие параллели в комплексах, расположенных в западных регионах – Предкавказье, Прикубанье, Среднем и Нижнем Дону.

Курган 2 группы 4 «Богатырские могилки». При исследовании восточной половины кургана в погребенной почве был обнаружен жертвенный комплекс – бронзовый ковш, в котором находились принадлежности не менее чем двух уздечных наборов. Были найдены остатки железных удила, псалии, сломанный в древности бронзовый пластинчатый орнаментированный налобник, бронзовые пронизи, зооморфные бляхи и др. Комплекс располагался около входной ямы ритуального подземного хода, устье которого пробивало стенку могильной ямы центрального погребения.

Два уздечных набора были найдены в центральном дромосном погребении на стенке могильной ямы около устья дромоса. Вероятнее всего, данные наборы были подвешены на стенке около входа в погребальную камеру. В состав уздечных наборов входили железные удила, железные и биметаллические псалии, бронзовые пластинчатые налобники, украшения узды и два железных дуговидных предмета (нахрапники).

Курган 1 группы 3 «Студеникин Мар». Уздечный набор, уложенный в качестве жертвенного комплекса был найден к юго-востоку от центра на погребенной почве. В его состав входили железные удила, биметаллические псалии, бронзовый пластинчатый налобник, пронизи, а также бронзовые зооморфные уздечные бляхи.

Курган 3 группы 2 «Межевой Мар». При исследовании кургана были найдены три пластинчатых налобника на погребенной почве у юго-восточного края могильной ямы центрального погребения. Около западного края центральной ямы, на погребенной почве было выявлено впускное погребение, в котором обнаружен железный нахрапник.

Курган 4 группы 2 «Межевой Мар». В западной части околокурганного пространства кургана были найдены уздечные принадлежности, уложенные в качестве жертвенного комплекса. Часть жертвенного комплекса была выпажана на поверхность. Жертвенный комплекс состоял из трех, возможно четырех уздечных комплектов, в

состав которых входили железные удила, железные стержневидные двудырчатые псалии, бронзовые налобники, а также детали уздечной гарнитуры и украшения. Всего в жертвенном комплексе найдено более 50-ти предметов.

В найденных уздечных наборах присутствуют железные удила, разной степени сохранности, но в морфологическом отношении имеющие вполне стандартную форму. Они двучастные, изготовлены из железных стержней с загнутыми в петли окончаниями. Подобные удила широко представлены в кочевнических комплексах степного пояса с VI в. до н.э. и используются в уздечных наборах на протяжении длительного времени.

Железные стержневидные псалии с восьмеркообразными либо ромбическими расширениями и коническими шишечками на окончаниях также имеют многочисленные аналогии в скифских степных комплексах V–IV вв. до н.э. Обращают на себя внимание биметаллические псалии, окончания которых оформлены в виде бронзовых приливов. Псалии с бронзовыми приливами имеются в комплексах Предкавказья, Среднего и Нижнего Дона, лесостепных памятниках скифского времени IV в. до н.э. [10 с. 90-91; 11 с. 56]. Наиболее многочисленная серия железных псалиев, имеющих бронзовые приливы найдена в Прикубанье в уздечных наборах второй половины IV в. до н.э. [10 с. 91]. В.Н. Васильев считает, что применительно к южноуральским комплексам подобные псалии могут выступать в качестве хроноиндикаторов второй половины IV в. до н.э. [12 с. 155].

Примечательными находками являются бронзовые пластинчатые налобники. К настоящему времени они известны в ряде богатых южноуральских комплексах второй половины IV – рубежа IV–III вв. до н.э., таких как Большой Климовский курган, Яковлевка 2, Филипповка 1 [4 с. 224-223].

Налобники из курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» относятся к двум типам. В кургане 2 группы 4 «Богатырские могилки», в кургане 1 группы «Студеникин Мар» найдены налобники в виде узкой удлиненной трапециевидной пластины. Лицевая сторона пластин в верхней и нижней частях орнаментирована (рис 1, 1-2). Типологически к ним примыкает еще один налобник из центрального погребения кургана 2 группы 4 «Богатырские могилки» (рис 1, 3).

Вторая группа налобников представляет собой крупные пластины с вогнутыми длинными сторонами и веерообразно расширенными

окончаниями. Они были найдены в кургане 2 (жертвенный комплекс) (рис 1, 4) и кургане 4 (в грабительском шурфе) (рис 1, 5) группы «Богатырские могилки», кургане 3 группы 2 «Межевой Мар» (рис 2, 4-6).

Следует указать также на находку в насыпи кургана 5 группы 4 «Богатырские могилки» фрагмента бронзовой пластины, являющейся частью налобника. Вполне вероятно, что данный налобник также относится к этому же типу, хотя отсутствие значительной части пластины затрудняет его атрибуцию.

Налобники в виде узких трапециевидных пластин имеют аналогии в Ставрополье [13 рис. 127, 3; 14 рис. 1, 1-2]. В Прикубанье близкий по форме налобник найден в кургане 4 могильника «Семибратние курганы» [14 с. 469]. Определенное сходство с этими налобниками по форме имеет налобник, декорированный в близких традициях «елизаветинского стиля», найденный в составе комплекса 1 узды г. Гюзноса (Абхазия) [10 рис. 10, 8].

Налобники в виде крупных пластин с вогнутыми длинными и веерообразно расширенными окончаниями относятся ко 2 типу пластинчатых налобников из Прикубанья [15]. Группа подобных налобников известна в Центральном Предкавказье [14; 16]. И.И. Марченко и Н.Ю. Лимберис ранее считали, что такие налобники получают распространение во второй половине IV–III в. до н.э. [15]. В настоящее время данные исследователи ограничивают время их бытования в Прикубанье в пределах второй – третьей четверти IV в. до н.э. [17 с. 120]. Ю.А. Прокопенко период появления подобных изделий для Центрального Предкавказья определяет второй половиной IV в. до н.э. и расширяет время их использования до II в. до н.э. [14; 16]. На Южном Урале подобные налобники найдены в Большом Климовском кургане [18 рис. 43, 10-13].

Широкое распространение бронзовых пластинчатых налобников в Прикубанье позволяет рассматривать эту территорию в качестве исходной локации, откуда данная категория вещей, наряду с другими, попадает к южноуральскимномадам.

Обращают на себя внимание железные дуговидные предметы, найденные в составе уздечных наборов в кургане 2 группы «Богатырские могилки» и во впускном погребении кургана 3 группы «Межевой Мар» (рис. 2, 1-3). К настоящему времени известна серия подобных изделий в составе скифских [19 с. 129; 20 с. 243-244; 21 с. 39], а также южноуральских комплексов [5]. Нахрапники, найденные в

центральном погребении кургана 2 группы «Богатырские могилки» наиболее близки к изделиям из могильника Горки I на Среднем Дону и могильника Зимниче в Румынии [22 рис. 5, 18; 19 рис. 1, 3]. В числе аналогий следует отметить находку из центрального погребения кургана у пос. Шолоховский на Нижнем Дону [23 рис. 62, 6], а также находки в слоях IV–III вв. до н.э. лесостепных скифских городищ [19 рис. 6, 2-3]. На Южном Урале подобные предметы встречаются в составе сопроводительного инвентаря кочевой знати и бывали в определенном, относительно непродолжительный период времени, ограниченный второй половиной (вероятнее всего, последней третью) IV – началом III вв. до н.э.

Есть все основания полагать, что данные предметы (так же как и целый ряд других, имеющих прямые аналогии в уздечных наборах Скифии) в составе узды южноуральских номадов появляются под прямым влиянием скифских территорий.

Интересными находками являются бронзовые зооморфные бляхи, найденные в кургане 2 группы 4 «Богатырские могилки» и кургане 1 группы 2 «Студеникин Мар» (рис. 3, 1-2). На Южном Урале подобные бляхи найдены впервые и известны на сегодняшний день только лишь в материалах данного некрополя. Серия подобных блях известна на Среднем и Нижнем Дону, в Прикубанье и в Среднем Поднепровье [24 рис. 11a]. Особого внимания заслуживает комплекс из кургана 10 могильника Горки I на Среднем Дону, где были найдены аналогичные бляхи [22 рис. 4, 10-11]. Дата комплекса определяется античной амфорой и относится к концу третьей четверти IV в. до н. э. [22 с. 43].

Обращает на себя внимание бронзовая бляха в виде профильного изображения длинномордой головы волка с оскаленной пастью из уздечного набора, найденного в кургане 1 группы 3 «Студеникин Мар» (рис. 3, 3). Немногочисленные экземпляры подобных блях известны в южноуральских раннекочевнических комплексах. В.Н. Мышкин подобные бляхи выделяет в особый тип уздечных зооморфных блях, щитки которых оформлены в виде фигуры или части хищного животного [25 с. 59-60].

Бляха, найденная в кургане 1 группы «Студеникин Мар» относится к группе блях, которые на Южном Урале известны в некрополе Филипповка 1 [3 рис. 7 и 8; 26 рис. 57, 12; 27 с. 66, 174]. Бронзовые уздечные бляхи, выполненные в подобной стилистической манере известны в Прикубанье, Центральном Предкавказье, Подонье, Среднем Поднепровье [24 с. 1390, рис. 1-9 и 19]. Показательна бляха из

кургана 1905 г. у с. Аксютинцы [28 табл. XXI, 4]. Комплекс датируется второй половиной IV в. до н.э. [28 с. 79]. Очевидно, бронзовые зооморфные бляхи, рассмотренные выше, а также бляхи с профильным изображением головы волка происходят из Прикубанья, попав на Южный Урал в качестве импортных предметов с западных скифских территорий.

Интересной находкой является бронзовая колесовидная бляха с петлей на обороте (рис. 3, 4) из этого же комплекса. Похожие по форме и стилю бляхи выявлены на Среднем Дону в материалах могильников у с. Русская Тростянка, у с. Терновое, у хут. Дубовой и у с. Мастюгино [20 рис. 15, 18-21]. Помимо этого, стилистически похожая бляха была найдена в кургане № 4 у хут. Сладковский, который датируется второй половиной или концом IV в. до н.э. [29 с. 43; 30 рис. 18, 2]. Известна находка бронзовой бляхи этого типа в кургане 30 у аула Нечерзий [31 табл. 6, 4]. Наличие подобных блях в составе конской узды отмечается в комплексах IV в. до н.э. из Абхазии [11 рис. 11, 4-9]. В.Р. Эрлих, помещая эти предметы в круг вещей меотской традиции, отмечает, что своими первоначальными истоками эти бляхи могут быть связаны с комплексами Закавказья [11 с. 101]. На Южном Урале бляхи такого типа найдены в погребении 5 кургана 12 могильника Переволочан 1 [32 рис. 2, 8] и в одиночном кургане Яковлевка 2 [33 рис. 2, 1] в комплексах второй половины IV – начала III вв. до н.э.

В числе элементов, найденных в составе уздечного набора кургана 1 группы «Студеникин Мар» следует обратить внимание на фрагментированную бронзовую бляху (рис. 3, 5). По стилю исполнения она очень близка к литым бляшкам из нескольких полусфер (первый вариант III типа по Е.И. Савченко), найденных в комплексах IV в. до н.э. могильников Частые курганы, у с. Русская Тростянка и у с. Колбино на Среднем Дону [20 рис. 16, 3-10].

Особый интерес вызывают бронзовые уздечные пронизи из околкурганного пространства кургана 4 группы «Межевой Мар» в виде скульптурного изображения головы хищника (волка) и петлей с тыльной стороны (6 экз.) (рис. 3, 7). Изображение рельефное, детали хорошо проработаны. Голова хищника с характерной, сужающейся к носу мордой и оскаленной пастью с хорошо проработанными треугольными клыками, вертикально торчащими ушами подтреугольной формы. На Южном Урале несколько подобных пронизей в качестве случайных находок происходит из межкурганного пространства некрополя Филипповка 1. Стилистически похожие

пронизи найдены в центральном погребении кургана 1 группы Частые курганы II в Нижнем Подонье [34 рис. 4, 1-4]. Помимо этого, два подобных изделия в качестве случайных находок известны с территории Предкавказья. Предположительно, они найдены в окрестностях с. Аллерой – долине Аксая (приобретение Н. Семенова) [13 рис. 184, 4-5].

В одном из впускных погребений кургана 3 группы «Межевой Мар» найдена крестовидная устрожающая насадка в виде подквадратной пластины с отверстием в центральной части и загнутыми в виде шипов углами (рис. 3, 6). Подобные насадки встречены в комплексах степной Скифии [35 рис. 3 4-12; рис 4, 1-6, 12] и Среднего Подонья [36 рис. 58, 1; 59, 1; 62, 1]. Подобные предметы, имеющие определенные отличительные особенности известны в Прикубанье и Предкавказье в комплексах IV–III вв. до н.э. [13 с. 244]. В Южном Приуралье крестовидные устрожающие насадки найдены в могильниках Шипово, Прохоровка (концы раскованы в виде лопасти) и в межкурганном пространстве недалеко от кургана 1 могильника Филипповка 1 [7 с. 41].

Таким образом, в материалах курганов некрополя «Курганное поле Высокая Могила – Студеникин Мар» в составе уздечных наборов найдена серия предметов, имеющих параллели в материалах Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Подонья, степного и лесостепного Поднепровья. В связи с этим, многие элементы уздечного набора южноуральских кочевников могут рассматриваться в качестве миграционного компонента их материальной культуры. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что практически все предметы конского снаряжения, как отдельные экземпляры, так и уздечные наборы, найдены в статусных комплексах – в могильнике Филипповка 1 и других комплексах филипповского типа (Переволочан 1, Яковлевка 2, Ивановские I курганы и др.). Отдельные немногочисленные элементы, такие как железные стержневидные псалии, железные налобники, устрожающие крестовидные насадки могут встречаться и в относительно небогатых комплексах степи и лесостепи [7]. Часть предметов, имеющие аналогии в западных комплексах имеет относительно широкие рамки бытования (железные удила, отдельные типы псалий), однако значительное количество вещей укладывается в диапазон середины IV – начала III вв. до н.э. Именно в этот относительно узкий хронологический период на Южный Урал

поступает основная часть импортных предметов из скифских и меотских территорий.

Литература

1. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I-II / Отв. ред. М.Т. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. Т. I. 671 с.; Т II. 468 с.

2. *Мещеряков Д.В., Яблонский Л.Т.* О некоторых кавказских импортах в памятниках раннесарматского времени Южного Приуралья // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сборник памяти М.П. Абрамовой / Отв. ред. В.И. Козенкова, В.Ю. Малашев. М.: ТАУС, 2007. С. 357-368.

3. *Канторович А.Р., Яблонский Л.Т.* О северопричерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. 2009. № 10. С. 73-99.

4. *Сиротин С.В.* Об одной группе пластинчатых налобников в уздечных наборах ранних кочевников Южного Урала // Крым в сарматскую эпоху (III в. до н.э. – V в. н.э.). V. Материалы X международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь: ООО «Фирма «Салта ЛТД», 2019. С. 224-233.

5. *Сиротин С.В.* Дуговидные предметы (нахрапники) в составе конской сбруи ранних кочевников Южного Урала // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19, № 1. С. 102-115.

6. *Маслов В.Е.* Синдо-меотские мечи vs акинаки (реалии сегодняшнего дня) // Stratum plus. 2019. № 3. С. 133-154.

7. *Савельев Н.С.* Скифская узда в лесостепи Южного Приуралья: конечная точка западного импульса // Stratum plus. 2020. № 3. С. 31-52.

8. *Сиротин С.В., Богачук Д.С.* О связях ранних кочевников Южного Урала с Северным Кавказом, нижнем и Среднем Подоньем в IV в. до н.э. // Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Т. 2. / Гл. ред. А. Онгар. Алматы, Туркестан: Институт археологии им. А.Х. Маргулана. 2022. С. 99-105.

9. *Сиротин С.В., Богачук Д.С., Окороков К.С.* Филипповские параллели в погребальном обряде больших курганов некрополя «Высокая Могила – Студеникин Мар» // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья. Материалы Круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и

перспективы их решения» / Отв. ред. С.В. Сиротин. М.: МАКС ПРЕСС, 2020. С. 203-217.

10. *Эрлих В.Р.* Связи Прикубанья с Поволжьем и Приуральем во второй половине IV в. до н.э. (по материалам Тенгинских святилищ) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Тезисы докладов III международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 60-62.

11. *Эрлих В.Р.* Узда Колхиды и Центральной Грузии античной эпохи: к проблеме выделения традиций // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий / Под ред. М.М. Герасимовой, Малашева В.Ю., Мошкова М.Г. М.: Таус, 2010. С. 73-106.

12. *Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. 2004. Вып. 5. С. 153–172.

13. *Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ч. 1- 2. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2014. Ч. 1. 446 с. Ч. 2. 726 с.

14. *Прокопенко Ю.А.* Налобные и нащечные пластины конского убора IV – II вв. до н.э. из памятников Ставропольской возвышенности // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2021. № 13. С. 467–482.

15. *Марченко И.И., Лимберис Н.Ю.* Пластинчатые конские налобники из Прикубанья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3 (39). С. 69-74.

16. *Прокопенко Ю.А.* Пластинчатые конские налобники конца IV – начала II в. до н.э. из памятников Центрального Предкавказья // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: Материалы IX Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. М.В. Кривошеев. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023. С. 128-133.

17. *Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* О некоторых категориях меотского импорта в раннесарматских погребениях // Региональные особенности хронологии и периодизации савроматской и сарматских культур: Материалы IX Всероссийской научной конференции с международным участием «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. М.В. Кривошеев. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2023. С. 114-127.

18. *Таиров А.Д.* Ранний железный век // Древняя история Южного Зауралья. Т. 2 / Отв. ред. Н.О. Иванова. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2000. С. 3-305.

19. *Вальчак С.Б.* Об одной из функциональных деталей скифской уздечки Восточной Европы // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 126-140.

20. *Савченко Е.И.* Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 221-325.

21. *Могилев О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ, Кам'янець-Подільський: ИА НАНУ, 2008. 439 с.

22. *Гуляев В.И., Савченко Е.И.* Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 35-52.

23. *Максименко В.Е., Смирнов К.Ф., Горбенко А.А., Лукьяшко С.И.* Богатые раннесарматские комплексы правобережья Дона // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. С. 124-141.

24. *Канторович А.Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция: Дисс. ...д-ра ист. наук. М., 2015. 1724 с.

25. *Мышкин В.Н.* Уздечные бляшки с зооморфными и антропоморфными изображениями у кочевников Южного Приуралья скифского времени // Нижневолжский археологический вестник. 2019. № 18. С. 57-73.

26. *Пшеничниок А.Х.* Филипповка. Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

27. *Яблонский Л.Т.* Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Книга 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.

28. *Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.

29. *Смирнов К.Ф.* О мечех синдо-меотского типа // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 38-45.

30. *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. 183 с.

31. *Ждановский А.Н.* Курган №30 у аула Нечерзий // Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике IV Новолабинского городища. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2006. С. 87-100.

32. *Сиротин С.В.* Дромосное погребение IV в. до н.э. из кургана 12 некрополя Переволочан I на Южном Урале // КСИА. 2020. Вып. 258. С. 181-200.

33. *Сиротин С.В.* Предметы конской сбруи из насыпей курганов ранних кочевников Южного Урала (по материалам раскопок 2008–2013 годов) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всероссийской научной конференции / Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: ЧГКМ, 2015. С. 247-256.

34. *Максименко В.Е., Ключников В.В., Гуркин С.В.* Исследование могильника «Частые курганы II» на Нижнем Дону в 2008 году (предварительная публикация) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Подунанской археологической экспедиции ИА РАН / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2000. С. 220-225.

35. *Могилев А.Д.* «Строгие» детали узды раннего железного века // Stratum plus. 2010. № 3. С. 28-288.

36. *Пузикова А.И.* Погребальный инвентарь курганных могильников скифского времени Среднего Подонья. М.: ИА РАН, 2017. 160 с.

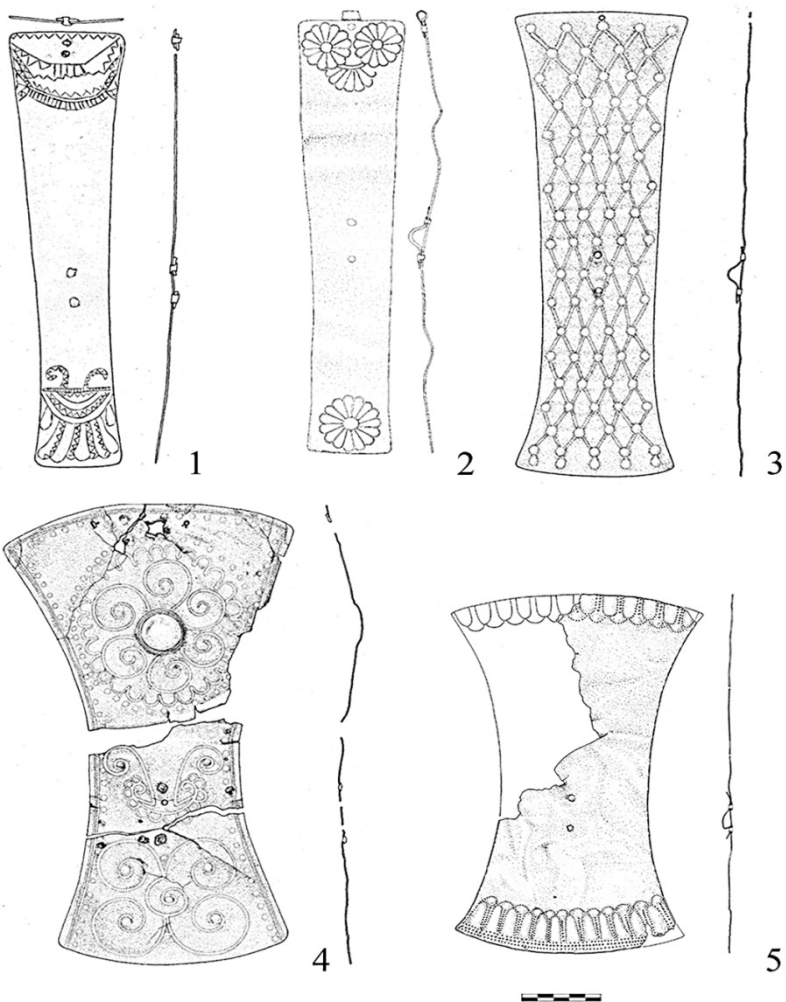


Рис. 1. Пластинчатые налобники. 1, 3, 4 - налобники (кург. 2 гр. 4 «Богатырские могилки»), 2 - налобник (кург. 1 гр. 3 «Студеникин

Мар»), 5 - налобник (кург. 4 гр. 4 «Богатырские могилки», находка из грабительского шурфа). 1-5 - бронза.

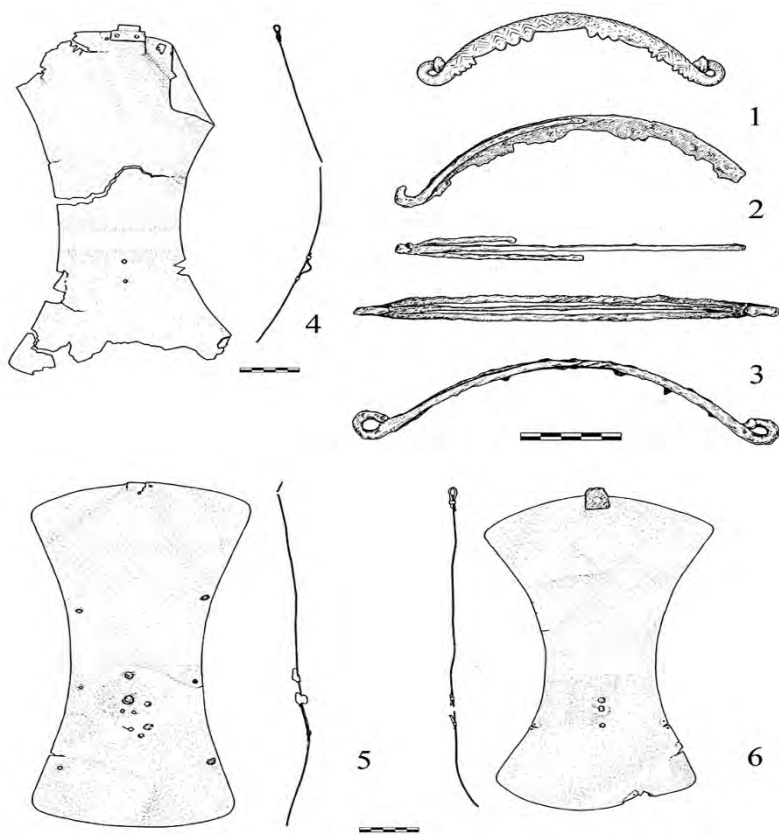


Рис. 2. Дуговидные предметы (нахрапники) и пластинчатые налобники. 1 - нахрапник (кург. 3 гр. 2 «Межевой Мар»), 2, 3 - нахрапники (кург. 2 гр. 4 «Богатырские могилки»), 4-6 - налобники (кург. 3 гр. 2 «Межевой Мар»). 1-3 - железо, 4-6 - бронза.

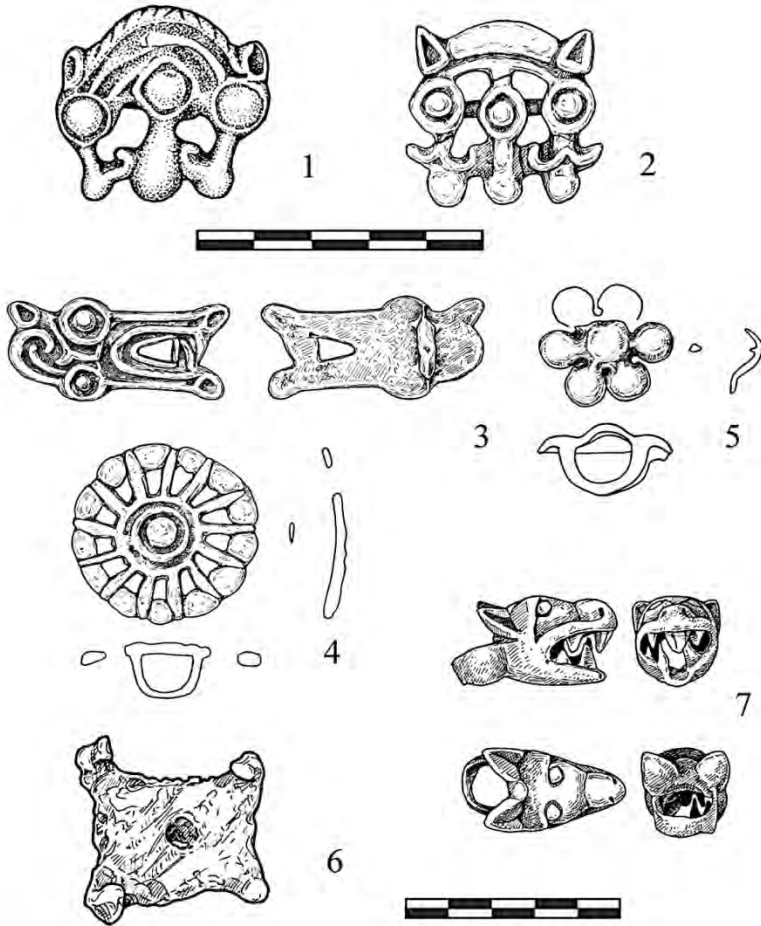


Рис. 3. Уздечные бляхи, пронизь и устражающая насадка. 1 - зооморфная бляха (кург. 2 гр. 4 «Богатырские могилки»), 2 - зооморфная бляха (кург. 1 гр. 3 «Студеникин Мар»), 3 - бляха в виде профильного изображения головы волка (кург. 1 гр. 3 «Студеникин Мар»), 4 - колесовидная бляха (кург. 1 гр. 3 «Студеникин Мар»), 5 - бляха из полусферы (кург. 1 гр. 3 «Студеникин Мар»), 6 - устражающая крестовидная насадка (кург. 3 гр. 2 «Межевой Мар»), 7 - пронизь в виде скульптурного изображения головы волка (кург. 4 гр. 2 «Межевой Мар»). 1-5, 7 - бронза, 6 - железо.

Некрополи XIV-XVII вв. как маркеры сельского расселения в Верхневолжье

Степанова Ю.В.

*Тверской государственный университет,
Тверь, m000142@mail.ru¹*

Сельские погребальные памятники XIV–XVII в. на территории Верхневолжья изучены крайне слабо. В научной литературе практически не освещались вопросы, связанные с их ландшафтной приуроченностью, расположением относительно поселений, надгробными сооружениями, особенностями погребального обряда. Раскопкам, в отличие от некрополей в городах Верхневолжья, подвергались единичные памятники. Чаще это случайные находки, связанные с земляными работами в сельском хозяйстве и строительстве. Некоторые памятники выявлены в рамках полевых археологических исследований многослойных памятников. Обнаружение таких некрополей связано с определенными трудностями, поскольку такие могильники на территории Верхневолжья не имеют внешних признаков. На важность изучения данного типа памятников указывал А. А. Спицын в своем археологическом очерке Тверской губернии 1921 г., где обобщены сведения о местонахождениях позднесредневековых кладбищ Тверской губернии. По его мнению, учет этих памятников «...дает возможность точно определять местоположение пустошей, а это имеет большое значение для вопроса о колонизации края, почему сведения о жальниках и старых кладбищах должны быть подвергаемы непременной регистрации» [1 с. 76].

Систематического исследования некрополей XIV-XVII вв. на территории Верхневолжья не проводилось. Наиболее полные сведения о подобных объектах и находках на их территории приведены в исследованиях начала XX в.: сводной работе В.А. Плетнева (1903 г.) [12] и очерке А.А. Спицына [1], в значительной степени опирающемся на свод В.А. Плетнева (1921 г.). В целом, из 1024 памятников,

зафиксированных на территории Тверской губернии в начале XX в., 150 (14,6 %) являются позднесредневековыми некрополями.

Единой терминологии в отношении бескурганных погребальных сооружений в XIX – первой половине XX в. не сложилось. Под термином «могилища», «заброшенные кладбища», «находки человеческих костей», «могилы с валунными камнями», «надгробные памятники» могли пониматься как христианские кладбища, так и жальничные погребальные комплексы.

Лишь часть из некрополей, упомянутых в работах начала XX в., была зафиксирована на археологической карте во второй половине XX в. в ходе составления свода памятников. Из 150 пунктов, фигурирующих в работах начала XX в., лишь в 37 позднее были выявлены археологические памятники периода средневековья: 30 селищ (из них только 5 относятся к древнерусскому времени), 5 курганных групп, 4 позднесредневековых грунтовых могильника, 3 средневековых городища, 3 сопочных могильника [5]. В целом, это составляет лишь 25 % пунктов, известных в начале XX в. Еще 4 позднесредневековых некрополя были выявлены во второй половине XX – начале XXI в.

Другой проблемой является датировка некрополей периода позднего средневековья и раннего нового времени. Ее затрудняют отсутствие инвентаря, однородность погребального обряда, отсутствие намогильных сооружений на большинстве памятников такого типа. В ряде случаев обнаружены намогильные плиты XVI-XVII вв., позволяющие уточнить датировку. Чаще всего они выявляются на прицерковных кладбищах. Погребения же XIV-XV вв. Верхневолжья остаются практически вне поля зрения исследователей в связи со сложностью обнаружения и датирования.

Актуальность исследования грунтовых могильников обусловлена также проблемой перехода от курганного обряда к грунтовым захоронениям на территории Верхневолжья. Постепенный переход к безинвентарному обряду погребения под курганными насыпями на изучаемой территории происходит уже в XII в. Однако, остается не ясным, как долго этот обряд продолжает существовать. Выявление и относительная хронология безинвентарных поздних курганных погребений возможны только на материалах хорошо изученных раскопками крупных могильников, существовавших длительное время. Таковы Березовецкий и Избрижский могильники, где наблюдается группировка относительно поздних курганных погребений в

определенных частях могильника. Безинвентарные погребения здесь можно отнести ко второй половине XII – XIII в.

Таким образом, представляется актуальным обобщение имеющихся на настоящий момент сведений о позднесредневековых кладбищах, их картографирование, анализ их размещения в сопоставлении с данными о сельских поселениях и погребальных памятниках XI–XIII вв.

Было произведено картографирование некрополей XIV–XVII вв. на основе трудов В.А. Плетнева, А.А. Спицына и современных данных археологической карты Тверской области (издание «Археологическая карта России: Тверская область» в четырех томах) [3]. Для работы с данными была использована ГИС–технология (программный пакет QGIS) (рис. 1).

В целом, картографирование показало равномерное распределение грунтовых некрополей на территории Верхневолжья. Безусловно, в отличие от курганных групп, они выявлены как в бассейне Волги, так и на мелких реках и водоразделах.

Данные по могильникам можно сопоставить с данными письменных источников позднего средневековья, прежде всего писцовыми описаниями. В Историческом атласе Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам 1495–1496 г.), составленном А. А. Фроловым и Н. В. Пиотух [13], некоторые данные по юго-восточным погостам Новгородской земли (Велила, Жабенский, Посонский, Ясеновичский) соотносятся с кладбищами северо-западного региона Тверской губернии. Из 13 заброшенных кладбищ 7 соответствуют деревням XV в.: Бохот, Колпино, Лукьяново, Скоморохово, Старое, Хотимирицы, Фешино [13]. Локализация средневековых поселений Тверского уезда [7] позволила соотнести места нахождения позднесредневековых кладбищ с топонимами писцовых книг XVI в. Из 16 кладбищ, располагавшихся на территории Тверского уезда XVI в., 4 соотносятся с крупными селами, являвшимися центрами вотчинных или поместных владений (села Мичково, Емельяново, Бели Кушалские, Теребино), и располагались, по-видимому, при храмах; 7 являлись монастырскими кладбищами (в селах Калицыно, Дмитровское, Кушалино, Б. Перемерка, Никольское, Заболотье, Никола). Еще 5 соотносятся с деревнями, в XVI в. входившими в поместные и вотчинные владения (Тованово, Ягодино, Ферязкино, Старое Константиновское, Григорьево). По материалам исследований начала XX в. выявляются также 7 памятников,

соотносимых с пунктами Бежецкого, 11 – Новоторжского, 5 – Ржевского, 1 – Зубцовского, 8 – Старицкого уездов XVI–XVII в.

Относительно полно исследованные археологические комплексы позволяют изучить размещение поздних некрополей относительно древнерусских памятников и позднесредневековых поселений. В Избрижском археологическом комплексе поселение XI–XIII вв. располагается на первой надпойменной террасе (селище Избрижье 2), курганный могильник этого периода – в 200 м западнее на второй надпойменной террасе. Наиболее поздние погребения древнерусского могильника располагаются его в северной («лесной») части и на восточной окраине, в непосредственной близости от территории селища. В XIV в. на западной окраине могильника домонгольского времени возникает сельское поселение (слой поселения Избрижье). Его остатки зафиксированы на участке между курганами 114 и 119, исследованном И.А. Дашковой (Сафаровой) (мощность слоя 0,3 м) [4]. С данным поселением, вероятно, связаны печи XVI–XVII в. из красного обожженного кирпича, глины, валунов, изученные Ф.Х. Арслановой, а также многочисленные находки позднесредневековой керамики и ряд индивидуальных находок: железные ножи, серпы, сошники, наконечник копья, кочедык, дверное кольцо, гвозди, бронзовая серьга в виде знака вопроса, фрагмент серебряного нательного креста XVI в. и др. [2 с. 159–165]. Это поселение соответствует д. Могильник, известной по писцовой книге 1580 г.: «2 двора; пашни средние земли в поле полтретьи десятина, в дву по тому ж, сена и лесу нет; треть выти» [9 с. 305]. Деревня запустела в период Смуты. В XIV в., вероятно, возникает поселение на западной окраине современной д. Избрижье (селище Избрижье 1), на левом берегу р. Избрижки, на второй надпойменной террасе. Мощност культурного слоя составляет 0,1–0,3 м. При проведении археологических работ на селище собрана коллекция позднесредневековой керамики и отмечены очертания, вероятно, двух построек [10]. Кроме поселений на второй надпойменной террасе Волги небольшие деревни возникли на берегу р. Избрижки, в 300–500 м от берега Волги. Некрополь, соотносящийся с этими сельскими поселениями, вероятно, находился на берегу Волги, на первой надпойменной террасе и примыкал к восточной окраине курганного могильника. Здесь были выявлены погребения в грунтовых ямах без насыпей (возможно, что некоторые насыпи не сохранились). В XVI в. поселение на месте д. Избрижье становится селом Избрижье с Покровской церковью. В этот период возникает прицерковный

некрополь, функционировавший до начала XX в. В окрестностях Избрижского археологического комплекса в 800 м от края берега Волги расположено известное по писцовым материалам с. Андреевское [9], на территории которого и к югу от него собран керамический материал XIV-XVII вв. Грунтовый могильник находился в 500 м от села, на берегу Волги на второй надпойменной террасе. Здесь в начале XX в. находились белокаменные надгробия тверского типа (с изображением посоха) [12 с. 151].

Другим примером является археологический комплекс у д. Беседы (Калининский район Тверской области). Курганные могильники XI-XIII вв. Беседы-1 и Беседы-2 занимают вторую надпойменную террасу. Культурный слой с керамикой XI-XII вв. выявлен в восточной части комплекса, на той же террасе. В XIV-XVI вв. к востоку от курганных групп существовало небольшое, по-видимому, однодворное поселение. Здесь были выявлены остатки жилища с глинобитным полом и подпольной хозяйственной ямой (слой поселения Беседы). Поселение соответствует писцовой д. Бедрино, запустевшей во второй половине XVI в., что устанавливается на основании археологических материалов поселения Беседы, данных писцовой книги конца XVI в. и планов Генерального и Специального межеваний XVIII-XIX вв. [6]. На окраине территории древнерусского могильника, к востоку от нее было открыто грунтовое погребение мужчины, прорезавшее слой XII-XIII вв. Погребение было совершено в деревянной колоде. Оно, по-видимому, является синхронным д. Бедрино.

Таким образом, в археологическом комплексе у д. Беседы некрополь располагался в непосредственной близости к поселению. По-видимому, жители небольших деревень могли устраивать некрополи или одиночные погребения в относительной близости к территории поселения. Иногда для этого использовались площадки древнерусских курганных могильников.

Выделяются кладбища, находившиеся при храмах, в монастырях или крупных селах, являвшихся административными, вотчинными и церковными центрами сельской округи, а также деревенские кладбища, вероятно использовавшиеся населением одного или нескольких окрестных поселений. Среди них можно выделить местности, в которых позднесредневековые кладбища располагались в одном комплексе с древнерусскими курганами. Таково большинство археологических комплексов, расположенных непосредственно на берегах Волги и ее

крупных притоков (Ягодино, Большие Перемерки, Избрижье, Беседы и др.).

Локализация позднесредневековых могильников дает дополнительные возможности для изучения средневекового расселения в Верхневолжье. В XIV-XV вв. грунтовые могильники с безинвентарными погребениями могли частично занимать площадки кладбищ и поселений предыдущего периода. В XVI в. с формированием системы поместного землевладения и активным строительством храмов в вотчинах и поместьях формируются прицерковные некрополи. Именно на них чаще погребения чаще сопровождалось внешними признаками – надгробными плитами и валунами.

Литература

1. *Спицын А.А.*. Археологический очерк Тверской губернии / вступит. статья, сост., указатели Е.Н. Жукова, Ю.В. Степанова. [Электронное издание]. Тверь: Твер. гос. ун-т; ТГОМ, 2022. 134 с.
2. Арсланова Ф.Х. Могильник у села Избрижье как источник по истории сельского населения Тверского Поволжья // Комплексное источниковедение некоторых проблем отечественной истории. Калинин, 1988. С.155-166.
3. Археологическая карта России: Тверская область. Т. 1. М., 2003; Т. 2. М., 2008; Т. 3., 2010; Т. 4. М., 2013: ИА РАН.
4. *Дашкова И.А.* Отчет об охранных работах экспедиции ТНИИР-центра в Калининском районе Тверской области в 1993 г.// Архив ИА РАН. Ф. Р-1. №№ 18293, 18294.
5. *Жукова Е.Н., Степанова Ю.В.* Погребальные памятники эпохи позднего средневековья в контексте изучения средневекового расселения в Верхневолжье // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. Вып. 3 (61). С. 47-48.
6. *Кунгурцева С.А.* Топографическая локализация пустоши Бедрино и хронология позднесредневекового селища Беседы-1 (Калининский район Тверской области) // Новоторжский сборник. 2004. Вып. 1. С. 180-187.
7. *Кутаков С.С., Степанова Ю.В.* Тверской уезд в XVI в. по данным писцовых описаний: опыт создания геоинформационной системы // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2013. № 40. С. 115–120.

8. *Лагуткина Е.В., Степанова Ю.В.* Комплекс археологических памятников у д. Беседы: предварительные итоги исследований // Тверской археологический сборник. 2001. Т. II. Вып. 4. С. 125-138.
9. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / сост. А.В. Антонов. М.: Древлехранилище, 2005.
10. *Скукина Е.В.* Отчет о раскопках курганов у д. Избрижье в Калининском районе Тверской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 18908.
11. *Степанова Ю.В., Жукова Е.Н.* Археологические исследования комплекса памятников у деревни Беседы в 2000-2001 гг. // Из архива тверских историков. 2002. Вып. 3. С. 14-24.
12. *Плетнев В.В.* Об остатках древности и старины в Тверской губернии: к археологической карте губернии. Тверь: Тип. губ. правл, 1903.
13. *Фролов А.А., Пиотух Н.В.* Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам 1495–1496 годов). Т. 1–3. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008.

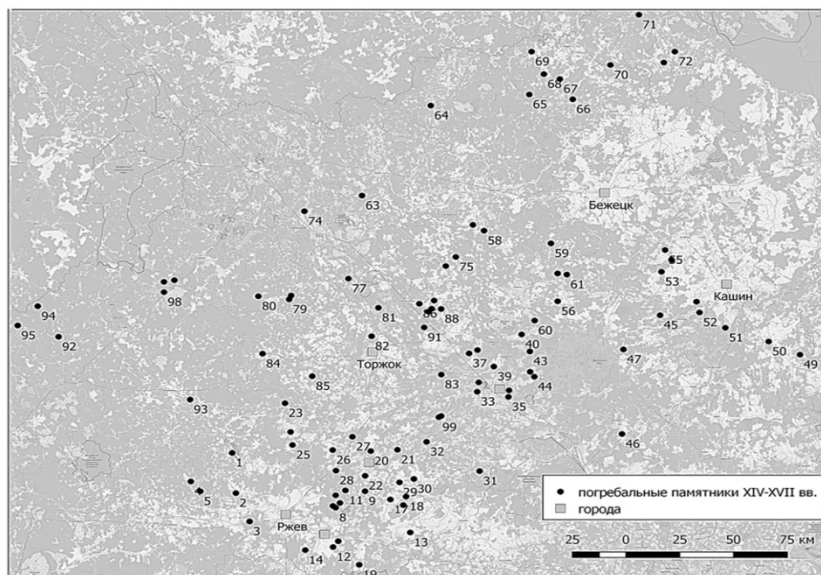


Рис. 1. Погребальные памятники XIV-XVII вв. на территории Верхневолжья.

1 – погост Новый Торг, 2 – Благовещение, 3 – Манчарово, 4 – Васильевское, 5 – Урдом, 6 – Терешково, 7 – Алексино, 8 – Болотово, 9 – Родня, 10 – Крушцово, 11 – Коледино, 12 – Писцово, 13 – погост Архангельский, 14 – погост Шолгин, 15 – Козьминское, 16 – Ягодино, 17 – Плюснинское, 18 – Осипово, 19 – Юрьевское, 20 – Холохольня, 21 – Дубровино, 22 – Черевково, 23 – Станы, 24 – Луковниково, 25 – Денежное, 26 – Ивановское Ермолаевых (Братково), 27 – Неверово, 28 – Покровское, 29 – Глебово, 30 – Мичково, 31 – Ферязкино, 32 – Емельяново, 33 – Дмитровское, 34 – Старая Константиновка, 35 – Большие Перемерки, 36 – Старое Каликино, 37 – Теребино, 38 – Заболотье, 39 – Никола, 40 – Кушалино, 41 – Савватьево, 42 – Бели Кушалские, 43 – Григорьево, 44 – Тованово, 45 – Шевригино, 46 – Марьино, 47 – Покровский в Голядах, 48 – Семеновское, 49 – Апухтино, 50 – Поречье, 51 – Деулино, 52 – Ченцы, 53 – погост Успенский, 54 – Нововведенское, 55 – Никольское, 56 – Георгиевское-Иногостицы (кладбище Зыково), 57 – Скирки, 58 – Воздвиженка, 59 – Моркины Горы, 60 – Александрово, 61 – Холмы, 62 – Рождество, 63 – Мотыли, 64 – Застижье, 65 – Пожарье, 66 – Чисти, 67 – Пнево, 68 – Малинское, 69 – Городищи, 70 – Соснино, 71 – Никола-Реня, 72 – Борщево, 73 – Неверово, 74 – Почвино, 75 – Березовка, 76 – Ветчина, 77 – Константиновка, 78 – Кузлово, 79 – Хотимирицы, 80 – Фешино, 81 – Костерево, 82 – Прутня, 83 – Медное, 84 – Каменное, 85 – Богданова, 86 – Большое Плоское, 87 – Овинная, 88 – Жерихова, 89 – Затулки, 90 – Данильцева, 91 – Локотцы, 92 – Ширкова, 93 – Тальцы, 94 – Волговерховье, 95 – Колпина, 96 – Горовастица, 97 – Щучье, 98 – Семеновщина, 99 – Андреевское, 100 – Избрижье.

Новые экспериментальные данные об устойчивости навыков создания форм глиняных сосудов и перспективы их применения для исследования керамики из археологических памятников¹

Е.В. Суханов,

Институт археологии РАН, Москва, sukhانov_ev@mail.ru

Вступление

Формы древних глиняных сосудов представляют собой важный для археологов объект научного анализа. Они используются для решения широкого круга задач: определение и уточнение границ археологических культур и их локальных вариантов, разработка относительной хронологии, реконструкция культурного взаимодействия разных групп древнего населения.

Наиболее распространенный способ решения подобных задач – это группировка сосудов на основании их внешнего сходства и анализ распространения похожих, по мнению исследователя, форм во времени и пространстве на уровне комплекса, памятника или определенной территории. Несмотря на популярность такого подхода, его практическое применение сталкивает практически любого археолога, изучающего формы посуды, с несколькими довольно сложными методическими вопросами: 1) какое количество признаков (или каких-то других особенностей форм сосудов) является необходимым и достаточным для полноценной систематизации изучаемой коллекции?; 2) какие признаки являются более «важными» или «рабочими», а какие менее существенными и избыточными, и чем в данном случае обосновано такое решение?; 3) какой уровень детальности описания и анализа форм сосудов является разумным и целесообразным?

По мнению автора данной работы, поиск ответов на эти вопросы может опираться на анализ этнографических и экспериментальных данных. В лаборатории «История керамики» ИА РАН и в Самарской экспедиции по экспериментальному изучению древнего гончарства на

© Суханов Е.В., 2024.

Статья подготовлена в рамках темы НИР ИА РАН «Междисциплинарный подход в изучении становления и развития древних и средневековых антропогенных экосистем» (№ НИОКТР 122011200264-9).

протяжении нескольких лет проводятся исследования, нацеленные на изучение устойчивости навыков создания форм глиняных сосудов. Цель этих исследований – установить параметры форм сосудов, которые в сериях одинаковых изделий одного мастера в наименьшей степени подвержены случайным колебаниям, и выявить наиболее устойчивые параметры. Таким образом, речь идет о дифференциации различных признаков форм сосудов по степени их «важности» с точки зрения изготовителей глиняной посуды и некоторых особенностей физиологии ручного труда.

Основная задача этой работы – познакомить коллег с результатами проведенных исследований и попытаться обосновать целесообразность применения этих данных при изучении форм сосудов из археологических памятников.

Материалы и методика

В этой работе мы рассмотрим результаты исследования пяти разных групп этнографического и экспериментального материала, которые отличаются между собой по разным основаниям: категориям форм сосудов, уровню квалификации мастеров, программам изготовления сосудов и приемам придания изделию формы.

Группа 1 – сосуды горшковидной формы, сделанные профессиональными гончарами, работающими на ножном гончаром круге. Исследованы 10 серий, насчитывающие от 20 до 60 одинаковых сосудов, сделанные десятью разными гончарами, которые обследовались в 1970-х гг. Комплексным отрядом по изучению гончарства под руководством А.А. Бобринского. Сосуды представляют собой традиционные для этих гончаров формы, которые они делали регулярно.

Группа 2 – сосуды горшковидной формы, сделанные непрофессиональными мастерами. Форма сосудов создавалась приемами скульптурной лепки на плоскости. В эту группу включены материалы трех разных экспериментальных программ, выполненных в Самарской экспедиции в 2019-2022 гг. Программы различаются между собой видами начинов, видами и количеством строительных элементов, используемых для изготовления разных функциональных частей сосудов, и способами их наложения (по кольцу, по спирали). Данная группа представлена 30 сериями, включающими по 5 или 10 сосудов, каждый из которых обладает «одинаковой» формой и сделан по единой технологической программе.

Группа 3 – сосуды мисковидной формы (т.е. низкой пропорциональности), сделанные непрофессиональными мастерами. Форма сосудов создавалась приемами скульптурной лепки на плоскости. Группа включает 6 серий шести разных мастеров, сделанных в Самарской экспедиции в 2023 г., каждая серия из 10 одинаковых сосудов.

Группа 4 – сосуды горшковидной формы, сделанные непрофессиональными мастерами с использованием приема выбивания. Здесь нужно пояснить, что речь идет о сосудах, которые делались кольцевым налепом из жгутов до состояния условного «цилиндра», после чего с помощью колотушки им придавалась окончательная форма – биконическая. Группа включает 6 серий шести разных мастеров, сделанные в Самарской экспедиции в 2023 г., каждая серия из 10 одинаковых сосудов.

Группа 5 – сосуды горшковидной формы, сделанные непрофессиональными мастерами с использованием формы-основы. Группа включает 4 серии четырех разных мастеров, сделанные в Самарской экспедиции в 2023 г., каждая серия из 10 одинаковых сосудов. Тулово делалось на форме-основе с помощью лоскутного налепа. После завершения работы над туловом, заготовка будущего сосуда снималась с формы-основы, устанавливалась на плоскость (дном вниз) для создания плеча-предплечья кольцевым налепом из жгутов.

На основании этих материалов исследована устойчивость разных параметров форм глиняных сосудов. В качестве таковых выбраны параметры, которые обычно используются в методике анализа форм сосудов, разработанной в рамках историко-культурного подхода к изучению гончарства [1]: 1) общая пропорциональность (далее ОПП) всего сосуда; 2) угол наклона боковой линии костяка (далее – угол наклона) щеки-шеи; 3) пропорциональность щеки-шеи; 4) угол наклона плеча-предплечья; 5) пропорциональность плеча-предплечья; 6) угол наклона тулова; 7) пропорциональность тулова. В группах 1 и 2 исследовались все перечисленные параметры. В группах 3, 4 и 5 представлены сосуды без щеки-шеи, поэтому в них исследовались параметры №№ 1, 4, 5, 6, 7.

Во всех изученных сериях сосудов измерялись параметры каждого изделия. ОПП всего сосуда вычисляется как отношение его высоты к максимальному диаметру. Угол наклона измеряется по положению линии, проведенной между точками приложения акцентированных физических усилий гончара, возникающих при изготовлении сосуда

(точки НЛК, ПЛК и др.) и выделяющих конкретную функциональную часть [1 с. 130-131]. Пропорциональность функциональной части вычисляется как отношение ее высоты к полусумме оснований.

На основании результатов измерений выполнялась оценка устойчивости параметров функциональных частей в рамках каждой серии. Для этого использован коэффициент сходства (далее – КС), представляющий собой отношение минимального значения в изучаемой серии к максимальному [2 с. 267-268]. Чем ближе значение КС к 1, тем выше устойчивость исследуемого параметра форм в рассматриваемой серии сосудов, и чем ближе значение к 0, тем она ниже.

Результаты вычислений в рамках каждой из пяти изученных групп рассматриваются в этом тексте обобщенно по всем мастерам и сериям. Устойчивость параметров форм сравнивается с помощью специальных диаграмм, на которые нанесены диапазоны *наибольшей плотности* значений КС, полученные для каждого исследованного параметра форм сосудов.

Результаты

Группа 1 (рис. 1, 1). Наиболее высокие значения КС показали ОПП всего сосуда, угол наклона плеча-предплечья и угол наклона тулова. Диапазоны наибольшей плотности этих значений почти полностью лежат выше отметки 0.90. Довольно высокие значения КС получены для угла наклона щеки-шеи – большинство находится в интервале 0.80-0.90. Все остальные параметры форм – пропорциональность щеки-шеи, плеча-предплечья, тулова – показали более низкие значения КС. Наибольшая плотность у этих параметров приходится примерно на интервал от 0.50 до 0.80.

Таким образом, в этой группе материала рассмотренные параметры форм сосудов делятся на две условные группы: более устойчивые, к числу которых относятся угол наклона плеча-предплечья, угол наклона тулова, ОПП всего сосуда, и менее устойчивые – это пропорциональность всех функциональных частей.

Группа 2 (рис. 1, 2). Самые высокие значения КС отмечены у угла наклона плеча-предплечья – от 0.90 до 0.99, а также ОПП всего сосуда, угла наклона щеки-шеи и угла наклона тулова – по этим параметрам наибольшая плотность значений КС приходится примерно на интервал 0.80-0.95. Наиболее неустойчивыми, как и в предыдущей группе материала, оказались пропорциональность щеки-шеи, плеча-предплечья и тулова. У этих параметров интервалы наибольшей плотности значений КС – от 0.65 (и меньше) до 0.90.

В этой группе материала проявились различия между углами наклона функциональных частей сосудов – более устойчивы, и их пропорциональностью – менее устойчивы.

Группа 3 (рис. 1, 3). Самые высокие значения КС зафиксированы у угла наклона плеча-предплечья – 0.80-0.92. Второе и третье места «делят» ОПП всего сосуда – 0.68-0.85, и угол наклона тулова – 0.61-0.87. Самыми неустойчивыми оказались пропорциональность плеча-предплечья и тулова, у которых наибольшая плотность значений КС приходится на интервалы 0.50-0.75 и 0.50-0.60 соответственно.

Таким образом, в данной группе ОПП всего сосуда и углы наклона функциональных частей оказались более устойчивыми, чем пропорциональность функциональных частей.

Группа 4 (рис. 1, 4). Самые высокие значения КС отмечены у угла наклона плеча-предплечья и угла наклона тулова. Наибольшая плотность значений приходится на интервалы 0.89-0.95 и 0.79-0.91 соответственно. Все остальные параметры обладают относительно меньшей устойчивостью: ОПП всего сосуда – 0.68-0.85, пропорциональность плеча-предплечья – 0.50-0.75, пропорциональность тулова – 0.50-0.60.

Таким образом, в этой группе материала углы наклона функциональных частей оказались более устойчивыми, чем их пропорциональность.

Группа 5 (рис. 1, 5). Все исследуемые параметры довольно четко разделились две группы по различиям в устойчивости. К первой, более устойчивой группе относятся ОПП всего сосуда, угол наклона плеча-предплечья, угол наклона тулова – интервалы наибольшей плотности значений КС составляют 0.85-0.93, 0.88-0.93 и 0.86-0.93 соответственно. Менее устойчивыми оказались пропорциональность плеча-предплечья и пропорциональность тулова. Диапазоны наибольшей плотности значений КС по этим параметрам составляют 0.61-0.80 и 0.56-0.84 соответственно.

Обобщение и обсуждение результатов

В ходе анализа зафиксированы различия исследуемых параметров форм сосудов по степени устойчивости относительно друг друга. Установлены некоторые общие закономерности, проявляющиеся независимо от использованных программ изготовления сосудов, способов придания изделиям формы, уровня квалификации мастеров и других деталей: 1) во всех пяти группах среди наиболее устойчивых параметров оказался угол наклона плеча-предплечья (рис. 1, 1Г, 2Г, 3Г,

4Г, 5Г); 2) почти во всех группах (№№ 1, 2, 4, 5) среди наиболее устойчивых параметров оказался угол наклона тулова (рис. 1, 1Е, 2Е, 4Е, 5Е); 3) почти во всех группах (№№ 1, 2, 3, 5) среди наиболее устойчивых параметров оказалась ОПП всего сосуда (рис. 1, 1А, 2А, 3А, 5А); 4) во всех группах наименьшей устойчивостью обладает пропорциональность функциональных частей. В группах 1 и 2 – это пропорциональность щеки-шеи, плеча-предплечья и тулова, в группах 3-6 – пропорциональность плеча-предплечья и тулова.

Таким образом, угол наклона плеча-предплечья и угол наклона тулова отражают наиболее устойчивые навыки создания форм глиняных сосудов. В некоторых случаях – для горшковидных сосудов, изготовленных на гончарном круге, а также горшковидных сосудов, сделанных частично на форме-основе – такую же высокую степень устойчивости демонстрирует ОПП всего сосуда.

Результаты этого исследования позволяют высказать предположение о том, что именно устойчивые навыки создания форм сосудов являются наиболее надежными для выявления в археологической керамике, в том числе внешне «гомогенной», культурных традиций разных групп древнего населения.

Пример использования результатов в изучении археологической керамики

Очевидно, что полноценная апробация изложенных выше данных требует привлечения разнообразных в культурном и хронологическом отношении археологических материалов. В этом разделе статьи мы рассмотрим один частный пример, который по территории и хронологии находится в рамках научных интересов ее автора.

В эпоху раннего средневековья в восточных районах Северного Кавказа – на территории Дагестана – функционировали поселения и некрополи, связанные с разными в культурном и этнокультурном отношении группами населения. В данном примере мы выясним, насколько различимы гончарные традиции этих групп по устойчивым и неустойчивым параметрам форм сосудов, опираясь на самую массовую категорию посуды из исследуемых археологических памятников – кувшины.

Верхнечирюртовский археологический комплекс датируется V-VII вв. Расположен на границе равнинной и предгорной зон Северного Дагестана, связан с культурой населения Приморского Дагестана эпохи Хазарского каганата. Комплекс включает курганный и грунтовые могильники. Большинство захоронений совершено в катакомбах.

Этнокультурная принадлежность Верхнего Чирюрта дискуссионна, по видимому население было многокомпонентным и включало разные элементы: тюркские, аланские, автохтонного средневекового населения [3 с. 93-95; 4 с. 115, 117]. Рассматриваемые здесь сосуды происходят преимущественно из грунтового некрополя, единичные – из курганного и поселения.

Агачкалинский могильник датируется исследователями VIII-X вв. либо IX-X вв. Территориально памятник также приурочен к предгорной области Прикаспийского Дагестана, однако на основании погребального обряда (каменные склепы, каменные ящики, грунтовые могилы) он связывается с культурой местного населения средневекового Дагестана [4 с. 113]. Рассматриваемые сосуды происходят из каменных склепов [5].

Бежтинский могильник датируется VIII-X вв. Расположен в высокогорной зоне Дагестана и связан с культурой автохтонного населения эпохи раннего средневековья [6 с. 186-189]. На некрополе хоронили в грунтовых ямах, частично обложенных камнями.

В этом примере мы рассмотрим только один способ сравнения форм сосудов из перечисленных памятников, который позволяет сопоставлять объекты сразу по нескольким параметрам/признакам – это анализ методом главных компонент, выполняемый в компьютерной программе Statistica. Мы провели два сравнения форм кувшинов из Верхнего Чирюрта, Агачкалинского и Бежтинского могильников: 1) только по неустойчивым параметрам (пропорциональность щеки-шеи, плеча-предплечья и тулова); 2) только по устойчивым параметрам. Поскольку при изготовлении этих кувшинов использовался гончарный круг, в качестве устойчивых мы рассматривали не только угол наклона плеча-предплечья и тулова, но и ОПП всего сосуда.

На графиках с результатами анализов (рис. 2) каждый символ обозначает отдельный сосуд. При сравнении кувшинов по неустойчивым параметрам форм сосудов (рис. 2, 1) оказалось, что рассматриваемые памятники слабо различимы между собой. Большинство сосудов из Агачкалинского и Бежтинского могильников занимают на графике примерно одну и ту же область, включающую также большую часть кувшинов их Верхнего Чирюрта.

Сравнение памятников по устойчивым параметрам форм кувшинов (рис. 2, 2) дало несколько иной результат. Достаточно четко разошлись Бежтинский и Агачкалинский могильники: первый тяготеет к левой нижней зоне графика, второй – к левой верхней. Выделилась

обособленная группа кувшинов из Верхнего Чирюрта, насчитывающая примерно половину исследованных сосудов из этого археологического комплекса. Выяснилось, что другая часть кувшинов Верхнего Чирюрта на уровне устойчивых навыков создания форм неотличима от традиций Агачкалинского могильника.

Таким образом, именно устойчивые параметры форм кувшинов, во-первых, хорошо демонстрируют различия культурных традиций раннесредневекового населения высокогорных районов Дагестана (Бежта) от традиций предгорий и равнинно-предгорного пограничья (Акачкала, Верхний Чирюрт), во-вторых, показывают многокомпонентный состав верхнечирюртовской культуры, где один компонент не отличим от традиций местного населения, а второй связан с каким-то другим культурным кругом.

Заключение

В этом исследовании выявлены параметры форм сосудов, которые имеют наибольшую степень устойчивости. Таковыми являются углы наклона боковой линии костяка двух функциональных частей сосудов – плеча-предплечья и тулова. В некоторых случаях такую же высокую степень устойчивости может проявлять общая пропорциональность всего сосуда.

Результаты работы основаны на анализе широкого круга этнографических и экспериментальных источников, отражающих разнообразные категории форм сосудов, способы их изготовления и приемы формообразования. Это позволяет заключить, что выявленные закономерности могут быть применимы для изучения практически любых коллекций целых форм сосудов из археологических памятников, независимо от их культурно-хронологических, технологических и других особенностей.

Литература

1. *Цетлин Ю.Б.* Об общем подходе и методике системного изучения форм глиняных сосудов // *Формы глиняных сосудов как объект изучения. Историко-культурный подход* / Отв. ред. Ю.Б. Цетлин. М.: ИА РАН, 2018. С. 124-179.

2. *Цетлин Ю.Б.* О величине случайных колебаний некоторых параметров форм глиняных сосудов // *КСИА. 2016. Вып. 245-II. С. 265-274.*

3. *Афанасьев Г.Е.* Этнические аспекты генезиса катакомбного обряда погребений в салтово-маяцкой культуре //Аланы и Кавказ. *Alania II* / Отв. ред. В.Х. Тменов. Владикавказ-Цхинвал, 1992. С. 83-97.

4. *Березин Я.Б., Березина Н.Я.* Антропологическая коллекция с территории Республики Дагестан (фонды НИИ и Музея антропологии МГУ) // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. 2020. №. 3. С. 105-121.

5. *Магомедов М.Г.* Исследования Агачкалинского могильника // Археологические открытия 1980 года. М.: Наука, 1981. С. 108-109.

6. *Атаев Д.М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии). Махачкала: б.и., 1963. 254 с.

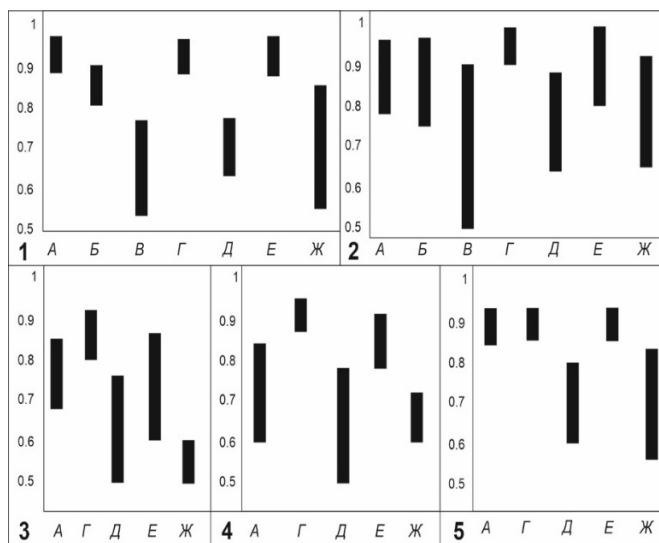


Рис. 1. Устойчивость параметров форм глиняных сосудов по этнографическим и экспериментальным данным. 1 – группа 1; 2 – группа 2; 3 – группа 3; 4 – группа 4; 5 – группа 5; расшифровка условных обозначений параметров: А – общая пропорциональность всего сосуда; Б – угол наклона щеки-шеи; В – пропорциональность щеки-шеи; Г – угол наклона плеча-предплечья; Д – пропорциональность плеча-предплечья; Е – угол наклона тулова; Ж – пропорциональность тулова.

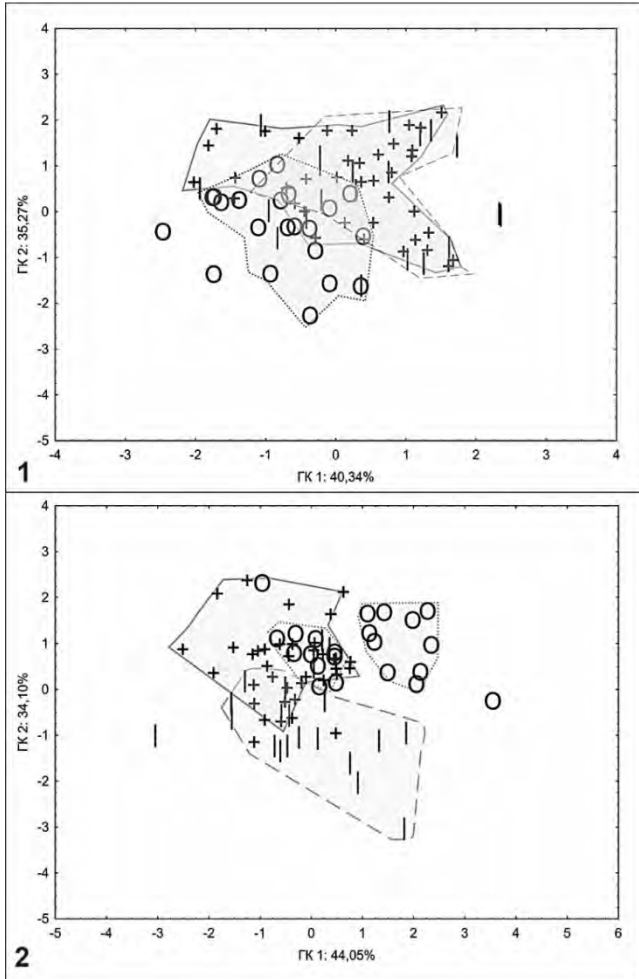


Рис. 2. Сравнение форм кувшинов из раннесредневековых памятников Восточного Кавказа. 1 – по неустойчивым параметрам; 2 – по устойчивым параметрам; расшифровка условных обозначений памятников: | – Бежтинский могильник; + – Агачкалинский могильник; O – Верхнечирюртовский комплекс.

Курган Шихан (Уба-Тау): сооружение и разрушение

Таиров А.Д.

*Южно-Уральский государственный университет, Челябинск,
sarmat-2007@mail.ru*

Первые сведения о кургане Шихан (Уба-Тау) мы находим в работе вице-президента Оренбургской ученой архивной комиссии и хранителя её музея И.А. Кастанье 1910 года: «по дороге из поселка Требий в Фершампенуаз направо от дороги в 50 саж., от пос. Требий в 6 вер. находится курган высотой до 5 саж., хорошо сохранившийся» [1, с. 16]. Раскопки кургана произведены в 2012–2014 годах комплексной археологической экспедицией Южно-Уральского государственного университета и Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН при поддержке администрации Нагайбакского района [2].

Курган находится на вершине возвышенности в междуречье рек Гумбейка и Солодянка, в 2,5 км к СВВ от поселка Курганский Нагайбакского района Челябинской области, справа от грунтовой дороги из Курганного в районный центр Фершампенуаз. Современный диаметр хорошо задернованной грунтовой насыпи кургана 60 м, высота 6 м. Она несет следы многочисленных грабительских вкопов в виде ям различного размера и глубины (рис. 1, 1).

До начала раскопок специалистами Института геофизики УрО РАН под руководством к.ф.-м.н. В.В. Носкевича была проведена магнитная съемка, выявившая в центральной части подкурганной площадки прямоугольную положительную аномалию, ориентированную по линии СВ–ЮЗ, на которую накладывались отрицательные аномалии от грабительских ям (рис. 1, 2).

Вскрытие насыпи кургана проводилось с помощью грейдера и бульдозера траншеями длиной 60 м и шириной 4 м, ориентированными по линии СЗ–ЮВ, с оставлением между ними бровок толщиной 1 м. Вследствие рыхлости верхних слоев насыпи высота оставляемых бровок не превышала 2,5 м. После зачистки бровки и ее фото- и графической фиксации с двух сторон, большая часть бровки сносилась, а траншеи по обе ее стороны углублялись. Таким образом в 2012–2014 годах семью

траншеями была исследована центральная и юго-западная часть насыпи кургана. Северо-восточная её часть со знаком государственной геодезической сети (тригопункт) осталась неисследованной.

При исследовании кургана за условный «0» была взята самая высокая точка насыпи кургана, материк же зафиксирован на уровне (-595) – (-600) см. Во вскрытой части насыпи кургана на уровне материка выявлены и исследованы три крупные глубокие ямы (ямы 1–3), несколько небольших ям глубиной до 0,4 м и система столбовых ямок (рис. 2, 2).

Ямы 1 и 2, без каких-либо находок, являются следами неудачных грабительских вкопов. Судя по всему, могильная яма, находящаяся в центре подкурганной площадки, была полностью разрушена многочисленными грабительскими вкопами, последний из которых связан с ямой 3 (рис. 3, 1–4). Эта яма, не смотря на её глубину, без сомнения является грабительской – в профиле бровки к западу от неё отмечены мощные слои материкового грунта, лежащие на фрагменте первоначальной насыпи кургана.

Четкие очертания ямы 3 выявлены на уровне (-660) см, что на 60–65 см ниже уровня материка. Яма имела неправильную округлую форму диаметром 5,75–6,5 м. От нее на юго-запад уходили очертания понижения шириной до 4,0 м. Как показали дальнейшие работы, глубина этого понижения, имеющего U-образную форму, не превышала 2,6 м (рис. 3, 3). У западного края ямы понижение переходило в почти горизонтальную площадку шириной 0,9–1,3 м. Северное окончание этой площадки плавно превращалось в наклонный пандус шириной 1,3–1,4 м, идущий по часовой стрелке вдоль северного и восточного края ямы. Пандус заканчивался тупиком у юго-восточного угла южной стенки ямы на уровне (-950) – (-960) см (рис. 3, 1).

На уровне (-960) см яма приобрела подпрямоугольную форму, ориентированную по линии С–Ю, и размеры 2,2×3,3 м. Вдоль западной и южной стенок ямы отмечены три ступеньки, спускающиеся против часовой стрелки с уровня (-1140) до уровня (-1216) см. Яма в придонной своей части (уровень (-1359) см) сохранила подпрямоугольную форму и ориентировку по линии С–Ю, но размеры ее сократились до 1,3×2,1 м. Дно ямы было зафиксировано на уровне (-1380) см (рис. 3, 1, 2). Таким образом глубина ямы составила 7,85 м от уровня материка. Никаких находок на дне ямы обнаружено не было.

В верхних горизонтах заполнения ямы (до уровня (-904) см) встречались беспорядочно разбросанные фрагменты бревен и жердей

различного диаметра (рис. 3, 4). Залегали они, как правило, наклонно к центру ямы и связаны, вероятно, с грабительскими вкопами или проседанием деревянного перекрытия. Возле западной стенки ямы зафиксированы остатки деревянной конструкции лежащие *in situ*. Они позволяют нам предполагать, что изначально яма имела деревянное перекрытие, которое располагалось на верхних горизонтах. Поврежденное грабителями, оно рухнуло, и в дальнейшем большая его часть была полностью разрушена многочисленными грабительскими вкопами.

При определении верхних контуров ямы почти на уровне материка (-590) найдено копыто лошади. В заполнении ямы на уровне (-885) см найден зуб лошади, а на уровне (-999) две трубчатые кости птицы. Кроме того, в заполнении ямы была найдена сломанная деревянная лопата. Ее рабочая часть, имеющая прямоугольную форму и размеры 14×20 см, находилась на уровне (-1024) см, а черенок длиной около 80 см и диаметром 4 см – на 25 см ниже.

Помимо трех больших ям на исследуемой части подкурганной площадки выявлены 94 столбовые ямки диаметром от 12 до 25 см, углубленные в материк на 13–38 см. В них отмечены остатки тонких березовых бревен или жердей, стоящих вертикально или слегка наклонно в разные стороны (рис. 2, 3). Ямки, находясь на расстоянии 0,2–0,8 м, но чаще 0,4–0,6 м, друг от друга, образуют восемь линий, семь из которых сходятся у центральной ямы 3 (рис. 2, 2).

Стратиграфические наблюдения позволили реконструировать этапы строительства надмогильного грунтового сооружения и выделить отдельные элементы его конструкции. На первом этапе строители произвели разметку погребальной площадки, которая предварительно была выравнена путем подрезки дернового слоя. Пикетами служили тонкие березовые брёвна или жерди диаметром от 7 до 15 см, зафиксированная длина которых достигала 4,6 м. По всей вероятности, длина бревен и жердей была разной и указывала высоту будущего грунтового сооружения в разных его частях.

На втором этапе строительства из дерновых блоков с фрагментами материкового грунта была сложена подпрямоугольная платформа соответствующая положительной аномалии магнитной съемки (рис. 1, 2; 2, 1). Она имела ровную, почти горизонтальную, поверхность и наклонные боковые стенки. Высота платформы не превышала 1,1 м от уровня древней дневной поверхности. В таком состоянии насыпь кургана простояла какое-то время, что привело к проседанию грунта на

отдельных участках. Перед началом следующего этапа строительства все части просевшей конструкции были подсыпаны темно-серым и темно-коричневым гумусированным суглинком. Возможно, в центральной части платформы была сложена дополнительная площадка высотой примерно один метр. Точно установить размер и форму этой надстройки затруднительно, так как центральная часть насыпи разрушена большими грабительскими ямами. Поверхность площадки и основной части платформы была перекрыта светло-серым суглинком мощностью до 10–15 см. Этот слой четко отделяет внешнюю часть насыпи кургана от изначальной платформы.

Третий этап возведения насыпи – это сложение внешней, основной, части тела кургана. Использование методов палеопочвоведения показало, что сложена она с помощью древнейшего строительного принципа: «кирпич-цемент». В роли «кирпичей» выступали суглинистые блоки нижней части почвенного профиля и почвообразующей породы. Уложенный ряд блоков пересыпался рыхлой супесью из гумусового горизонта, выступающей в качестве скрепляющего состава, своеобразного «цемента». Ввиду своей рыхлости она заполняла неровности и легко проникала в пустоты. Вполне вероятно, что каждый слой суглинистых блоков, пересыпанных гумусированной супесью, уплотнялся трамбовкой. Такая конструкция, основанная на использовании доступного материала, отличалась простотой и надежностью [3]. Наблюдения за структурой насыпи кургана Шихан (Уба-Тау), как и других крупных курганов Южного Зауралья, позволяет предполагать определенную методику укладки грунтовых блоков. Она заключается в том, что нечетные слои блоков, начиная с уровня древней дневной поверхности или специально подготовленной площадки, укладывались дерниной вниз, а четные – дерниной вверх. Таким образом, через каждые два слоя блоков получалась относительно ровная поверхность, что облегчало дальнейшие работы. Естественно, что при необходимости в некоторых местах от этого принципа временно могли отступать, однако общая тенденция оставалась неизменной.

В профиле бровок описанная технология возведения насыпи предстает в виде слоев «леопардового окраса», где светлые суглинистые блоки почвообразующей породы (материка) оказываются окруженными темной гумусированной супесью. Следует подчеркнуть, что использование для сооружения насыпи кургана грунтовых блоков, состоящих из гумусового горизонта и верхнего слоя материка,

неоднократно фиксировалось при раскопках крупных курганов эпохи бронзы и раннего железного века степной и лесостепной Евразии (см., например: [4 с. 45-46; 5–8]).

Судя по всему, изначальная высота кургана Шихан (Уба-Тай) в итоге составила около 5 метров. В результате активной деятельности грабителей выкиды из их ям значительно увеличили высоту насыпи, о чем свидетельствуют слои переотложенного грунта мощностью до 1,5 м поверх первоначального тела кургана (рис. 2, 1).

Как уже отмечалось, помимо самой большой и глубокой ямы 3, расположенной в центре подкурганной площадки, выявлены еще две большие ямы, которые находились к северу от неё – ямы 1 и 2. Глубина ямы 1 – 3,4 м, ямы 2 – 3,05 м. Обе они, также же как и яма 3, имеют профиль, типичный для глубоких грабительских ям, – широкий корытообразный в верхней части и узкий колодеобразный в нижней, часто заканчивающийся меньшим по диаметру неглубоким вкопом. Такой профиль в большинстве случаев обусловлен плотностью материка в разных частях ямы.

Помимо ям 1–3 в бровках отмечены многочисленные грабительские ямы, которые либо не доходили до уровня материка, либо своим окончанием лишь слегка, до 0,4 метра, углублялись в материк (рис. 2, 1).

Анализ грабительских ям кургана Шихан (Уба-Тай) позволяет в самом предварительном плане выделить три основные категории грабителей, целью которых являлось материальное обогащение за счет захороненных ценностей. Назовем их условно «спонтанные» грабители, «дилетанты» и «профессионалы». Заметим, что в данной классификации не рассматриваются ритуальные ограбления, а также проникновения в курган с целью извлечения древесного угля или добычи норных животных, например, барсука.

«Спонтанные» грабители, вдохновленные рассказами о якобы спрятанных в курганах сокровищах, начинают рыть яму в центре насыпи, если на ней нет следов предшественников, или на её непотревоженной периферии. Но отсутствие результатов быстро охлаждает их пыл. От этих грабителей на больших курганах, чаще всего, остаются ямы, которые не доходят до уровня материка, но на небольших курганах они могут достаточно сильно углубиться в материк.

Грабители «дилетанты» начинают заниматься поисками «драгоценностей» систематически. Отсутствие опыта не позволяет им

отличить материк от заполнения могильной ямы. Поэтому, принимая меньшую плотность и твердость материкового грунта за заполнение ямы, они продолжают углубляться в материк пока не упрутся в твердые слои. Результатом их деятельности являются глубокие и, как правило, узкие грабительские вкопы.

С накоплением опыта, «дилетант» может перейти в категории «профессионалы». Последние хорошо разбираются в особенностях погребального обряда и устройства могильных ям, могут отличить их заполнение от нетронутого материка. Их раскопы заканчиваются либо на уровне материка, либо лишь слегка углублены в него.

Четкой грани между этими категориями грабителей нет и каждая из них может, в свою очередь, быть подвергнута более дробной классификации. Отметим также, что нет однозначной взаимосвязи между категориями грабителей и размерами, глубиной и формой, оставляемых ими ям. Каждая из этих категорий грабителей может внезапно прервать работу в связи с возникшими непредвиденными обстоятельствами, а «профессионалы» могут ошибаться. В данном случае, мы попытались лишь наметить тенденцию.

Многочисленные ограбления кургана Шихан (Уба-Тау) привели к тому, что материалы, полученные в ходе его раскопок, весьма немногочисленны. Это два фрагмента стенок двух сосудов, изготовленных на гончарном круге, найденные в юго-западной поле кургана. Один из сосудов красноглиняной, второй – сероглиняной. В слое переотложенного грунта западной части крайней юго-западной траншеи 7 обнаружен фрагмент каменного жертвенника. Судя по этому фрагменту, жертвенник относится к типу без опоры, округлой формы, с бортиком, украшенным «елочным» орнаментом [9 табл. 2]. Каменные алтарики такой формы являются хроноиндикаторами IV в. до н.э. [10 с. 186], что может, на наш взгляд, указывать на верхнюю дату сооружения этого кургана.

Литература

1. *Кастанье И.А.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 1910. Вып. XXII. 332 с.

2. *Таиров А.Д., Иванов А.А., Коноплева К.Г., Плешанов М.Л.* Курган Шихан (Уба-Тау): раскопки 2012–2013 гг. // Наука ЮУрГУ [Электронный ресурс]: материалы 66-й научной конференции. Секции

социально-гуманитарных наук. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. С. 886-893.

3. *Баженов А.И., Сафарова Л.Р., Якимов А.С., Таиров А.Д.* «Кирпич-цемент» – универсальная система для строительства курганов // Этнические взаимодействия на Южном Урале : сб. науч. тр. / отв. ред.: А.Д. Таиров, Н.О. Иванова. Челябинск: ЦИКР Рифей, 2013. С. 251-257.

4. *Зданович Г.Б., Иванов И.В., Хабдулина М.К.* Опыт использования в археологии палеопочвенных методов исследования (курганы Кара-Оба и Обалы в Северном Казахстане) // Советская археология. 1984. № 4. С. 35-48.

5. *Кривошеев М.В., Ельцов М.В., Мимоход Р.А., Борисов А.В.* Грунтовые блоки как строительные элементы в курганной архитектуре сарматских памятников Волго-Донского междуречья // Материалы Всероссийской научной конференции по археологическому почвоведению. Пущино: 2014. С. 226–229.

6. *Кривошеев М.В., Борисов А.В.* Грунтовые блоки в курганных сооружениях: почвенно-экологические аспекты проблемы // Материалы Всероссийской междисциплинарной научной конференции с международным участием «Палеопочвы, палеоэкология, палеоэкономика» / Товарищество научных изданий КМК. – Пущино: 2017. С. 112-115.

7. *Плеханова Л.Н.* К проблеме блочных технологий строительства курганных насыпей // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: материалы V Международной Нижневолжской археологической конференции, [г. Элиста], 15-18 ноября 2016 года / Отв. ред. П.М. Кольцова. Элиста : Изд-во Калмыцкого университета, 2016. С. 159-164.

8. *Ельцов М.В.* Почвенно-археологические исследования кургана Жайык-1 // Нижневолжский археологический вестник. 2020. Т. 19, № 1. С. 285-293.

9. *Маргарян К.Г.* Основные принципы классификации и типологии каменных жертвенников раннего железного века // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: «Социально-гуманитарные науки». 2017. Т. 1, № 2. С. 104-106.

10. *Маргарян К.Г., Куццов Е.А., Сиротин С.В., Бытковский О.Ф., Куццова Л.В.* Геометрический орнамент как датирующий элемент на каменных жертвенниках ранних кочевников Евразии // Stratum plus. 2020. № 3. С. 171-190.

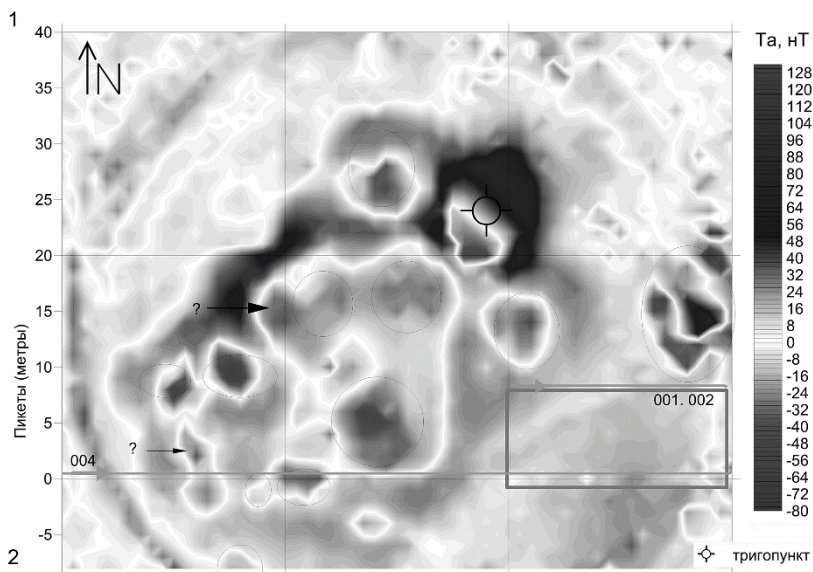
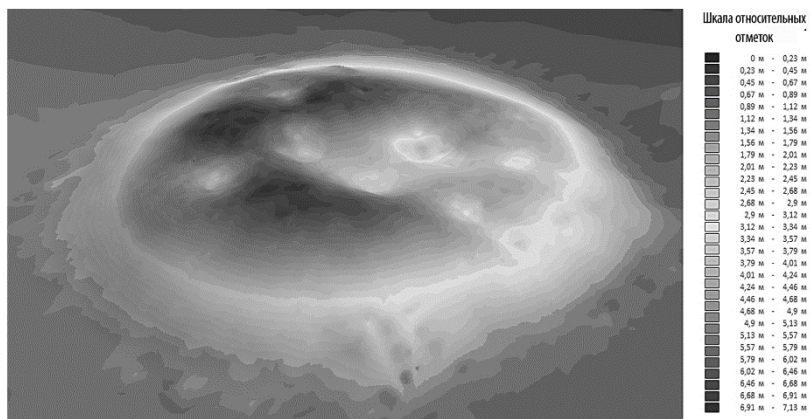


Рис. 1. Курган Шихан (Уба-Тау). 1 – трехмерная модель насыпи кургана по результатам геодезических работ; 2 – насыпь кургана по результаты геофизических исследований.

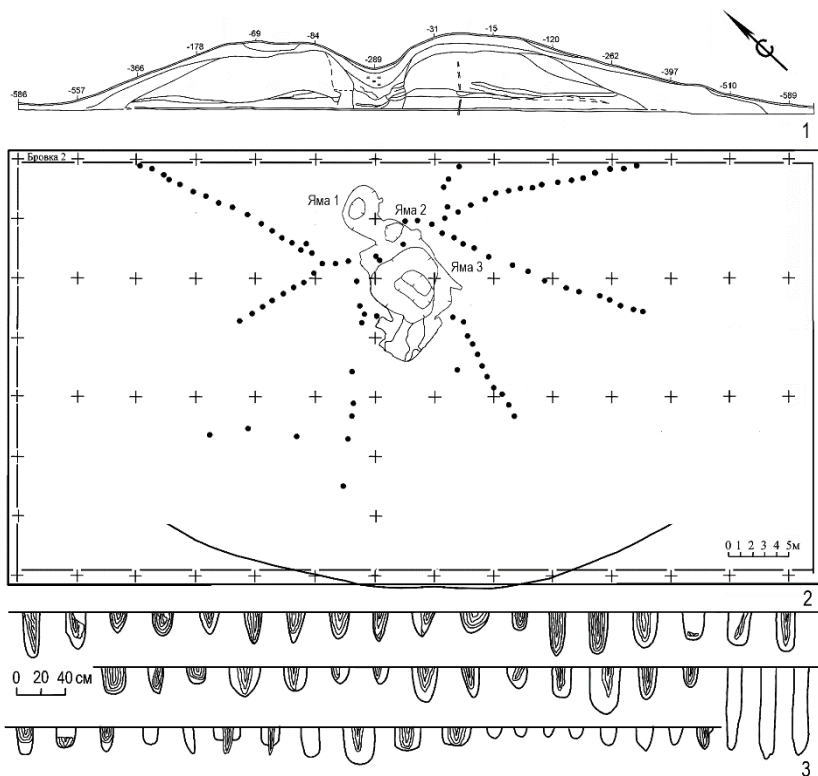


Рис. 2. Курган Шихан (Уба-Тай). 1 – профиль бровки 2; 2 – план подкурганной площадки на уровне материка; 3 – разрезы столбовых ямок.

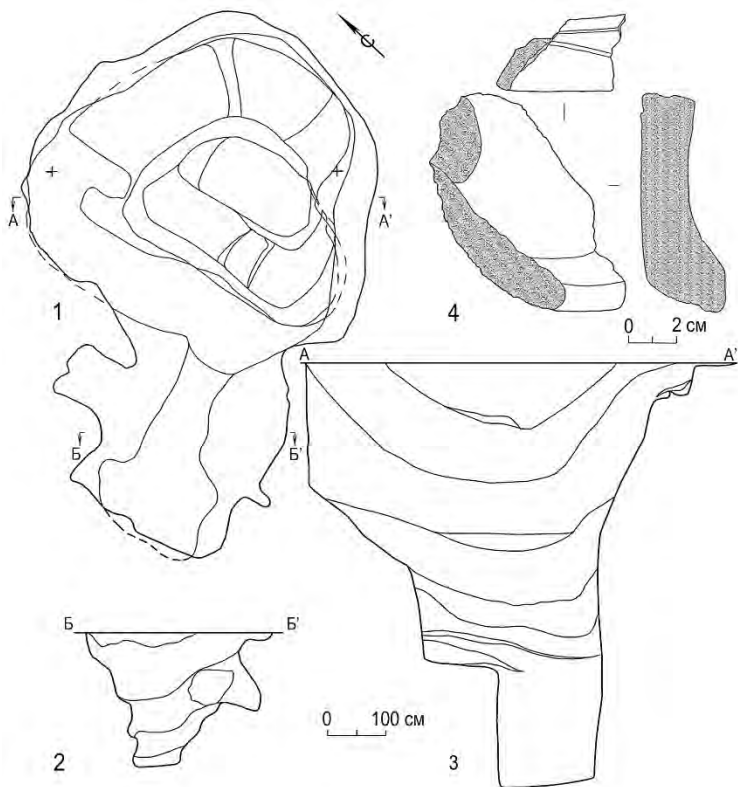


Рис. 3. Курган Шихан (Уба-Тау). 1 – план центральной ямы 3 с уровня -660 см; 2 – разрез центральной ямы 3 по линии А–А'; 3 – разрез центральной ямы 3 по линии Б–Б'; 4 – центральная яма 3 на верхних горизонтах; 5 – фрагмент каменного жертвенника из западной части траншеи 7.

Вещь-знак в «ландшафте смерти» погребального обряда Улуса
Джучи (по материалам раскопок комплекса Карасуыр в Улытау
Центральный Казахстан)

Усманова Э.Р.

*Сарыаркинский археологический институт Карагандинского
университета им. академика Е. А. Букетова, Караганда; Институт
археологии им. А. Х. Маргулана КН МОН Республики Казахстан,
Алматы; Институт археологии имени А. Х. Халикова Академии наук
Республики Татарстан, Казань, emmadervish2004@mail.ru*

Дмитриев Е.А.

*Сарыаркинский археологический институт Карагандинского
университета им. академика*

Букетова Е.А., Караганда, yevgenii1992@mail.ru

А. В. Колбина

*Костанайский областной историко-краеведческий музей, Костанай,
alina_ant@mail.ru*

Панюшкина И.И.

*Лаборатория по исследованию годичных колец деревьев, Университет
Аризона, Тусон, iranuyush@email.arizona.edu*

Паршин Ю.Е.

ТОО «Терра», Воронеж, laeving@mail.ru

*«Глядя на лошадиные морды и лица людей, на безбрежный живой
поток, поднятый моей волей и мчащийся в никуда по багровой
закатной степи, я часто думаю: где я в этом потоке?» Чингисхан.
Эпиграф к роману «Чапаев и Пустота», В. Пелевин*

Горный массив Улытау (обл. Улытау, Республика Казахстан) –
это природно-культурный ландшафт в центре Сарыарки с исторической
территорией Улытау, которая включает в себя архитектурные,

© Усманова Э. Р., Дмитриев Е. А., Колбина А. В., Панюшкина И. П.,
Паршин Ю. Е., 2024.

Работа выполнена при финансовой поддержке проекта Комитета науки
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан АР13067946
«Выявление визуальных культуродиагностирующих маркеров каменных
курганов раннего железного века и Средневековья Центрального Казахстана».

культурные и археологические памятники. В 2010–2011 гг. экспедицией Научно-исследовательского института по проблемам культурного наследия номадов (директор И. В. Ерофеева) совместно с заповедником-музеем «Улытау» (директор Б. С. Кожаметов) в урочище Карасуыр, расположенном в северо-западной части Бетпакадалы, был выявлен погребальный комплекс, состоящий из пятнадцати сооружений, рассредоточенных по ложбинам одноименной главной сопки. В 2011 г. было раскопано четыре объекта. Анализ погребального инвентаря, антропологического материала позволил определить этнокультурную и религиозную принадлежность умерших, проповедовавших тибетский буддизм. По всей видимости, данный памятник был оставлен потомками монголов-завоевателей Чингиз-хана во 2-й половине XIII – начале XIV вв., когда джучидские кланы владели Дешт-и-Кыпчаком от Эмбы и до Иртыша и от Южной Сибири до низовий Сыр-Дарьи [1 с. 106–113].

В 2023 году были продолжены раскопки ритуально-мемориального комплекса Карасуыр экспедицией Сарыаркинского археологического института при Карагандинском университете им. академика Е. А. Букетова под руководством Э. Р. Усмановой и Е. А. Дмитриева. В ходе которых было вскрыто еще четыре погребальных сооружений.

Радиоуглеродное датирование возраста погребений было проведено в Университете Аризоны (США). Калибровка двух радиоуглеродных дат выполнена в программе OxCal 4.4 с использованием международной калибровочной кривой IntCal20 Atmospheric [2]. Дата AA103462 из образца кости, курган № 1 (раскоп 2011 г.) калибруется интервалом между 1260–1300 гг. н. э. (1-сигма) или 1220–1320 гг. н. э. (2-сигма). Калибровочный интервал устанавливает календарный возраст погребения концом XIII – началом XIV в. [3 с. 166]. Дата AA116516 (728±13 BP) из образца дерева, сооружения № 1 (раскоп 2023 г.) калибруется между 1275–1285 гг. н. э. (1-сигма) или 1270–1290 гг. н. э. (2-сигма). Вторая дата мало отличается от первой, но имеет более узкий калибровочный интервал, так как ошибка 14С измерения получилась меньше.

За 2011 и 2023 гг. в урочище Карасуыр было раскопано восемь единовременных захоронений 2-й половины XIII – начала XIV вв., которые относятся к погребальной традиции населения Улуса Джучи. Комплекс является одним из первых известных золотоордынских воинских погребальных объектов в Улытау.

Погребальный обряд со своим предметным и «поведенческим» содержанием – это явление культуры, которое обладает способностью аккумулировать и передавать информацию в виде «текстов», выраженных знаковым образом [4]. Семиотический принцип существования культурного явления определил цель статьи: природное окружение и погребальный инвентарь как информационный «текст» о захороненных людях в погребальном комплексе Карасуыр.

«Ландшафт смерти» в ландшафте природы. Под этим понятием понимается пространство, где происходит реализация погребального обряда, ритуалов, культов воспроизводится и хранится мемориальная память об умершим в вербальном, визуальном виде [5 с 84]. «Ландшафт смерти» формируется согласно культурному коду и погребальной традиции социума. Он может являться некрополем, иметь архитектурный облик здания, быть воплощенным в земляной насыпи кургана или обыгранным в природном объекте и т. п.

В комплексе Карасуыр «ландшафт смерти» естественным образом включен в окружающую среду в ландшафт природы степи. Погребальные сооружения находятся в линейно вытянутых, незамкнутых, неглубоких трех ложбинах длиной до 150 м, которые располагаются согласно понижения рельефа сопки Карасуыр, главенствующей по своей высоте в местности (рис. 1). На видимой поверхности западных склонов сопки они почти незаметны, однако хорошо фиксируются при высотной фотосъемке дроном и представляют собой сооружение в виде кургана из камней, преимущественно овальной формы в плане, длиной до 8 м, высотой до 0,8 м. Стереотип способа погребения выражен в положении костяка – на спине, его ориентировка согласно ориентировке грунтовой ямы по линии С–Ю с небольшими отклонениями, что характерно для монгольских погребений Улуса Джучи [6 с. 62; 7 с. 80].

Такое полусекретное местонахождение сооружений согласуется с феноменом «тайных захоронений» монгол, которые осуществлялись по отношению к умершим из рода Чингиз-хана («золотого рода борджигинов») [8 с. 121]. Некая «секретность» и желание отвести место погребения от людского взгляда присутствуют и в местонахождении воинских погребений комплекса Карасуыр. Конечно, мы не склонны утверждать, что захороненные на данном некрополе люди принадлежали к пресловутому роду «потрясателя Вселенной». Особенности погребального обряда и инвентарь характеризуют воинскую категорию монгольской армии, однако, без атрибутов

элитного сословия ханского происхождения. Тайный характер выбранного «ландшафта смерти» указывает на ритуальное своеобразие комплекса Карасуыр, которое, видимо, зависело от особенностей кончины захороненных. Возможно, некоторый скрытый характер погребений объясняется причиной смерти от эпидемии. На этот факт указывает палеогенетическое исследование останков из раскопок 2011 г., где у одного из умерших обнаружено присутствие в ДНК вируса гепатита В [9].

Сопроводительный инвентарь и погребенный в «ландшафте смерти». Почти все ложбинные погребения были сгруппированы в районе главной сопки Карасуыр, на вершине которой находится курган-обоо. Вероятно, главная сопка, согласно ритуальной традиции народов Центральной Азии, может рассматриваться как образ Мировой горы и горы предков [10 с. 239-240]. Анализируя набор сопроводительного инвентаря и половозрастные характеристики умерших, можно предположить, что расположение погребений в ложбинах на определенной высоте относительно друг друга объясняется социальным, гендерным и возрастным статусом умерших (табл. 1).

Остеологическая коллекция могильника Карасуыр насчитывает останки восьми индивидов – шесть мужских и два женских. В ложбинах погребения находятся в следующем порядке: ложбина № 1, сооружение 1 – один погребенный мужчина Adultus (до 18–20 лет); ложбина № 2, сооружения 2, 3 – два погребения женщин, Senilis (старше 60 лет); ложбина № 3, сооружения 4, 5, 6, 7 – четыре погребения мужчин: один Adultus (до 30–35 лет), два Maturus II (45–55 лет), один Maturus I (35–45 лет). Сооружение 8 вынесено за пределы ложбин на отдельную площадку от сопки Карасуыр. В нем был погребен мужчина Maturus II (45–55 лет).

Позиция вещей (табл. 2) подается нами относительно положения тела в погребении. Для определения знаковой позиции захороненного взяты следующие категории погребального инвентаря: вооружение, амуниция, предмет религиозного культа. Ременные предметы амуниции зафиксированы во фрагментах в сооружении 5. Корреляция осуществлялась относительно размещения вещей по сторонам тела: правая и левая. Мелкие предметы в единственном числе в корреляцию не включены.

Левая сторона. Левый бок тела в погребении более насыщен вещами по сравнению с правым. Берестяные колчаны с железными и костяными стрелами (оружие дальнего боя, предметы вооружения и

охоты) уложены с левой стороны (сооружения 4, 5, 8). В погребальном обряде кочевого населения Улуса Джучи колчаны принадлежат захоронениям мужчин, подтверждая их принадлежность к категории полноправных совершеннолетних членов рода [11 с. 155]. Необходимо подчеркнуть, что костяные стрелы зафиксированы только в колчане.

Два колчана (сооружения 4 и 5) имеют костяные орнаментированные накладки, что принято считать элементом статусного вооружения [12 с. 74–76]. При этом, в снаряжении колчан, как правило, крепился к поясу с правой стороны. Аналогичная ситуация зафиксирована неоднократно, к примеру, при изучении памятников монгольского времени на Алтае [13 с. 68, рис. 24–8, 65–1]. Такое положение известно начиная со времени ранних кочевников и до этнографической современности.

Детали защитного ламеллярного доспеха в виде нескольких железных пластин, спекшихся между собой, находились на левой стороне (сооружения 5 и 8). Стремена, поставлены вертикально у левой стенки могилы (сооружение 1). Предметы женского обихода (зеркало, чаша) и буддистского культа (колокольчик, крюк) обнаружены также слева (сооружения 2, 3, 8). Скорее всего, сочетание вещи и левой стороны тела умершего человека имело как практическое, так и ритуальное значение.

Правая сторона «проигрывает» по количеству предметов военного снаряжения и обихода. Однако, нам представляется этот факт важным для понимания ритуального значения правой стороны. Предметы, предназначенные для гадания, находились у правого бока тела: гадальная лопатка барана (сооружения 3, 5, 7), амулет (кость птицы) и проколка-острие (сооружение 3). Удила, элемент конской узды, не принадлежащие к воинскому снаряжению, тоже правосторонние. Возможно, правая позиция по отношению к корпусу умершего определялась тем, что предмет гадального значения держался в правой руке – баранья лопатка, проколка (?), амулет находились на правой плече умершей женщины (сооружение 3). По всей видимости, правая сторона больше представляла сакрально-магическую значимость в ритуале, чем практическую по отношению военной атрибутики.

Другие вещи военного и «полевого» снаряжения – ножны (из бересты – сооружение 1; из кожи – сооружение 4), нож (колеющее оружие), накладка на лук, кресало – имеют «двухстороннюю» характеристику положения относительно тела умершего (табл. 2). Стоит обратить внимание на то, что нож в ножнах из бересты с костяными

накладками в одном случае зафиксирован в районе ног (сооружение 1). Однако это могло быть приобретенное посмертное состояние после разложения тела. Вероятно, в двух случаях ножи в ножнах находились в районе рук и пояса (сооружения 1, 4).

Несколько предметов, условно говоря, находящиеся по центральной линии дна погребения, ввиду своего положения и назначения главным образом демонстрировали символический статус: зеркало китайского происхождения со сломанной ручкой (сооружение 2); гадальный астрагал с насечками (сооружение 5); бронзовый конус (сооружение 7). И уложенные под голову стремена явно означали некую позицию погребенного относительно его положения в отряде (сооружение 7). Аналогии такой ситуации со стременами под головой в средневековых погребениях нам неизвестны. В исследованных памятниках XIII–XIV вв. центральноазиатского региона стремена укладывались преимущественно в районе ног умерших, что было зафиксировано, к примеру, на могильниках Нураталды-2 [14 с. 214], Ближние Елбаны VI [13 с. 67] и Ильинка [13 с. 76].

Предметная индексация статуса в «ландшафте смерти». В «ландшафте смерти» ложбины № 3 были похоронены четыре представителя данного военного подразделения, в ложбине № 1 – один. Погребения первой точки в ложбинах №№ 1, 3 (сооружения 1, 4) принадлежат молодым воинам *Adultus* (до 30–35 лет) с набором основного боевого снаряжения – ножи в ножнах, колчан с костяными накладками, накладки на лук, наконечники стрел, стремена. Самым молодым является погребенный из сооружения 1 – ему на момент смерти всего было 18 – 20 лет. Своего рода представление солдат *авангардии*, наступающей части воинского отряда. В этих погребениях есть предметы статусного характера: ножны и колчан с костяными накладками (сооружения 1, 4) и деревянная рама без нижней планки, уложенная на костяк (сооружение 1), единственная в погребальном комплексе Карасуыр. Она могла имитировать элемент колесного транспорта (возможно тележная рама?), тем более что рядом с ее нижней частью слева вертикально были поставлены стремена. Все вместе могло символизировать предметное оснащение, имеющее отношение к лошади. Колчан (сооружение 4) и ножны (сооружение 1) из бересты с костяными накладками – вещи, указывающие на ведущее положение похороненных воинов. Итак, мы предполагаем, что на самых высоких точках ложбин похоронены молодые воины, которые принадлежали наступающей части боевого отряда.

Погребение 5 из средней точки ложбины № 3 – захоронение воина в зрелом возрасте (40–55 лет). Погребальный инвентарь – это двухслойный берестяной колчан большого размера по сравнению с другими, с орнаментированными костяными накладками, железными и костяными наконечниками стрел, фрагменты ламеллярного доспеха (рис. 2), нож, кресало, гадальная атрибутика (лопатка барана, бараний астрагал с насечками). Это единственное погребение, где были железные детали ременной амуниции (пряжка, крючок), которые имели отношение к креплению колчана. Данное погребальное сооружение было особенным и единственным в «ландшафте смерти» из-за плиты с изображением буддистского бурхана в головном уборе типа ушницы, уложенной в каменный панцирь ограды. Возраст умершего 40–55 лет (рис. 4, 1). Военное снаряжение, и, главным образом набор культовых предметов, возможно, указывают на воина-шамана, исполнителя ритуалов пророчеств. К культовым вещам относятся бараний астрагал с тремя насечками и баранья лопатка со срезанным краем. Подобные предметы использовались для гадания у многих кочевых народов, как монгольских, так и тюркских, что является пережитком шаманизма [15; 16]. Практика предсказания при помощи костей животных довольно долго сохраняется в тибетском буддизме [17 с. 255]. Отсюда, видимо, следует такое собрание предметов с буддийской, шаманской символикой и военной атрибутикой, что в совокупности может демонстрировать воина из командного подразделения.

Командный статус этого воина дополнительно подчеркивает захоронение 6, расположенное под сооружением 5, недалеко от него. Здесь похоронен, по всей видимости, слуга в возрасте 40–55 лет. Воинское снаряжение у него отсутствует, есть только кресало с кремнем, которое находилось у ног с рядом с железным кольцом (деталь цепи?), проколка типа шила. В отличие от других погребенных, принадлежавших к монголоидам, этот погребенный по типу был европеоидом. Графическая реконструкция его лица по черепу демонстрирует кавказский тип внешности, близкий к кавкасионскому антропологическому типу (рис. 4, 2). По своему этническому происхождению он мог принадлежать к аланам-асам или черкесам. Скорее всего, он попадает в этот воинский отряд в результате завоевательных походов монголов на Северный Кавказ и в Восточную Европу в 1236–1246 гг. [18 с. 54, 58].

Если предположить, что ложбина № 3 по расположению погребений обозначает воинов согласно их чину и военной функции в

отряде, то воин из сооружения 7, самой нижней точки ложбины, вероятно относился к прикрытию, *арьергарду*. Захороненный в среднем возрасте (35–45 лет) в своем погребальном инвентаре имел набор военного снаряжения: накладка на лук, железные наконечники стрел без колчана, вещи, которые относятся к нападающему виду вооружения. В этом погребении есть характерные для конного кочевника предметы, местонахождение которых отличается от других погребений. Это стремя под головой погребенного и кольчатые удила (единственные среди захоронений комплекса), уложенные рядом. Вещи относятся к снаряжению лошади: стремя – седельная принадлежность, удила – приспособление для обуздания лошади. Не исключено, что захороненный воин мог относиться к конвою, что опять же имеет отношение к прикрытию. Кроме того, погребальный инвентарь носит шаманско-буддистский знаковый акцент. В погребении находились лопатка барана, бронзовые конус и пластина в виде плоски (?). Баранья лопатка – это гадальный «инструмент» шаманского толка. Бронзовые конус и пластину, согнутой наподобие плоски, относят к буддистским атрибутам, значение которых еще предстоит интерпретировать [19].

Р. С. Кстати, хотелось отметить такую деталь по размещению в погребениях вещей сакрального характера: астрагал с насечками (сооружение 5) и конус (сооружение 7) – находились между берцовыми костями ног.

Одно воинское погребение было вынесено за территорию ложбин, на другую сторону сопки (сооружение 8). При стандартном наборе воинского снаряжения – колчан, железные и костяные наконечники стрел, фрагмент ламеллярного доспеха, накладка на лук, фрагмент кресала – можно сказать полная экипировка воина, здесь находились вещи, относящиеся к буддийской атрибутике ламаистского толка: колокольчик и железный крюк. В традиционных культурах колокольчики встречаются в шаманских и народных буддийских ритуалах на Алтае и Тибете. В тибетском буддизме колокольчик обязательно сопровождается ваджрой, их держат в разных руках, но иногда ваджра может быть заменена крюком [2 с. 112].

На бронзовой пластине колокольчика сохранился фрагмент ткани, который относится к типу лампаса с золотым переплетением, видимо принадлежал к декоративной ленте [2 с. 110]. Отдельно захороненный мужчина в зрелом возрасте (40–55 лет), возможно, сочетал в своей жизни воинские функции и монашеские. Неслучайно, он был похоронен изолированно, вне «секретной» ложбины. Для

тибетского буддизма, к которому, скорее всего, принадлежали захороненные воины характерно было военное монашеское сословие.

Монголы познакомились с тибетской буддийской традицией в XIII веке, она была принята сыном Угэдэй-хана Годаном, Хубилаем и некоторыми другими наследниками Чингисхана [20]. В этом контексте следует отметить, что захоронения у сопки Карасуыр датируется 2-й половиной XIII – началом XIV вв., временем образования монгольского государства Юань, в состав которого входил Китай. Его основателем был Хубилай (1215–1294 гг.) [21].

В погребениях есть предмет обихода, который не относится к военному снаряжению и культовой атрибутике – это кресало, предназначенное для высекания огня из кремня. Это однолезвийная железная пластина «калачевидной» формы, формы, внутри которой находился кремневый отщеп. Трут, если он был положен, не сохранился в погребении. Общее название – огниво, которое находилось только в составе погребального инвентаря захороненных в возрасте 40–55 лет как с левой стороны (сооружения 6, 7, 8), так и с правой (сооружение 5). Вероятно, право разжигать огонь принадлежало только воинам и слуге, которые были в определённом возрастном цензе, старше 40 лет, а не молодым воинам. Причем, у слуги огниво находилось в районе ног, в отличие от воинов, где оно было в районе рук.

Захоронения женщин. Им была предназначена отдельная ложбина № 2, которая находилась между ложбинами № 1 и № 3. Женские погребения были изолированы в «ландшафте смерти» от мужских погребений. Судя по инвентарю, они имели свое предназначение и статус в этом воинском отряде. Точка первая, самая близкая к вершине – захоронение (сооружение 2), по своему предметному содержанию, получило условное название «китайка» (рис. 3). Костяк был плохой сохранности, и судя по набору вещей и отсутствию воинского снаряжения, принадлежал женщине в возрасте *Senilis* (старше 60 лет). Минималистический погребальный набор состоял из двух редких вещей, и потому уникальных для комплекса Карасуыр. Они имели китайское происхождение, относились к категории дорогих вещей. Между коленными суставами ног погребенной лежало бронзовое зеркало, отражающей стороной вверх. На обратной стороне в рельефе изображена сцена в саду, с различаемыми фигурами зайца, женщины, коленопреклоненного мальчика, летящих лебедя и дракона. Подобные зеркала датируются периодом династий Сун-Цзинь (907–1279 гг.) [22 с. 31, 123]. Ручка у

зеркала была обломлена. В задачу нашей статьи не входит интерпретация семантики изображенной сцены. Следует отметить, что и в этом случае, как и в сооружениях 5 и 7 предмет находился по центральной линии дна погребения, а не справа или слева. Другой ценностной вещью была чаша, скорее всего металлическая, покрытая цветной эмалью, лежащая у костей стопы левой ноги. Она была взята монолитом для реставрации.

Под черепом погребенной была зафиксирована подложка из гипса. Поэтому череп находился в приподнятом состоянии по отношению к костяку. Возможно, это была имитация подушки под голову, которая, сделанная из разных материалов – дерева, бамбука и даже нефрита, бронзы и фарфора, была распространена в древнем Китае [23]. Есть китайская идиома, которая буквально означает «подложить высокую подушку под голову и не беспокоиться». Она используется для описания мирной и беззаботной жизни [24]. Кем была эта женщина в военном отряде? Почтенный возраст, сопровождающий инвентарь указывают на ее знатное и, скорее всего, немонгольское происхождение.

Второе женское погребение (сооружение 3) расположено ниже по ложбине. По характеру погребального инвентаря условно обозначено как погребение «шаманки» в возрасте *Senilis* (старше 60 лет), по антропологическому типу – монголоид. Гадальные и предметы-обереги – баранья лопатка, амулет из птичьей косточки, проколка – лежали на предплечье кости правой руки. В районе тазовой кости и левой ноги присутствовало бронзовое зеркало, повернутое отражающей стороной вверх и железное кольцо. С орнаментированной стороны (концентрические окружности) зеркало имело петлю для крепления на пояс или одежду. Ближайшие аналоги данному изделию известны в материалах могильника Нураталды-2 [14 с. 213, рис. 4–5]. Одежда шаманов традиционно декорировалась подвешенными зеркалами, бляшками, колокольчиками и кольцами, которые издавали при исполнении ритуала шум для отпугивания злых духов [25]. Если баранья лопатка как шаманский «инструмент» имелась в погребальном инвентаре мужчин (сооружения 5, 7), то птичья косточка (локтевая, водоплавающей птицы?) белого цвета (возможно выбеленная) найдена только в этом погребении. Такие косточки считались амулетами. Известен исторический эпизод, когда Чингизхан и Джемуха обменялись птичьими косточками в знак побратимства и оберега друг друга [26]. Проколка, по всей видимости, имела отношение к предметам-оберегам, как любое острое в ритуалах традиционных культур.

Главная вещь-знак, который отличает женские погребения от мужских – это зеркало и отсутствие предметов военного снаряжения и буддистской атрибутики. Кем были эти женщины почтенного возраста в военном отряде? Явно они имели свой статус. По возрасту (больше 60 лет) они были значительно старше захороненных мужчин. Видимо, существовала социальная причина их присутствия в этом военизированном сообществе. Женщины в Монгольской империи делили с мужчинами повседневные обязанности и тяготы степной жизни. Имели значительные права, могли владеть собственностью и наследовать ее, участвовать в религиозных церемониях и могли быть шаманами, участвовали в государственном управлении [27]. В качестве гипотезы предлагается такая трактовка статусов захороненных женщин. Знатная дама-китайка, могла иметь отношение к родовитым кругам, связанных с империей Юань (сооружение 2). Шаманка была предсказателем, целителем, магическим защитником воинского сословия (сооружение 3).

Заключение. Знаковое представление воинства Улуса Джучи в мемориально-ритуальном комплексе Карасуыр. Обрядовая особенность комплекса, его ситуативное местонахождение в «ландшафте смерти» сопки Карасуыр, возможно, была связана с распространённым среди монголов культом поклонения горе и горным духам-хозяевам [10 с. 239–240]. Погребения демонстрируют, в какой-то степени, структуру военного отряда. Типичный воин монгольской армии представляет собой конного лучника, в амуницию которого входили лук, колчан со стрелами, аркан, нож и сабля [28]. Основу монгольского войска составляли первичные подразделения – десятки, во главе которых стояли десятники, как правило, выходцы из кочевых родов. Воинские погребения могильника Карасуыр, вероятно, относятся к представителям основы монгольского воинства, о которых писал Б. Я. Владимирцов: «На первом месте стоят «простые воины»... По происхождению своему они принадлежали к родовичам различных монгольских родов, не вошедших в степную аристократию, «свободным» и *unaganbogo'l*ам, которые последовали за Чингисом и его родом добровольно. Из их среды выходили десятники и, в более редких случаях, сотники» [29 с. 414].

По всей видимости, воины первичного подразделения монгольской армии нашедшие свое последнее пристанище в ложбинах сопки Карасуыр, умирают от эпидемии [9]. На их костях не обнаружены следы от оружия. Женщины скончались также в результате болезни.

Погребальный инвентарь погребений демонстрирует комплект, состоящий из вещей с буддийской символикой, предметов вооружения, обихода характерных для монгольской кочевой традиции. В ритуалах присутствует религиозный синкретизм ламаизма, сочетающий постулаты тибетского буддизма и языческие рудименты народных верований кочевников.

Литература

1. *Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П., Колбина А.В.* Монгольские воины Улуса Джучи по материалам могильника Карасуыр, Улытау // Археология, этнография и антропология Евразии. 2018. Т. 46. № 2. С. 106–113.
2. *Reimer P. et al.* The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP). *Radiocarbon*. 2020. 62. P. 1-33, <<https://doi.org/10.1017/>>.
3. *Усманова Э.Р., Дремов И.И., Панюшкина И.П.* Монгольские захоронения конца XIII – XIV вв. Могильник Карасуыр, Улытау // Булатинская битва: история исследований. Улытау: Национальный историко-культурный и природный заповедник-музей «Улытау», 2015. С. 162–173.
4. *Лотман Ю.М.* Избранные статьи. Несколько мыслей о типологии культур. Таллинн: Александра, 1992. 479 с.
5. *Дэвис Д.* Смерть, ритуал и вера: риторика погребальных обрядов. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 480 с.
6. *Акишев К.А., Хасенова Б.М., Мотов Ю.А.* К вопросу о монгольских погребениях XIII–XIV вв. (по материалам некрополя городища Бозок) // Бозок в панораме средневековых культур Евразии. Астана: Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, 2008. С. 56–65.
7. *Васильев Д.В.* Исламизация и погребальные обряды в Золотой Орде. Астрахань: Астраханский университет, 2007. 201 с.
8. *Дробышев Ю.И.* Похоронно-поминальная обрядность средневековых монголов и ее мировоззренческие основы // Этнографическое обозрение. 2005. № 1. С. 119–140.
9. *Mühlemann B., Jones T.C., Damgaard P.B., Allentoft M.E., Shevnina I., Logvin A., Usmanova E., Panyushkina I.P.* Ancient hepatitis B viruses from the Bronze Age to the Medieval period // *Nature*. 2018. № 557. P. 418-423.

10. *Содномпилова М.М.* Системы ориентации кочевников Центральной Азии // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. № 1 (3). С. 237–243.
11. *Мыськов Е.П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград: Волгоградский фил. РАНХиГС, 2015. 484 с.
12. *Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие IV в. до н.э.). М.: Восточная литература, 1993. 352 с.
13. *Тишкин А.А.* Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул: Азбука, 2009. 208 с.
14. *Ломан В.Г., Дмитриев Е.А., Кукушкин И.А., Кукушкин А.И.* Золотоордынские погребения могильника Нураталды-2 // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение. Алматы: «Бегазы-Тасмола». 2017. Т. 2. С. 209–218.
15. *Мэнс Г.* Материалы по традиционной похоронной обрядности захчинов МНР конца XIX – начала XX в. // Традиционная обрядность монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1992. С. 112–127.
16. *Шараева Т.И.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX В. – нач. XX в.). Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2011. 223 с.
17. *Туччи Д.* Религии Тибета. СПб.: Евразия. 2005. 415 с.
18. *Бубенок О.Б.* Аланы-Асы в Золотой Орде (XIII – XVвв.). Киев: «Истина», 2004. 324 с.
19. *Дремов И.И., Круглов Е.В.* Этническое и общекультурное в погребальном обряде кочевников улуса Джучи (по материалам кургана 5 могильника Кривая Лука XVI) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. 2023. Вып. 16. С. 391–422
20. Тибетский буддизм, <https://ru.wikipedia.org/wiki/Тибетский_буддизм#>.
21. Хубилай, <<https://ru.wikipedia.org/wiki/Хубилай>>.
22. *Оборин Ю.В., Савосин С.Л.* Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок. Электронное издание. Красноярск, М.: б.и., 2017. 527 с.
23. История – тайны и загадки. Фото, <https://vk.com/wall-42847510_68948>.
24. Китайские идиомы, <<https://www.epochtimes.ru/kitajskie-idiomy-podlozhit-podushku-pod-golovu-ne-bespokoitsya-98965421/0>>.
25. *Хингеева Л.М.* Элементы шаманского костюма в контексте культурно-исторической эволюции бурятского и монгольского народов // Человек и культура. 2023. № 1. С. 67–81.

26. *Дмитриев С.* «К последнему морю» Создание монгольской империи», <https://www.youtube.com/watch?v=w3h_QRvDjcc>.
27. *Почекаев Р.Ю., Почекаева И.Н.* Властительницы Евразии. История и мифы о правительницах тюрко-монгольских государств XIII–XIX вв. СПб.: Евразия, 2012. 384 с.
28. *Горелик М.В.* Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: Изд-во Восточный гарнизон, 2002. 87 с.
29. *Владимирцов Б.Я.* Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Восточная литература, 2002. 557 с.

Табл. 1. Расположение погребений относительно высоты в ложбинах

	Ложбина № 1	Ложбина № 2	Ложбина № 3	Исключение
Сооружение 1 (2023 г.) Male Adultus	Первая точка			
Сооружение 2 (2023 г.) Female Senilis		Вторая точка		
Сооружение 3 (2023 г.) Female Senilis		Третья точка		
Сооружение 4 (3 – 2011 г.) Male Adultus			Первая точка	
Сооружение 5 (1 – 2011 г.) Male Maturus II			Вторая точка	
Сооружение 6 (5 – 2011 г.) Male Maturus II			Третья точка	
Сооружение 7 (4 – 2023 г.) Male Maturus I			Четвертая точка	
Сооружение 8 (2 – 2011 г.) Male Maturus II				Отдельно вне ложбины, на другой стороне сопки

Табл. 2. Размещение основных вещей погребального инвентаря относительно левой стороны тела.

Левая сторона					
Желез. стрелы	Кост. стрелы	Накладка лук	Ножны/ нож	Кресало	
Колчан	Колчан	Рука/нога	Нога / рука	Рука	Нога
<i>Соор. 5 (рука)</i> <i>Соор. 4 (нога)</i> <i>Соор. 8 (рука)</i>	<i>Соор. 8 (рука)</i>	<i>Соор. 8 (рука)</i> <i>Соор. 4 (нога)</i>	<i>Соор. 1 (нога)</i> <i>Соор. 5 (нож, рука)</i>	<i>Соор. 7</i> <i>Соор. 8 (фрагмент)</i>	<i>Соор. 6</i>
Фраг. доспеха, голова		Чаша, ступни ног	Зеркало таз, нога	Стремя, стена	Буд. вещи голова
<i>Соор. 5, соор. 8</i>		<i>Соор. 2</i>	<i>Соор. 3</i>	<i>Соор. 1</i>	<i>Соор. 8</i>
				Желез. стрелы, стена	
				<i>Соор. 7</i>	

Табл. 3. Размещение основных вещей погребального инвентаря относительно правой стороны тела.

Правая сторона			
Желез. стрел	Накладка лук	Ножны/ нож	Кресало
Нога/ рука	Нога	Рука	Рука
<i>Соор. 1 (ноги)</i> <i>Соор. 7 (рука)</i>	<i>Соор. 1</i>	<i>Соор. 4</i>	<i>Соор. 5</i>
Проколка	Лопатка МРС	Удила голова	
<i>Соор. 6 (таз)</i>	<i>Соор. 3, 5, 7</i>	<i>Соор. 7</i>	
	Амулет, острие <i>Соор. 3 (рука)</i>	Бронзовая пластина	
	<i>Соор. 3</i>	<i>Соор. 7</i>	

Табл. 4. Размещение основных вещей погребального инвентаря относительно центральной линии дня погребения.

Другое положение: центр				
Между коленями	Зеркало	<i>Соор. 2</i>		
Между берцовыми костями	Астрагал с насечками	<i>Соор. 5.</i>	Бронзовый конус	<i>Соор. 7</i>
Под головой	Стремена	<i>Соор. 7</i>		



Рис. 1. Мемориально-ритуальный комплекс Карасуыр. Улытау.
Вид погребального сооружения в ложбине.



Рис. 2. Карасуыр. Сооружение 5. Фрагменты ламеллярного доспеха.



Рис. 3. Карасуыр. Сооружение 2. Вид погребения.

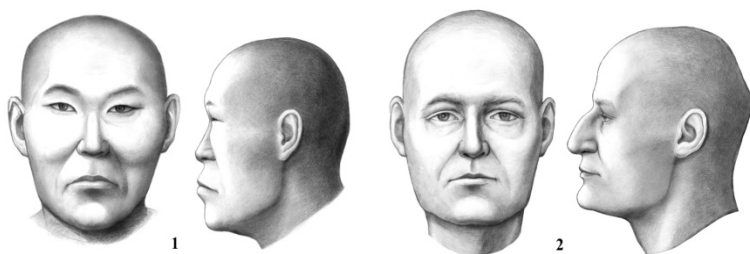


Рис. 4. Карасуыр. Графические реконструкции лиц по черепам, Е.А. Алексеева (Институт проблем освоения Севера СО РАН, Тюмень): 1 – сооружение 5; 2 – сооружение 6.

Посмертные трепанации черепа в тесинское и таштыкское время
(Минусинская котловина)¹

Е.Н. Учанева

*Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, ucha.89@mail.ru*

А.А. Малютина

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, kostylanya@yandex.ru

В.С. Бусова

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, kulturnijkarman@gmail.com

Введение

Посмертная трепанация черепов умерших людей связана, в первую очередь, с погребальными ритуалами и, вероятнее всего, она производилась для извлечения мозга из черепа. На территории Саяно-Алтая и Центральной Азии обнаружены многочисленные археологические памятники с погребенными, на черепахах которых фиксируются трепанации, что говорит о широком распространении здесь этого обычая в древности [1; 2; 3; 4]. У населения Минусинской котловины (Республика Хакасия) последних веков до н.э. – первой половины I тыс. н.э. трепанация черепа – это неотъемлемый этап манипуляции с телами умерших. Наибольшее распространение этот обычай находит в раннетесинских склепах (III-I вв. до н.э.), где трепанация зафиксирована на большинстве черепов. Для населения, оставившего таштыкские грунтовые могилы I-IV вв. н.э., посмертная трепанация также является важной частью погребальных традиций.

Черепки из памятников тесинской и таштыкской культур со следами посмертных нарушений целостности мозговой коробки были впервые исследованы с помощью методов трасологии, что позволило определить инструменты, способы и последовательность приёмов воздействия на кость по сохранившимся на ее поверхности следам. Полученные выводы позволили соотнести особенности тесинских и таштыкских традиций, связанных с манипуляциями с телами после смерти.

Материалы и методы

Курган-склеп Большое Русло (Сабинка-II) находится на территории Означенской оросительной системы (Республика Хакасия), в 2-х км к северу от села Сабинка. Раннетесинский склеп был раскопан 1-м отрядом Среднеенисейской археологической экспедиции под руководством Н.Ю. Кузьмина в 1984 г. [5 с. 284]. В кургане находилась одна коллективная могила-склеп III вв. до н.э. – I в. н.э. и несколько впускных могил более позднего времени. Антропологический материал хранится в фондах МАЭ РАН (Колл. МАЭ № 7421).

Оглахтинский грунтовый могильник расположен в Сарговом логу на берегу Енисея (Республика Хакасия). Могильник имеет длительную историю изучения, которая начинается в 1902-1903 гг. с раскопок А.В. Адрианова. В 1969-1973 гг. раскопки продолжались под руководством Л.Р. Кызласова, а в последние годы могильник изучался Е.В. Водясовым [6]. Относится к раннему этапу таштыкской культуры и имеет датировки II-IV вв. н.э. Антропологический материал (как и предметные находки) хранятся в разных музеях страны: НИИ и Музей антропологии МГУ (Москва), Красноярский краевой краеведческий музей (Красноярск), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург), Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург), Государственный исторический музей (Москва).

Для всех изученных краниологических материалов были даны половозрастные определения. Для каждого трепанационного отверстия фиксировались локализация (какие кости мозговой коробки были затронуты в результате преднамеренного разрушения черепа), минимальный и максимальный размер, форма отверстия.

Трасологическое исследование проводилось с помощью сочетания методик археологической трасологии и судебной криминалистики [7; 8]. В общих чертах анализируемые посмертные трепанации являются результатом рублено-вдавленного перелома, для выполнения которого применялись косо- или прямонаправленные удары металлическим предметом, выполненные в определенном порядке.

Подробное описание методических аспектов исследования, а также применяемых технических средств и программного обеспечения смотри в опубликованных ранее статьях [9; 10].

Результаты

Могильник Большое Русло (Сабинка II). В могильнике Большое Русло было изучено 138 индивидов, следы манипуляций с черепом зафиксированы у 56. Распределение по полам в серии примерно

одинаковое (58 мужчин и 51 женщина), такое же, примерно равное, распределение остается и среди трепанированных черепов. Встречаемость трепанированных черепов в серии составляет 40,6%, что не очень много по сравнению с другими раннетесинскими сериями [9 с. 145]. Однако такой низкий процент может быть связан с фрагментированностью краниологических материалов, что не позволяет зачастую установить точно, была ли на черепе трепанация. Наиболее часто встречается височно-теменная локализация трепанаций (с правой и левой стороны). Гораздо реже в серии представлены трепанации в затылочной области. Форма отверстий округлая или подовальная.

Трасологический анализ позволил установить, что для трепанаций использовались металлические орудия с желобчатым или прямым краем. В могильнике Большое Русло большинство трепанаций выполнены орудием с желобчатым краем (53 черепа, или 94,6 %), а прямым лезвием всего 4 отверстия – 7,1%. Встречаются черепа, на которых присутствуют следы использования обоих типов орудий.

На многих черепах наблюдается износ поверхности края трепанационных отверстий. Общими чертами износа являются округлая, сглаженная поверхность краёв отверстий, их заполировка и блеск. Этот факт является свидетельством того, что после проделывания отверстий с черепной коробкой умершего выполняли и другие манипуляции, в результате которых происходила завальцовка внешних поверхностей трепанационных отверстий.

Наличие террасовидных изломов и насечек с задирами говорит о свежем состоянии кости в момент трепанации.

В целом наличие порезов и насечек на кости (вокруг отверстий) не фиксируется, что говорит о том, что специально кожу перед трепанированием не удаляли. Исключением является один череп мужчины (МАЭ № 7421-18), у которого при отсутствии трепанационного отверстия на правой теменной кости зафиксированы три тонкие параллельные нарезки.

Схожие результаты наблюдаются среди других раннетесинских склепов – Степновка-II и Белый Яр-VI [9].

Оглахтинский грунтовый могильник. Всего из Оглахтинского могильника исследовано 29 черепов (все сохранившиеся черепа). Трепанации зафиксированы на 21 черепе, что составляет 72,4%. Распределение по полу в серии следующее: 8 мужских и 17 женских черепов. Трепанации присутствуют на черепах обоих полов.

Основная локализация отверстий в таштыкское время – затылочная кость, иногда с захватом одной или обеих теменных костей. Единственный случай височно-теменной трепанации зафиксирован у мужчины из погребения 1969/4 (ГЭ). Еще одно исключение – трепанация на теменной кости 10-11 мм диаметром, предположительно, была выполнена при жизни индивида с медицинскими целями (череп из могилы 2021/2, ск. 1 (МАЭ РАН)). Наиболее распространенная форма – подовальная.

Трасологическими методами были исследованы 19 черепов.

Кость на момент трепанирования сохраняла пластичность, о чем свидетельствует замятость наружной компактной пластины.

Подавляющее большинство отверстий выполнено способом прорубания с последующим выломом фрагмента внутрь или наружу (лишь в одном случае была использована техника прорезания, а прижизненная трепанация выполнена способом сверления). Удары наносились прямым лезвием. Примерное количество ударов, которое удалось реконструировать по следам на черепах – от 9 до 15.

Примерно у половины черепов наблюдается равномерная заглаженность краёв отверстий. В остальных случаях сохранность не позволяет установить, были ли края сглажены. В трех случаях фиксируется сильная сглаженность, завальцованность края, блеск в результате интенсивного трения. Это указывает на последующие длительные манипуляции с головой умершего, которые не ограничивались извлечением мозга. Скальпирование трепанированного участка не производилось.

Среди затылочных и затылочно-теменных трепанаций был выделен особый вариант, расположение которого приурочено к затылочной кости с захватом основания черепа – «глубокие» трепанации [10 с. 254]. Данный вариант, на наш взгляд, требовал предварительного удаления поверхностных и глубоких мышц шеи и головы.

Инструменты, типа долота, использованные для операции, имели прямые или слегка изогнутые (желобчатые) лезвия, о чем свидетельствует ровное дно насечек – надрубов, ровные и прямые борта срезов врубов и разрубов и их острые концы. Реконструируемая длина лезвия – от 10 до 20 мм. Угол приложения лезвия к черепной коробке был разным – как прямым (90°), так и под наклоном (45-60°).

Инструменты для трепанирования. Погребальный инвентарь тагарской культуры, в том числе на тесинском этапе, не содержит

никаких инструментов, похожих на медицинские. В тесинские склепы обычно клали уменьшенные копии бронзовых предметов. В таштыкские погребения специальные инструменты или полновесные предметы вооружения не помещались вовсе. По нашим наблюдениям инструменты, которые использовались для посмертных трепанаций, могли иметь довольно широкий спектр применения в быту и, по видимому, были схожи в тесинское и таштыкское время. Поэтому мы обратились к коллекциям подъемного материала, датируемым тагарским временем. Эти коллекции хранятся в Минусинском региональном краеведческом музее им. Н.М. Мартянова и Хакасском национальном краеведческом музее им. Л.Р. Кызласова.

Несмотря на различную длину, ширину и глубину дугообразных зарубок на черепах из могильника Большое Русло, мы пришли к выводу, что для операций использовались однотипные желобчатые инструменты с различной шириной дуги лезвия. Отбирались также предметы типа долота с прямым лезвием.

Отобранные инструменты фотографировались, замерялись и оборачивались в пищевую пленку для того, чтобы сделать отпечаток рабочего края (лезвия) в отвердевающей на воздухе пасте для моделирования. Фото приведены в статье [9 с. 166-167].

Предполагается, что для удобства во время использования металлическое лезвие долота (прямое или желобчатое) было насажено на деревянную рукоять. По этому предмету и наносились удары, что обеспечивало контролируруемую постановку лезвия на черепе.

Выводы

На территории Минусинской котловины посмертные трепанации черепа фиксируются еще в эпоху бронзы – в Окуневской культуре [11 с. 133]. Однако существенный хронологический разрыв не позволяет связывать появление трепанаций в Минусинской котловине на рубеже эр с окуневским населением. По данным палеоантропологии в раннетесинских склепах эта традиция появляется с приходом в Минусинскую котловину мигрантов с территории Горного Алтая и Средней Азии [12]. Затем эта традиция, претерпевая некоторые изменения, переходит в таштыкское время.

Исследованные трепанации, характерные для тесинского и таштыкского населения Минусинской котловины, имеют целый ряд общих черт:

1. Высокий процент встречаемости черепов с трепанациями в раннетесинских склепах и Оглахтинском грунтовом могильнике

свидетельствует о том, что такая манипуляция с головой умершего человека – это неотъемлемая черта погребального обряда.

2. Общей чертой является постмортальный характер проведения трепанаций. При этом кость имела довольно свежее состояние, а мягкие ткани для проведения трепанации с головы не удалялись. Доказательством того, что компакта кости была в свежем состоянии, является наличие на черепах специфических насечек с задиrom и террасовидных изломов.

3. Не вызывает сомнения, что процесс создания трепанаций производился людьми, обладающими навыками подобной работы. Для проведения подобной операции необходимо было понимание строения костей черепа.

4. И в тесинское, и в таштыкское время для трепанирования, вероятно, использовали схожие типы орудий – это долотовидные металлические топоры-тесла с желобчатым или прямым краем. Такие инструменты чаще всего соотносят с деревообработкой.

Однако необходимо отметить и некоторое отличие, зафиксированное нами при сравнении трепанаций из могильников Большое Русло и Оглахты, – это разная локализация отверстий на черепах. У представителей тесинской культурной традиции, несмотря на наличие затылочных трепанаций, наиболее часто отверстия встречаются в височно-теменной области. Выбор именно этого участка черепа может быть связан с тем, что в данном месте кость тонкая, что упрощает процесс вскрытия мозговой коробки. В таштыкское время почти все изученные трепанации зафиксированы в затылочной области. Смена локализации трепанаций, на наш взгляд, может быть связана с тем, что со временем менялась практическая функция и, возможно, значение этой части погребального ритуала. В тесинское время трепанация носила, вероятно, единственный практический смысл – извлечение мозга. В таштыкское время, когда процесс вскрытия черепной коробки становится более трудоемким (т.к. затылочная кость намного толще и прочнее костей в височно-теменной области), трепанация, возможно, приобретает дополнительные функции. Кроме извлечения мозга, это могла быть, например, фиксация головы при выставлении мумии перед погребением.

Литература

1. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.: Наука, 1953. 402 с.

2. Баркова Л.Л., Гохман И.И. Еще раз о мумиях человека из Пазырыкских курганов // АСГЭ. 2001. Вып. 35. С. 78-90.

3. Чугунов К.В. Могильник Догээ-Баары 2 как памятник начала уюкско-саглынской культуры Тувы (по материалам раскопок 1990-1998 гг.) // Сборник научных трудов в честь 60-летия А.В. Виноградова / Отв. ред. С.В. Хаврин. СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007. С. 123-144.

4. Китов Е.П., Китова А.О., Оралбай Е. Посмертные манипуляции с костями человека (данные о мумификации) у населения Центральной Азии в раннем железном веке // Актуальные вопросы судебной медицины и экспертной практики. 2008. № 14. С. 202-210.

5. Кузьмин Н.Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

6. Водясов Е.В., Панкова С.В., Зайцева О.В., Вавулин М.В. Оглахтинский могильник: история открытий, планиграфия и современное состояние // Сибирские исторические исследования. 2021. № 3. С. 6-23.

7. Семёнов С.А. Первобытная техника (опыт изучения древнейших орудий и изделий по следам работы) (МИА. № 54). М., Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 240 с.

8. Медико-криминалистическая идентификация. Настольная книга судебно-медицинского эксперта / Под ред. В.В. Томилина. М.: НОРМА-ИНФРА, 2000. 472 с.

9. Гиря Е.Ю., Учанева Е.Н., Малютина А.А., Бусова В.С., Лазаретова Н.И. Трасологическое исследование следов трепанации на черепах из могильников Белый Яр-VI, Степновка-II, Большое Русло (тесинский этап тагарской культуры) // Первобытная археология. 2020. № 1. С. 135-171.

10. Учанева Е.Н., Малютина А.А., Панкова С.В. Трасологическое изучение посмертных трепанаций на черепах из таштыкского грунтового могильника Оглахты // Сибирские исторические исследования. 2023. № 3. С. 236-271.

11. Лазаретова Н.И., Малютина А.А. Трепанации как особенность погребальной традиции в позднекунеевское время: трасологическое исследование антропологических материалов из могильника Итколь II // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 132-135.

12. *Учанева Е.Н., Казарницкий А.А., Громов А.В., Лазаретова Н.И.* Население Минусинской котловины в раннем железном веке: к вопросу о внутригрупповой и межгрупповой изменчивости // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1(36). С. 78-87.

К вопросу о необходимости изучения рвов в курганах ямной культуры Приуралья

Файзуллин А.А.¹

*Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, faizullin.airat@yandex.ru*

Курган – яркий феномен духовной культуры многих древних народов. Изучение архитектуры курганов в последнее время является актуальной задачей для исследователей бронзового века. Именно в бронзовом веке степной зоны Евразии курганный обряд является доминирующим погребальным обрядом. Истоки курганного строительства относят к позднему энеолиту [1 с. 16], а начало повсеместного распространения такого обряда происходит в эпоху раннего бронзового века [2 с. 122]. При исследовании курганов в советское время, при условии объемов работ в новостроечных экспедициях, описанию рвов и их планомерным исследованиям не уделялось должного внимания. Изменения методики раскопок и комплексные исследования последних десятилетий позволяют поставить вопрос о необходимости изучения рвов, как неотъемлемого элемента курганной архитектуры ямной культуры. Выборка представлена 8 курганными могильниками ямной культуры Приуралья (Мустаево, Шумаево, Красиково, Калмыцкая шишка, Першин, Скворцовка, Болдырево IV, Каликино), в которых были изучены все архитектурные особенности курганов, в том числе и рвов.

В курганном могильнике Мустаево раскопано 4 кургана ямной культуры [3 с. 6]. Рвы обследованы на уровне материка, а глубина рвов получена путем прокопки вдоль бровки по северной и южной части. Одна насыпь (курган 12) была сооружена без устройства рва вокруг

© Файзуллин А.А., 2024

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-68-10006 «Этнокультурные процессы в бронзовом и раннем железном веке в свете междисциплинарных исследований в Южном Приуралье».

насыпи, возможно из-за малых размеров самого кургана (диаметр – 14 м, высота – 0,1 м). Три из них были окружены рвами (курганы 1, 8, 9). Размеры курганов различны. Самый большой курган 1, диаметр которого составлял 28 м, а высота до 2,2 м. Максимальная ширина кольцевого рва составляла 10 м, а его максимальная глубина 1,5 м (рис. 1, 4). Во рву были обнаружены следующие предметы: фрагмент керамики, орнаментированный резными линиями, предмет из красного песчаника, по форме похожий на навершие в виде головы птицы или лошади, и наконечник кайла (рис. 2, 21). Курганы 8 и 9 схожи по размерам. Высота насыпей от 1 до 1,3 м, а диаметр 20-21 м, при этом есть сходство и в строении рва: ширина 5-6 м, а максимальная глубина 1,4 м. Находок в заполнении рва не обнаружено.

Схожие по строению конструкции рвов обнаружены в одиночном кургане Шумаево II, в курганных могильниках Шумаево II и I [4 с. 200]. Близкое расположение могильников позволяет рассматривать их суммарно. Рвы обследованы на уровне материка, а глубина рвов получена путем прокопки вдоль бровки по северной и южной части. Курганы в могильниках имели разные размеры, от 20 м в диаметре и высотой 0,4 м, до 44 м в диаметре и высотой до 3 метров. Рвы, обнаруженные в могильниках, имели кольцевую конфигурацию. Ширина рвов зависела от размеров кургана (рис. 1, 1). Так, к примеру, самый большой Шумаевский одиночный курган (диаметр 44 м, высота 2,8 м) достигал в ширину до 8 м, а самый маленький курган 3 Шумаевского II могильника (диаметр 20 м, высота 0,4 м) имел ширину от 3 до 5 м. Во рвах обнаружены артефакты. В кургане 2 Шумаевского I могильника обнаружен фрагмент керамики, в кургане 4 того же могильника фрагмент керамики и кости животных. В кургане 6 II Шумаевского могильника в северной части рва в небольшом углублении обнаружен сосуд синташтинской культуры.

При охранно-спасательных работах ограбленного одиночного кургана Калмыцкая шишка была обследована нетронутая грабителями восточная часть рва [5 с. 43]. Данный курган имел внушительные размеры – диаметр 32 м и высоту 2,8 м. Западная часть кургана потревожена грабительскими вкопами экскаватором. Рвы обследованы

на уровне материка, а глубина рвов получена путем прокопки вдоль бровки по северной и южной части. В восточной части кургана был обследован кольцевой ров шириной до 6 м и максимальной глубиной до 2,5 м от уровня погребенной почвы.

В курганном могильнике Першин небольшой курган ямного времени (диаметр 10 м) окружал неглубокий незамкнутый кольцевой ров [6 с. 65]. Он был полностью прокопан. Его максимальная ширина составляла 1 м, а глубина 0,5 метров от уровня материка.

Кольцевые рвы обнаружены в двух курганах в могильнике Красиково. В кургане 1 (диаметр 28 м, высота 1 м) на уровне материка неглубокий ров определялся в виде девяти ям неправильной формы шириной 3-5 м и глубиной от 40 см до 1 м. В западной части рва обнаружен развал сосуда и 3 фрагмента керамики. Возможно, на уровне погребенной почвы ров имел форму кольца [7 с. 13]. В кургане 2 (диаметр 24 м, высота 0,8 м) обнаружен кольцевой ров с аморфными границами (рис. 1, 3). Он прослежен по всей площади за исключением юго-восточной части. Ширина рва от 2 до 3 м, глубиной до 1,5 м. В заполнении рва были обнаружены разнообразные артефакты (орудия из кремня, керамика, кости) (рис. 2, 1-18).

В курганном могильнике Скворцовка были обнаружены рвы другого типа: кольцевые рвы с перемычками из ям (рис. 1. 2). В данном могильнике исследовано 5 ямных курганов [8 с. 150]. Рвы обнаружены в курганах 5, 6 и 7. Курганы имели схожие размеры (диаметр 30-32 м и высота до 0,8 м) и конструкции рвов вокруг насыпей. Рвы, обнаруженные на уровне материка, представляли неглубокие ямы (глубиной до 0,6 м от материка), которые расположены по кругу. Рвы прокопаны полностью. Между ямами прослежены перемычки. В кургане 5 в одной из ям обнаружены кости животных.

Интерес вызывает конструкция рвов в монументальном комплексе кургана 1 курганного могильника Болдырево IV. Высота кургана составляла более 4,2 м, а диаметр около 60 м. Курганы такого размера уникальны для данного региона. Уникальность его в том, что он создавался в четыре этапа в период раннего бронзового века. Вначале были совершены погребения под двумя небольшими насыпями,

которые перекрывали погребения 3 и 4, а затем между ними было совершено погребение 5 [9]. Оно, вместе с двумя первыми насыпями, было перекрыто одним большим курганом. Последующая досыпка была сооружена не как погребальная, а предположительно для подновления и ремонта уже стоявшего кургана (рис. 1, 5). Погребения 3 и 4 совершены под небольшими насыпями 1 и 2 (диаметр до 15 м, высота около 1 м). Насыпи были окружены рвами, состоящими из отдельных ям корытообразной формы глубиной до 1,0 м от уровня погребенной почвы. В ямах найдена керамика, схожая по технологии изготовления с керамикой в погребении [10 с. 265], и кости животных. Захоронения под этими насыпями принадлежали детям-родственникам в возрасте до 5 лет [11 с. 116].

Самую большую насыпь окружал уже кольцевой ров. Ров обследован на уровне материка, а глубина рвов получена путем прокопки вдоль бровки по северной и южной части. Ширина рва на уровне погребенной почвы колебалась в пределах от 11 до 15 м. От уровня погребенной почвы глубина рва в южной части достигала 2,5 – 3 м, в северной части – около 3 м. Какие-либо артефакты при прокопке рва не обнаружены. Таким образом, в стратифицированном кургане обнаружено два конструктивных типа рвов: единые кольцевые рвы и рвы, состоящие из ряда ям окружающие насыпь.

В ямных комплексах курганной группы у села Каликино обнаружены курганы со рвами и без них. Курганы по своим размерам небольшие: диаметром от 25 до 35 м и высотой до 1 м. В четырех курганах (1,4,5,7) рвы были исследованы полностью. В кургане 4 и 7 обнаружены кольцевые рвы с перемычками из ям [9]. Ширина ям составляла до 2,6 м, а глубина 1,2 м. Необходимо отметить, что при зачистке на уровне погребенной почвы рвы имели форму замкнутого кольца. В древности, возможно, на уровне дневной поверхности, ров имел именно такую форму.

В курганах 1 и 5 исследованы кольцевые рвы, края которых имели неправильные формы. Максимальная ширина рвов 2 м, а глубина 0,7 м. В связи с тем, что рвы в курганах имели небольшие перепады глубин по дну, можно сделать вывод, что грунт из рва вынимался равномерно. В

курганах 1 и 7 во рву обнаружены орудия из камня. Трасологический анализ данных изделий показал [12 с. 262], что обнаруженный в кургане 7 камень использовался как кузнечный молот (рис. 2, 25). Камни из рва кургана 1 определены как отбойники по камню (рис. 2, 22-24) и как пест для перетирания растительных материалов.

Ближайшая аналогия Приуральским кольцевым рвам обнаружена в Средневолжском регионе. В курганном могильнике Бобровка I, были изучены все конструктивные особенности рвов [13 с. 146]. Современный диаметр кургана 1 составлял 42 м, а высота 0,8 м. Под насыпью кургана обнаружен ров округлой (несколько неправильной) в плане формы. На уровне древней поверхности, погребённой под первичной насыпью кургана, ширина рва колебалась в пределах 2,0–3,5 м. Общая глубина рва, считая от древней поверхности, варьировала в интервале от 0,71 м до 1,15 м. На уровне материка кольцо рва было разомкнуто в четырёх местах. Авторы раскопок предполагают, что на уровне дневной поверхности перемычек не существовало, так как ширина перемычек небольшая (20–40 см). В наклонные стенки рва были врезаны четыре ступеньки с горизонтальными или слабо покатыми поверхностями. На подобной ступеньке, в северо-восточном секторе рва обнаружены лежащие в беспорядке кости ребёнка в возрасте менее 6 месяцев и кости конечностей овцы. Описанный комплекс, скорее всего, следует рассматривать в качестве остатков жертвоприношения.

Таким образом, изучение конструктивных особенностей рвов показало, что в первую очередь грунт из рвов использовался для насыпки курганов. Это доказано стратиграфическими наблюдениями и почвоведческими исследованиями. Наряду с этим, есть объективная закономерность, чем шире и сильнее заглублен в материк кольцевой ров, чем выше курганная насыпь. Сама конфигурация рвов связана с размерами насыпи. Возможно, на уровне дневной поверхности все рвы имели форму замкнутого кольца. Такие выводы получены при зачистке подкурганной поверхности могильников Болдырево и Каликино на уровне погребённой почвы и предматерикового слоя, и фиксация зачистки квадрокоптером. На уровне материка было выявлено два способа выемки грунта – равномерная прокопка по кольцу и выемка

грунта из ям или продольных канав вокруг курганной площадки. Первый связан, прежде всего, с крупными курганами, а второй с небольшими насыпями. Необходимо отметить, что рвы вокруг курганов зафиксированы уже на раннем этапе ямной культуры и такая традиция доживает вплоть до эпохи средневековья. Методическая необходимость изучения кольцевых рвов ямной культуры заключается в полном и комплексном изучении архитектуры кургана, а найденные при прокопке артефакты могут дополнить информацию об истории сооружения погребального комплекса.

Литература

1. *Корневский С.Н., Моргунова Н.Л.* К дискуссии о происхождении и культурной принадлежности первых курганов в степях восточной Европы и Предкавказья // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 3. С. 16-27.

2. *Моргунова Н.Л.* Приуральская группа памятников в системе волжско-уральского варианта ямной культурно исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2014. С. 37.

3. *Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В.* Курганный могильник Мустаево // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 7. Оренбург: ОГПУ, 2005. С. 5-49.

4. *Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мещеряков Д.В., Халяпин М.В., Хохлова О.С.* Шумаевские курганы. Оренбург: ОГПУ, 2003. 392 с.

5. *Моргунова Н.Л., Крюкова Е.А.* Курган «Калмыцкая шишка»: из опыта охранных раскопок // Культурно-исторические процессы в казахских степях в древности и средневековье: традиции и инновации. Астана: издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 42-50.

6. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю.* Исследование курганного могильника у села Першин // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург: ОГПУ, 2000. С. 63-84.

7. Моргунова Н.Л., Евгеньев А.А., Крюкова Е.А., Харламов П.В., Файзуллин А.А., Гольева А.А. Курганный могильник Красиковский I бронзового века в Оренбургской области // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 14. Оренбург: ОГПУ, 2019. С. 2-16.

8. Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Дегтярева А.Д., Евгеньев А.А., Купцова Л.В., Салугина Н.П., Хохлова О.С., Хохлов А.А. Скворцовский курганный могильник. Оренбург: ОГПУ, 2010. 160 с.

9. Хохлова О.С., Сверчкова А.Э., Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Мякишина Т.Н. Основные приемы строительства курганов ямной культуры в Южном Приуралье / Основные приемы строительства курганов ямной культуры в Южном Приуралье // Почвы и окружающая среда 2023 Том 6 № 2, <<https://doi.org/10.31251/pos.v6i2.213>>.

10. Салугина Н.П., Моргунова Н.Л., Файзуллина А.А. Новые данные по гончарству ямной культуры южного Приуралья // КСИА. 2023. Вып. 272. С. 261-275.

11. Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Мустафин Х.Х., Альборова И.Э., Киселева Д.В., Четкина О.Ю., Медникова М.Б. О статусе и избирательности детских погребений ямной археологической культуры Южного Урала (по материалам раскопок кургана I группы Болдырево-4) // Вестник археологии, антропологии и этнографии № 3 (62), Тюмень. С. 115-129.

12. Моргунова Н.Л., Файзуллин А.А., Горащук И.В., Семин Д.В. Макролитические орудия труда как особая категория погребального инвентаря в ямной культуре (по данным Оренбургской и Самарской областей) // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 10. Самара: СГСПУ, 2023. С. 130-143.

13. Скарбовенко В.А., Ломейко П.В., Гасилин В.В., Хохлов А.А. Курган эпохи средней бронзы в могильнике Бобровка I на р. Самаре // Вопросы археологии Поволжья. Выпуск 10. Самара: СГСПУ, 2023. С. 144-156.

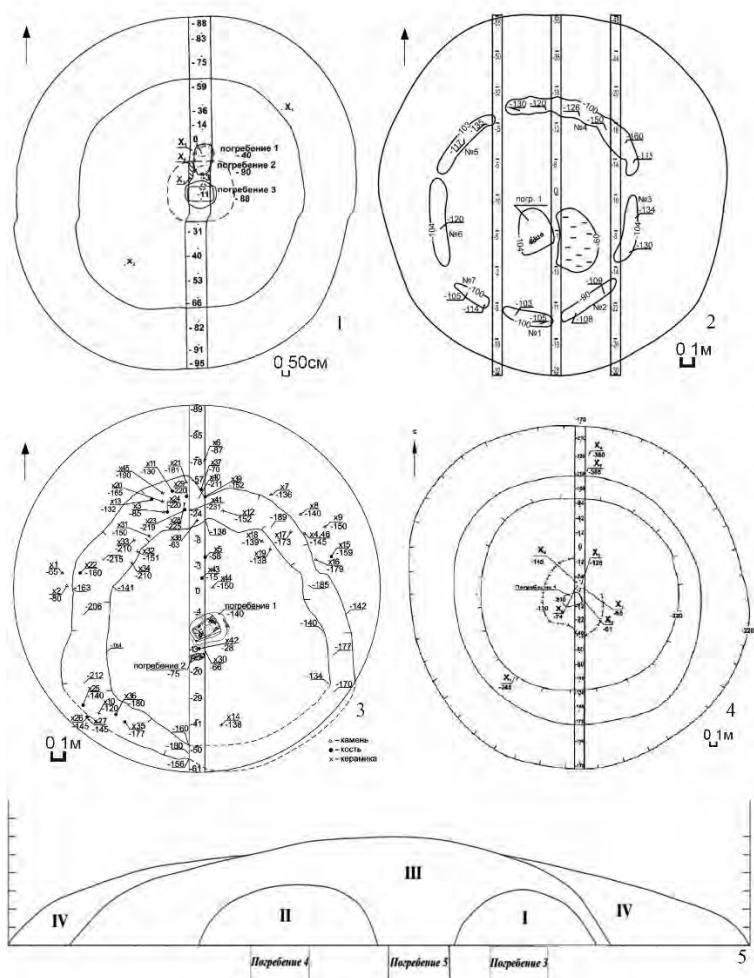


Рис. 1. Рвы в курганных могильниках ямной культуры Приуралья: 1. Шумаевский 1 курганный могильник, курган 1; 2. Скворцовский курганный могильник, курган 7; 3. Красиковский курганный могильник, курган 2; 4. Курганный могильник Мустаево, курган 1; 5. Схема расположения курганных конструкций (КК I-IV) и погребений в кургане Болдырево IV на одной бровке

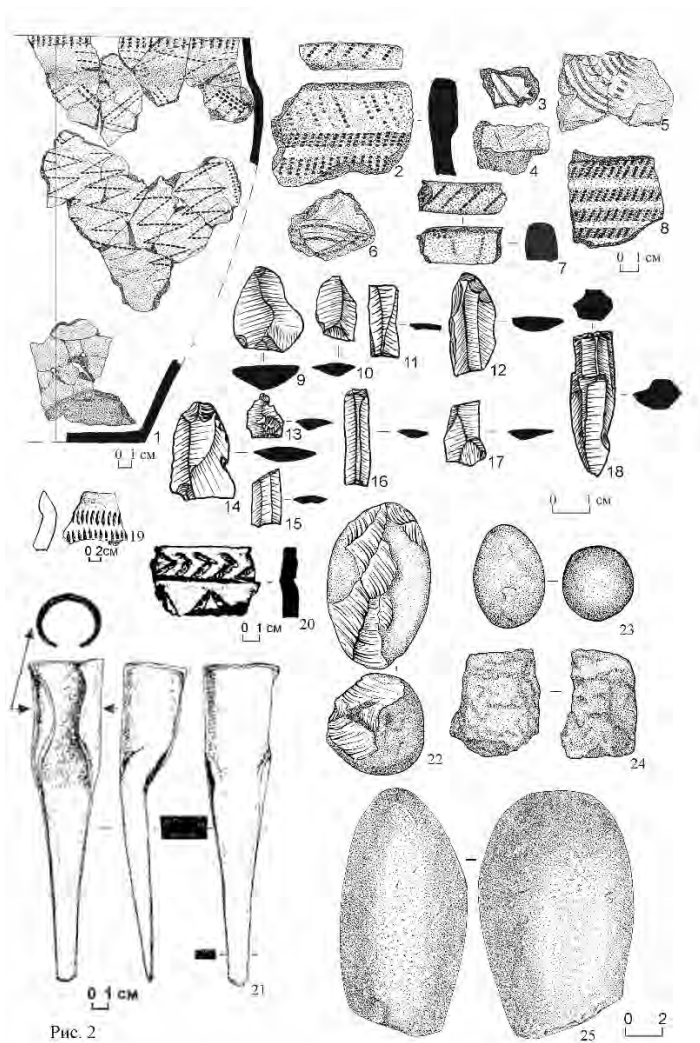


Рис. 2

Рис. 2. Находки, обнаруженные при изучении рвов в курганах ямной культуры Приуралья: 1-18. Курганный могильник Красиково; 19. Курганный могильник Болдырево IV; 20-21. Курганный могильник Мустаево V; 22-25. Курганная группа Каликино

Позднеантичные святилища на Илуратском плато

Ханутина З.В.,

*Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург,
zoe_gmir@inbox.ru*

Хршановский В.А.,

Институт археологии РАН, Москва, vax48@mail.ru

Яценко С.А.,

*Российский государственный гуманитарный университет, Москва,
sergey_yatsenko@mail.ru¹*

Илуратское плато – небольшая плоская возвышенность (до 70 м над уровнем моря), вытянутая с юга на север (1×0,4 км), в 15 км к юго-западу от г. Керчь. Своё нынешнее «историческое» название она получила от боспорского города-крепости Илурат. Его границей на севере - северо-западе является высокий и крутой правый берег некогда полноводной реки (бывшее русло которой ниже по течению именуется Чурбашской балкой), на востоке и юго-востоке - безымянная балка около 1 км длиной. Верховья её лежит в южной части плато; к северо-северо-востоку она понижается до пересечения с Чурбашской балкой. Перепад высоты здесь - не менее 30 м.

Такое удобное для обороны место на возвышенности, с широким обзором было использовано во второй трети I в. н. э., когда здесь был основан городок Илурат, существовавший до 260-х гг. К настоящему времени на Илуратском плато помимо самой крепости открыты и исследованы три участка некрополя: грунтовой на северо-востоке, в низовьях ограничивающей его с востока безымянной балки, скальный на юге - у её верховья и скально-грунтовой на юго-западе. Хронологически его погребальные и поминальные комплексы (более 200), за единичным исключением, вписываются в период существования Илурата до середины III в. н. э. [1 р. 414-446].

Ещё первооткрыватель Илурата Поль Дюбрюкс в начале 1830-х годов на плане Илуратского плато, примыкающего к крепости с востока и юга, обозначил более десятка «кругов» разного диаметра, часть из которых он считал башнями некой внешней оборонительной стены [2, т. I. с. 308-310; т. II. рис. 510]. Первые раскопки «кругов» в конце 1940-х

© Ханутина З.В., Хршановский В.А., Яценко С.А., 2024.

годов провел В.Ф. Гайдукевич. По его мнению, «круги» диаметром от 2-3 до 30 м, отмеченные (и не отмеченные) на плане Дюбрюкса, "не производят впечатления каких-либо монументальных сооружений, могущих иметь военно-оборонительную роль", и являются примитивными ограждениями, сделанными из подручного материала [3 с. 188]. Культурный слой, обнаруженный внутри исследованных «кругов» (зольные отложения, кости животных, фрагменты керамики и кусок каменного жернова) он датировал III-IV вв. или несколько позднее, и считал, что эти конструкции уже не связаны с античным городком. Действительно, два больших «каменных круга», обозначенных еще на плане Дюбрюкса, находились на вершине илуратского зольника; они «лежат на культурных отложениях III в. н. э. и раньше этого времени возникнуть не могли». Исследователь не интересовался формами построек кочевников и их эволюцией, но смело допускал, что «круги» представляют собой «остатки какого-то значительно более позднего кочевнического стойбища» [3 с. 188], ограждения загонов для скота или обрамления юрт раннесредневекового (VIII-IX вв.) времени [4 с. 137-138].

В 1968 г. М.М. Кублановым на восточной стороне балки был обследован ещё один «каменный круг» со скальным основанием, забросанный сверху 1-2 слоями небольших камней. По единичным фрагментам лепной и красноглиняной керамики из верхних слоев «круга», он был датирован VIII-IX вв. По поводу назначения сооружения автор лишь отметил в отчёте, что «круг» не производит впечатления руин какого-либо здания. В 1970-1972 гг. исследовался другой «круг», расположенный на западной стороне балки, у её верховья. Он в процессе работ был назван «святилищем». Время его сооружения, судя по керамическим материалам - III-IV вв., как и у аналогичных сооружений, исследованных В.Ф. Гайдукевичем [5 с. 122, прим. 17]. В нем найден каменный дисковидный алтарь. При перестройке и вторичном использовании сооружения в скальном основании «круга» был вырублен прямоугольник, вытянутый по оси восток-запад, а на полу вырезан так же ориентированный крестовидный знак. Этот «христианский» этап функционирования сооружения датируется V-VI вв. Следы третьего этапа использования здесь относились к хазарскому времени – VII-VIII вв. (подобно «кругам», исследованным В.Ф. Гайдукевичем). В 1979 году на восточной стороне балки были начаты (но не завершены) раскопки ещё одного круглого сооружения (диаметр 7,5-8,5 м), вырубленного в скальном массиве на

глубину около 1 м и в конце функционирования заваленного большими камнями. Датированный материал в нем обнаружен не был.

Итак, до систематических раскопок Илуратского плато (длившихся с 1984 по 2013 г.) В.Ф. Гайдукевичем и М.М. Кублановым было раскопано не менее 8 углубленных в грунт и скалу «каменных кругов», и те, которые поддавались датировке, относились к постилуратскому времени. С 1984 г. в северо-восточной части плато, по обеим сторонам балки было исследовано еще 7 близких по форме, размерам и, видимо, функциональному назначению сооружений: 6 круглых (67, 102, 103, 161, 229, 230), и два прямоугольных (162, 228; первое из них близко к квадрату). Седьмой «круг» доследован в 1984 г. В.А. Горончаровским (без порядкового номера) примерно в 185 м к югу от южной угловой башни городища; в него в раннем средневековье оказалась впущена конструкция с кладкой «елочкой» (рис. 1). Ещё два круглых святилища южнее сооружения 67, к сожалению, были найдены и разорены грабителями.

В процессе исследований стало ясно, что перед нами не жилые комплексы (как до сих пор полагают некоторые коллеги), а именно оригинальные *святилища*. (1). В таких постройках невозможно жить. Так, внутри сооружений 67 и 229 вообще нет горизонтальных поверхностей (в последнем поверхность имела вид воронки). В № 230 круг разделен на две половины сплошной стенкой из камней, на которой лежали две лошадиных челюсти. В 162-м в центре размещен жертвенник-жернов, а поверхность внутри разделена на 4 секции разных размеров. (2). В четырёх сооружениях (1972 г., №№ 67, 162, 229) находились круглые алтари-жертвенники или алтарные конструкции, вырезанные или сложенные из известняка, в №№ 67 и 229 — вырубленные в скале жертвенные ямы - ботросы. (3). Во всех конструкциях находилось значительное количество керамических фрагментов и костей животных (лошадей, овец, коров, свиней и птиц) и нередко – предметы, которые можно трактовать как приношения. (4). Как минимум, в сооружениях 161 и 162 найдены разнообразные следы огня, не сводимые к приготовлению пищи / обогреву жилища. (5). Завершение функционирования этих объектов было одинаковым: их аккуратно завалили камнями и щебнем, что обычно и делалось в конце использования ритуального комплекса.

Сооружение 67 в плане имело круг с внутренним диаметром 6-6,2 м (рис. 2, 1). По всему его периметру сохранилась наружная стена на поверхности на высоту от 0,65-1,5 м и толщиной 0,3-0,6 м. Стены имели

небольшой отрицательный уклон, так что верхние ряды кладки слегка нависали над нижними, и внутренний диаметр с высотой уменьшался. С северо-западной стороны вниз вела лестница из четырёх ступеней. Нижняя лежала на материковой скале, круто понижающейся вниз, к балке; поэтому в западной половине сооружения полом служила скала, а в восточной – суглинок. Кладка начиналась от уровня грунтового пола. В северной части на скале стояли неглубокая «купель», целиком вырезанная из известняка, и блок в форме куба, ориентированный боковыми гранями по сторонам света и, возможно, служивший алтарем. Южнее, ближе к центру, в скале имелось круглое углубление диаметром 0,3-0,4 м, которое могло быть жертвенной ямой – ботросом. В заполнении, в основном – на уровне пола, обнаружено около 900 фрагментов керамики. Более половины из них были представлены обломками амфор римского времени, четверть – фрагментами красноглиняных сосудов и в убывающей пропорции – лепных, краснолаковых и сероглиняных. Обильны и разнообразны здесь же кости домашних и диких животных – лошади, овцы, коровы, зайца, птиц двух видов (в т.ч. очень крупной) и рыб.

Самыми поздними элементами здесь, видимо, были два погребения, впущенные в пол сооружения: детское № 68 и беременной женщины № 69, найденные у восточной стенки ниже уровня пола. Погребённые ориентированы головами на север и северо-восток. К стенке детской могилы снаружи был поставлен лепной сероглиняный горшок. Могила женщины включала деревянный гроб (из кипариса или можжевельника). Ее сопровождали ожерелье с пронизками из золотой фольги, серебряные серьги (?) и колечко, стеклянный кувшин конца IV – первой половины V вв., две небольшие (по 6 см) двупластинчатые бронзовые фибулы с круглыми головками около середины V в. и расколотая медная монета – малый номинал императора Аркадия (395-408) [6 с. 16-27]. Это датирует могилы 1-й половиной – серединой V в. н.э. Вероятнее всего, они были впускными, более поздними, т.к. в остальных исследованных здесь подобных сооружениях погребения не выявлены.

В близких по конструкции, но имеющих различную глубину «каменных кругах» №№ 102, 103, 161 найденный материал не так информативен. Однако везде присутствовали фрагменты амфорной, краснолаковой, красноглиняной и лепной керамики, датирующейся позднеримским временем. Сходен, с небольшими вариациями, был и

репертуар костей животных из грунта заполнения: лошади, овцы, козы, коровы, собаки, свиньи и лисицы.

Сооружение 230 оказалось непохожим на остальные «круги» (рис. 2, 2), т.к. вырублено оно, не в скальном массиве, а в материковом суглинке. Его диаметр 2,5-2,8 м, глубина - около 1,5 м. По окружности котлована шла двухрядная кольцевая кладка высотой до 0,4 м из небольших уплощенных камней. Входной коридор около 1,5х2,1 м (с востока, по линии СВ-ЮЗ) был нарушен грабительским шурфом. Невысокий порог-ступенька отделял от него основное круглое помещение. Вход, вероятно, закрывала подтреугольная плита 1х1 м.

Основное помещение было забросано камнями и щебнем слоем около 0,5 м. Ниже, в северной половине найдено скопление камней, примыкающих к стенке, возможно – остатки алтарной конструкции. Под первоначально предполагаемым полом шла вымостка из небольших плоских обломков известняка, вытянутая с юго-востока на северо-запад (длина около 3 м, ширина – 0,9-1 м). С обеих сторон она на 0,2-0,3 м выходила за пределы помещения, под кольцевую кладку. Вероятно, нижняя часть сооружения была шире, или для вымостки в стене были сделаны подбой. В юго-восточной части, на плоских камнях *in situ* лежали в линию две половинки нижней челюсти лошади. Следы жертвенных действий были и многочисленные кости животных в заполнении: лошади, овцы, козы, коровы и свиньи. Не вполне бытовым был и комплекс найденных вещей. Это два дисковидных камня, диаметром 0,2-0,3 м (они могли использоваться как алтарики), лепной светильник, и более древние «асинхронные» изделия - ножка гераклеийской амфоры IV-III вв. до н. э., фрагментированное кремневое орудие, кремневый отщеп, а также астрагал и обломки гранита.

Остальной вещевой материал, найденный здесь – амфоры конца III - первой половины V вв., Красноглиняная и краснолаковая керамика широко датируется III-IV вв. Однако из верхних слоев происходят также фрагменты стенок гончарного и лепного орнаментированных горшков салтовской культуры VIII-IX вв. [7 с. 142-143] – следы вотивного использования сооружения.

Сооружение 229 состояло в основе из большой «жертвенной ямы», амфитеатром вырубленной в скале. В плане она имела форму овала, вытянутого в направлении ЮВ-СЗ. Её размер в верхней части 3х4 м, в нижней 1,5х2 м, глубина 0,4 м. В дне (около 2 м от дневной поверхности), имелось прямоугольное углубление 1х0,7м, вытянутое в

том же направлении. В заполнении над ямой встречались кости животных (овцы / козы и коровы). Малочисленные фрагменты амфорной (в т.ч. красноглиняной с реберчатым туловом) и лепной керамики, бронзовая пряжка подтверждают позднеантичную датировку. Здесь встречены кости овцы / козы и коровы.

Более интересны элементы сооружения, дополняющие эту яму. С юго-востока к ней подводил вырубленный в скале и плавно понижающийся узкий проход (1х0,4 м) (рис. 3, 1). Западнее ямы устроена полукруглая кладка. В основание её положены крупные известняковые подквадратные блоки, верхний ряд состоял из небольших уплощенных камней. Общая протяженность кладки (упирающейся на севере в выход скалы), около 7 м, ширина – около 1 м. Пять плоских состыкованных плит между кладкой и ямой, видимо, выполняли функцию алтаря (рис. 3, 2). На одной из плит лежали астрагал и раковины крупных улиток, а в грунте около них – череп поросенка. Здесь найдены кости лошади, собаки, свиньи и птицы. К югу от кладки обнаружена ритуальная конструкция в виде круга, выложенного небольшими камнями, диаметром около 1 м.

Сооружение **162** отличалось от большинства своей подквадратной формой (3,5×4 м внутри, немного вытянуто по оси ЮВ-СЗ) (рис. 4, 1). После последнего использования оно также было забросано камнями и щебнем. Полom служила подтесанная скала, глубина – около 0,5 м, а стены сохранились по всему периметру на высоту до 0,7 м. Последние были надстроены однослойной иррегулярной постелистой кладкой из необработанных камней. В нескольких местах обрыва кладки ее заменяли грубо обработанными камнями, поставленными на ребро. У юго-западного угла ко входу шла вымостка из плоских камней. Для спуска устроена лестница из двух ступеней. Костные останки в заполнении сооружения принадлежали 1-3 взрослым лошадям; 2-3 взрослым коровам (корова и бык?) и молодой; 4 овцам и козам, 1-2 свиньям или дикому кабану (?), собаке и птицам.

Интересны здесь внутренние перегородки. Одна из них, подтреугольной формы, была открыта в юго-восточном углу. С ЮВ и СЗ её ограничивала кладка высотой около 0,4 м из небольших плиток и уплощённых камней. С северо-восточной стороны были поставлены вертикально два обожженных камня пирамидальной формы (со сглаженными краями) такой же высоты. Над и внутри перегородки находились печина, фрагменты керамики и кости животных (в т.ч. челюсть коровы). Остальные перегородки были менее выразительны. В

центре на грунтовом возвышении находилось скопление больших камней. Вероятно, это был жертвенник с алтарём. Под ним в 0,2-0,3 м над полом выявлено пятно круглой формы (около 1 м) со скоплением фрагментов керамики и костей. К северу в скальном полу сделана округлая скальная вырубка, соединённая с другой округлой вырубкой большего размера (1,2 м к западу) несколькими неглубокими канавками для стока. Посередине второй вырубке лежал каменный жернов (диаметр 0,52 м), использованный как алтарь (рис. 4, 2); паз для его крепления к вороту был точно ориентирован по линии восток – запад. Под жерновом на фрагментах керамики лежала яйцевидная галька. Ниже под ним в скале была сделана подрубка в форме сектора воронки, завершавшаяся ещё одним округлым углублением.

Подавляющее большинство материальных находок составляли керамические фрагменты. Здесь, как и в позднеантичных ритуальных комплексах Китея, в одном не стратифицируемом слое обломки эллинистических амфор IV-III вв. до н. э. соседствовали с позднеантичными III-IV вв. н. э. Наряду с монетой Савромата I начала II в. н. э. была найдена топорovidная подвеска а виде лабриса длиной около 5 см. В Крыму топорovidные подвески в основном получают распространение после готских походов, в конце III-IV вв. н. э. По самому позднему материалу, не считая нескольких фрагментов с линейно-волнистым орнаментом салтовского времени, святилище № 162 было сооружено в постилуратское время, не ранее конца III - IV в. [8 с. 318-321, рис. 4-8].

Сооружение 228 имело правильную прямоугольную форму и стены из небольших уплощённых камней (рис. 4, 3). Вторично его также использовали «салтовцы» VIII-IX вв. Но есть основания полагать, что оно, как и остальные святилища, появилось в конце III - IV вв. [9 с. 234].

Описанные ритуальные комплексы возникли после гибели Илурата. Они расположены на обоих склонах балки в основном – ближе к северному участку некрополя, с его эффектными склепами 1 и 52, на сходных уровнях 53-56 м. Поселения и погребальные комплексы (за единичным исключением в сооружении 67), потенциально связанные с ними, пока не выявлены.

Близкие по форме круглые сооружения известны и на других античных памятниках Боспора, например – на городище Белинское того же времени (конец III – первая треть IV вв. н. э.) [10 с. 172-172]. Есть и более ранние объекты. Авторы публикации двух сходных круглых

конструкций I-II вв. н. э. в 15 км от Керчи на «Городище 11 км», воздвигаются от их однозначной интерпретации [11 с. 201-212]. Известны подобные эллинистические (IV-III вв. до н. э.) сооружения и на Гераклейском полуострове у Севастополя, где их интерпретировали как зернохранилища [12 с. 408-409, рис. VIII.47.8] или как элементы жилых юртообразных построек VI-VII вв. н. э. [13 с. 140-145].

Думается, о функции таких круглых сооружений нельзя судить только по одному признаку: среди одинаковых по форме могут быть совершенно разные по назначению и использованию. Для их адекватной интерпретации важны как находки из самого комплекса, так и его местонахождение. Круглые и прямоугольные сооружения Илуратского плато, судя по *их контексту*, с высокой вероятностью являются не бытовыми, а сакральными постройками.

Вопрос об их этнокультурной принадлежности остается, но вполне ясные аналогии им как по конструкции, так и по следам ритуалов имеются у ранних кочевников (скифов, саков, сарматов и родственных им группировок, в том числе – у близких по времени «поздних сарматов» II-III вв.) от низовьев Сырдарьи и плато Устюрт до Центральной Украины, в связи с чем нами предполагается их связь с одной из сармато-аланских групп. Однако в Степи из-за дефицита камня во многих местах или трудоемкости работ с ним сооружения эти обычно грунтовые, хотя встречаются и с каменной наброской. Такие памятники не всегда охотно (и грамотно) копались и часто не публикуются. При этом в необычных, очень крупных курганных некрополях номадов (вроде скифской Мамай-Горы, сарматского Нового и Каратумы семиреченских саков) таких святилищ нет, т.к. они, видимо, сами уже основывались в святом месте. Обычно у кочевых групп это единичное святилище в составе маленького курганного некрополя небольшой общины. Видимо, и новые мигранты могли воспринимать вполне явственные два поколения спустя ранние и эффектные каменные склепы Илурата II-III вв. именно как кладбище, создавая неподалеку свои святилища. В целом ряде могильников (например, у саков в Северном Тагискене и «поздних сарматов» в Шихане), круглые сооружения так же, как и на Илуратском плато, сочетались с небольшим количеством прямоугольных [7 с. 147; 14 с. 208-211]. Символизм сочетаний круга и квадрата в древности был разнопланов (мужское – женское, небо – земля, океан – суша и т.п.). В Предкавказье скифского времени известно и по несколько круглых святилищ у подножья отдельно стоящей горы (северо-западное подножье г. Верблюд на

Ставрополье) при отсутствии синхронных погребений [15 с. 29-31; 16 с. 130-131], как это мы видим в Илурате. В круглом святилище А в Шихане (Оренбургская обл.) мы встречаем и большую круглую яму в центре диаметром до 6 м и глубиной 2 м, и много различных следов горения; после «закрытия» святилища его законсервировали слоем дерна, т.к. камней не было [17 211-214]. Этот комплекс относят к позднесарматской культуре [18 с. 80]. (У сарматов известна традиция «прерывания» использования сакрального объекта забрасыванием его камнями. Так, например, поступили с разграбленной вскоре могилой в кургане 38 элитного могильника Царский у устья Дона I в. н.э.) [19 с. 621]. И у кочевников, и в бывшем Илурате значимым компонентом была внешняя ограда (в Степи земляной вал делался из внутреннего ровика и подчас имел перемычку). Некоторые святилища Южного Урала также использовались дважды (в скифское отчасти и в сарматское время). При этом было бы наивно ожидать от небольшой группы людей конца античного периода полного соответствия традиции более ранних и тоже сравнительно небольших и разновременных групп кочевников античности. Так, в кочевнических святилищах с коротким функционированием мы нередко имеем довольно богатые приношения из атрибутов воинов-всадников, целые сосуды и т.п. Относительно же «илуратских» комплексов складывается явственное впечатление изыскания ценных вотивов перед «закрытием».

Литература

1. *Khrganovskij V.A.* Nécropoles et sanctuaires du plateau d'Pouraton // *Études de Lettres.* 2019. 309 (Études bosporanes Sur un royaume aux confins du monde gréco-romain). P. 411-458.
2. *Дюбрюкс П.* Собр. соч. Т. I- II. СПб.: Коло, 2010. 728 с., 312 с.
3. *Гайдукевич В.Ф.* Боспорский город Илурат // *СА.* 1950. Т. 13. С. 173-204.
4. *Гайдукевич В.Ф.* Илурат: Итоги археологических исследований 1948-1953 гг. // *МИА.* 1958. № 85. С. 9-148.
5. *Кубланов М.М.* Раскопки некрополя Илурата. Итоги и проблемы // *Научно-атеистические исследования в музеях.* Л.: Изд-во ГМИРиА, 1983. С. 96-129.
6. *Хрищановский В.А.* Позднеантичные погребения на некрополе Илурата // *Научно-атеистические исследования в музеях / Под ред. И.Х. Черняк.* Л.: Изд. ГМИРиА, 1988. С. 16-27.

7. *Хршановский В.А.* Круглые святилища на Илуратском плато. Проблемы хронологии и культурной принадлежности // Таврические студии. Исторические науки. 2015. № 7. С. 142-147.

8. *Ханутина З.В., Хршановский В.А.* Ритуальные сооружения на некрополе Илурата // Боспорские исследования. 2003. Вып. 3. С. 315-328.

9. *Тульпе И.А., Хршановский В.А.* Новый комплекс хазарского времени на Илуратском плато // Боспорский феномен: Население, языки, контакты / Под ред. М.Ю. Вахтиной и др. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 228-236.

10. *Зубарев В.Г., Ярцев С.В.* Круглые каменные сооружения на городище Белинское в Восточном Крыму // Древности Боспора. 2020. Т. 25. С. 155-175.

11. *Свиридов А.Н., Язиков С.В.* Круглые каменные сооружения на поселении «Городище 11 км» на Керченском полуострове // Древности Боспора. 2018. Т. 23. С. 201-212.

12. *Смекалова Т.Н., Кутайсов В.А.* Археологический атлас Северо-Западного Крыма. Эпоха поздней бронзы. Ранний железный век. Античность. СПб.: Алетей, 2017. 447 с.

13. *Зубарь В.М.* Круглые постройки на Гераклеяском полуострове. По поводу датировки и интерпретации // Причерноморье. Крым. Русь в истории и культуре. Т. 2 / Гл. ред. Н.М. Куковальская. Киев, Судак: Академперіодика, 2006. С. 140-145.

14. *Яценко С.А.* О некоторых сармато-аланских элементах в культуре населения позднейшего Илурата // Боспорский феномен: quarta pars saeculi. Итоги, проблемы, дискуссии. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.А. Хршановский. - СПб.: Чистый лист, 2023. - С. 206-212.

15. *Рудницкий Р.Р., Фоменко В.А.* Археологические памятники у г. Верблюд. Пятигорск: Спецпечать, 2005. 88 с.

16. *Прокопенко Ю. А.* Кольцевые святилища раннего железного века Центрального Предкавказья // Из истории культуры народов Северного Кавказа. 2022. Вып. 15. С. 121–149.

17. *Смирнов К.Ф., Попов С.А.* Сарматское святилище огня // МИА. 1969. № 169. С. 210–216.

18. *Моргунова Н.Л., Купцов Е.А.* Исследование кольцевого святилища сарматской культуры у посёлка Переволоцкого // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Сарматы и их окружение

/ Отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Гос. исторический музей Южного Урала, 2017. С. 80–85.

19. Яценко С.А. Приемы ограбления современниками курганов кочевой знати различных категорий (на примере сарматов рубежа I-II вв. н.э.) // Казахское ханство в потоке истории / Отв. ред. К.М. Байпаков. Алматы: Ин-т археологии МОН РК, 2015. С. 615-629.

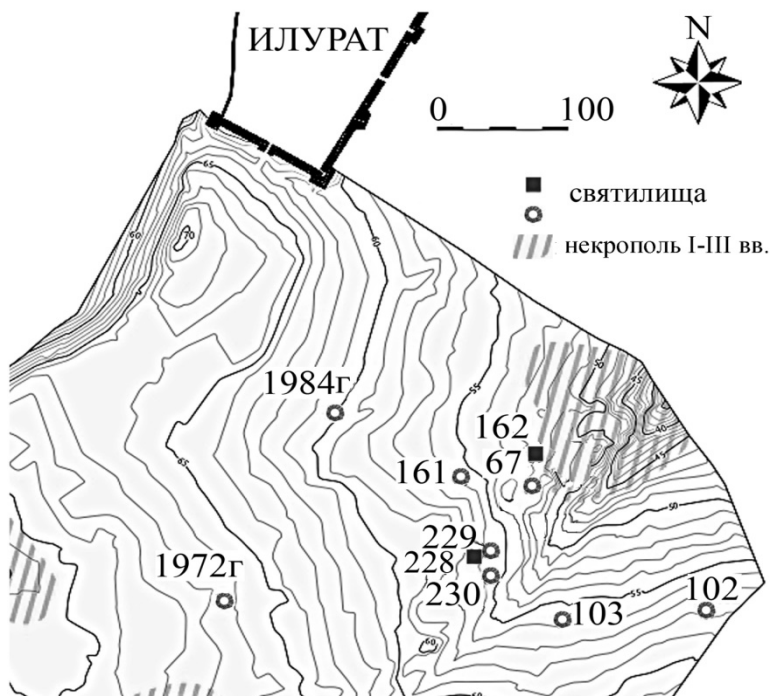


Рис. 1. Илуратское плато. Топографический план с обозначением выявленных святилищ и участков раннего некрополя



Рис. 2. Круглые сооружения (виды с юго-запада): 1 – сооружение 67; 2 – сооружение 230

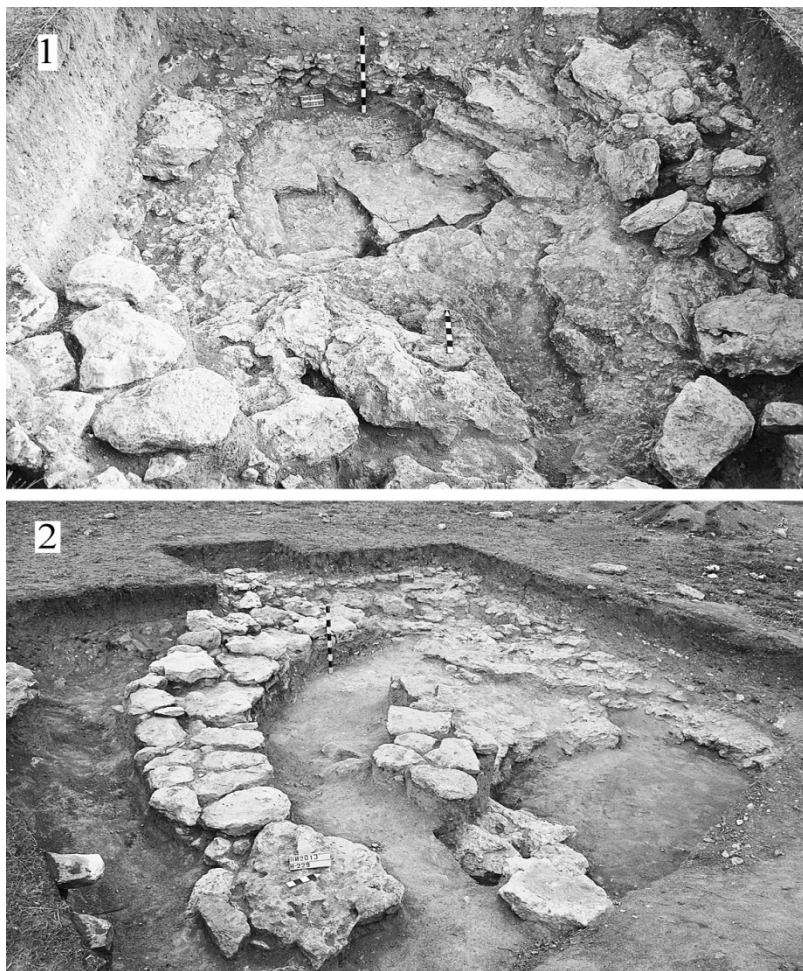


Рис. 3. Сооружение 229: 1 – «жертвенная яма» (вид с юга); 2 – ограждение и алтарь (вид с юго-востока)

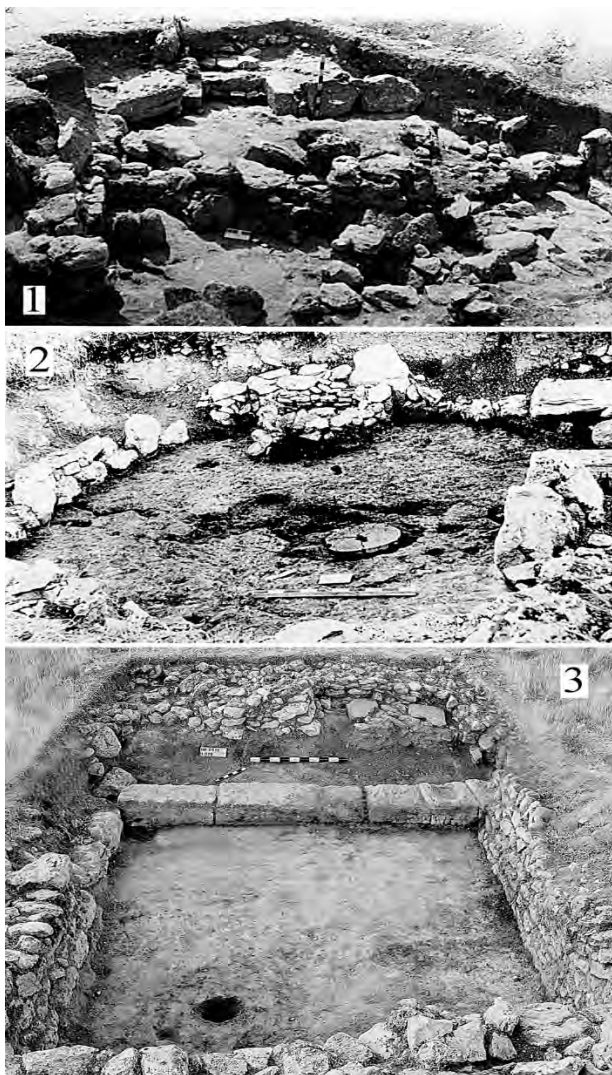


Рис. 4. Прямоугольные сооружения (1-2 - № 162; 3 - № 228): 1 – верхний уровень, вид с северо-востока; 2 – нижний уровень, вид с юго-востока; 3 – вид с северо-запада

Намеренная порча предметов в погребальном обряде удмуртов XVIII–XIX вв.: забота об умершем или магия в мире живых?

*Черных Е.М.*¹

Удмуртский государственный университет,

Ижевск, emch59@mail.ru

Перевозчикова С.А.

Удмуртский государственный университет,

Ижевск, homasvet@mail.ru

Переход человека из одного мира в другой и в первобытном, и в традиционных обществах рассматривался как важнейшее событие, значение которого подчеркивалось особенностями ритуала погребения в целом. Пришедшее на смену язычеству христианство, даже если оно культивировалось сверху, с использованием всего арсенала государственных и церковных средств, не могло одномоментно вытеснить из традиционного мировоззрения многие устоявшиеся нормы и правила обращения с покойным родственником. Некоторые из них (обряды и ритуалы) трактуются как некие универсалии, восходящие чуть ли не к архаическому миропониманию, другие же с трудом поддаются прочтению. К числу таковых в традиционной культуре многих народов мира относится ритуал намеренного умерщвления (порчи) предметов. За данным явлением чаще всего видят извечное противопоставление мира живых и мира мертвых, либо стремление обезопасить живых от того вреда, который может нанести покойный.

В символике погребально-поминальной обрядности удмуртов, достаточно детально описанной и изученной этнографически, можно обнаружить оба указанных объяснения [1; 2]. Вместе с тем, по мере археологического изучения могильников удмуртов поздних средних веков и Нового времени нет-нет да обнаруживаются материальные свидетельства обрядовых практик, объяснение которым плохо вписывается в существующую парадигму. С этим пришлось

© Черных Е.М., Перевозчикова С.А., 2024

столкнуться и нам, когда в 2019 г. при строительных работах на территории с. Шаркан Удмуртской Республики был выявлен прежде не известный могильник XVIII–XIX вв.

В целом ряде могил были замечены очень интересные детали обрядности, значение и символика которых пока не поддаются удовлетворительному объяснению. Среди прочих любопытных явлений, связанных с новым некрополем, особый интерес привлекли случаи помещения в могилу кожаных рукавиц. Атрибутировать сами кожаные изделия, сохранившиеся в тяжелом и влажном глинистом грунте в виде бесформенных комков, удалось не сразу. Первоначально они были приняты нами за остатки разрезанных голенищ и носовых частей сапог. Но в результате последующей очистки изделий и консервационно-реставрационных работ выяснилось, что вместе с погребенными были уложены все-таки именно рукавицы.

Археологический контекст находок

Важно то, что в изученных нами 7 погребениях (№№ 2, 10, 11, 14, 22, 36, 40), найдены не цельные рукавицы, а порядком испорченные. Все перечисленные погребения принадлежали мужчинам старше 30 лет, за исключением одного – женского (погр. 11).

Рассмотрим археологический контекст находок без детального описания самих рукавиц, о которых авторам уже приходилось писать [3], с акцентом на признаки именно нарушения их целостности.

Погребение 2 (мужчина, 20-30 лет). В области левой руки найдены 4 крупных и 4 мелких фрагмента, предположительно, от левой рукавицы. Три крупных куска имели отношение к основе рукавицы; изделие было цельнокроеным, с одним боковым швом, размерами 14,5x24 см. Боковой тачной шов выполнялся строчкой с крупным шагом отверстий. У нижнего края видна тисненая полоса, шириной 6 см, с рисунком в виде чередующихся продольных полос и двойных волн.

Вместе с фрагментами, относившимся к рукавице, был расчищен еще кожаный ремешок с прорезью на широком конце и тисненым рисунком, таким же, что и на рукавице. Ремешок односторонний, с загнутыми под припуски продольными сторонами. По всей длине, за исключением застежки, ремешок пришивался к какой-то основе.

Погребение 10 (мужчина, 55+). От рукавицы, расчищенной в области левой руки (рис. 1), сохранились один крупный фрагмент основы и 9 мелких (часть напалка, вставной клин и неопределимые куски). Крупный кусок – нижняя удлинённая часть основы рукавицы, размерами 23x14-25 см. С одной из сторон сохранился боковой тачной шов, а по краю изделия – тиснённый рисунок, шириной 4,5 см из чередующихся полос и волн. С изнаночной стороны края рукавицы имеются отверстия от строчки, без загиба припусков. Таким швом могли крепить подкладку (?). На ещё одном куске основы также имеются следы тиснёных волн и линий, но композиция рисунка иная.

Таким образом, по найденным фрагментам можно предположить, что у умершего на левой руке были уложены разорванные детали двух рукавиц, но от разных пар.

Погребение 11В (женщина, 50+). Справа от черепа умершей обнаружен фрагмент верхней части рукавицы, размерами 18x7-8 см, с тачным швом по краю. Ещё один кусок кожаного изделия был использован в качестве емкости, в которую были завернуты 7 медных монет.

Погребение 14Е (мужчина, 40+). В могиле были расчищены останки одного взрослого и 5 детей. Фрагменты рукавиц были найдены в ногах и у черепа взрослого, слева; в одной из рукавиц (в изголовье) были спрятаны 3 монеты. Характерно, что в ногах умершего был найден также железный нож с обломанным концом.

В гроб с умершим были уложены верхние и нижние части основы, ластовица и несколько мелких фрагментов. Первый фрагмент нижней части рукавицы имеет удлинённую, слегка расширенную форму (рис. 2, б), ширина по нижнему краю – 34 см. По нижнему же краю оттиснут рисунок в виде чередующихся прямых и зигзагообразных линий. Интересны следующие детали. В центре основы были вырезаны два куска кожи круглой и неопределённой формы. Но при этом по краю вырезов имеется строчка, из чего следует, что вырезанные куски должны были быть пришиты обратно (?). Конечно, можно предположить, что мы имеем дело со следами ремонта. Но в таком случае выходит так, что заплатки в дальнейшем, но до помещения в

гроб, были отпороты (?). Второй фрагмент нижней части основы также имеет удлиненную форму, расширенную к низу (рис. 3, 5), шириной цельнокроеной части 36 см. По краю нанесено тиснение из чередующихся зигзагов и волн. Также имеются следы вторичного использования и ремонта (?). С одной из боковых сторон имеется заплатка. Весьма вероятно, что на рукавицу не хватило кожи при крое, поэтому был пришит дополнительный кусок. Рядом с заплаткой, около бокового шва рукавицы, имеется небольшая прорезь, длиной 1,5 см, с загнутыми вовнутрь краями – для пуговицы (?). И на этой основе также видны следы вторичного использования. В центре основы был вырезан кусок кожи для верхней части рукавицы. Но и здесь имеются следы строчки, свидетельствующие об обратном пришивании куска.

Те же метаморфозы можно наблюдать и на одной из верхних частей рукавицы (рис. 3: 3). Во-первых, она была обрезана до места большого пальца. Во-вторых, в ней имеется заплатка, вырезанная из того же куска рукавицы. Об этом свидетельствует тисненая полоса, проходящая по припускам. К тому же, сама верхняя часть была, в свою очередь, вырезана из нижней основы другой рукавицы (тисненный рисунок как раз проходил по краю рукавицы). Ширина этой рукавицы составила 11 см.

Одна из рукавиц была цельнокроеной. Крой ее верхней части изначально был прямоугольный, но сшивался с небольшим закруглением (рис. 3, 1). В отличие от рукавиц, описанных выше, здесь отсутствовала ровная строчка. По краю нанесены рваные отверстия от шила. На одной из сторон рукавицы имеется тиснение: чередование прямых и зигзагообразных линий. На обеих половинках верхней части рукавицы имеются следы обрезки. При этом к одной из обрезанных сторон в дальнейшем был пришит кусок кожи – по краю имеются следы строчки. Ширина рукавицы в пальчиковой части – 11 см.

Сохранилась еще одна верхняя часть правой рукавицы, шириной 12 см (рис. 3: 2). Имеется клиновидный подпалок длиной 5 см и шириной 3,2 см, со следами отверстий для строчки. Скорее всего, рукавица была сшивной из двух половин: верхней пальчиковой основы

и нижней, о чем можно судить по следам строчки по низу верхней части изделия.

В целом, можно предполагать, что в погребении были уложены как минимум по одной рукавице от трех разных пар.

Погребение 22 (мужчина, 20-30 лет). От рукавицы сохранился один крупный фрагмент и 12 мелких. Обрывок рукавицы с завернутыми в него монетами был помещен слева от черепа. По имеющимся обрывкам восстанавливаются пришивные детали пальцев и часть основы правой рукавицы. Напалки в верхней части имеют дугообразный симметрический выступ. Основа рукавицы представлена небольшим фрагментом, размерами 15,5x9 см.

Таким образом, в этом захоронении была уложена правая рукавица, но она использована в качестве кошелька для монет.

Погребение 36 (мужчина, 55+). Рукавицы были уложены на животе, под правой рукой мужчины. Сохранились: 3 фрагмента основы изделий, 5 деталей подпалков, 8 мелких неопределимых кусков.

Основа рукавицы представлена фрагментами плохой сохранности: определяется часть верхнего закругления, низ рукавицы с остатками тиснения, а также клин, образующий подпалок. Шов точной. Клин для пальца имеет треугольную форму. Тисненый рисунок, шириной 5,7 см нанесен по краю основы: состоит из полос со сложным переплетением поперечных и наклонных отрезков, точек и елочки. С изнаночной стороны изделия имеется строчка от пришитой подкладки (?). Судя по расположению клина-подпалка, это была правая рукавица. Вычленяется еще один кусок нижней части основы рукавицы, размерами 10,5x5,7 см. Судя по тисненому рисунку, из чередующихся продольных и зигзагообразных полос, он принадлежал другой паре рукавиц. Восстанавливаются размеры только одной из рукавиц – 15 x 25 см.

Погребение 40А (мужчина, 30-40 лет). В погребении были обнаружены около 30 средних и мелких фрагментов от кожаных рукавиц; находились справа, под бедром и тазовой костью захороненного (рис. 2).

От основы рукавицы сохранился фрагмент, размерами 13,5x12 см, с клиновидным подпалком длиной 4,5 см и шириной в основании 4

см. Пришивные детали для пальцев – напалки – сохранились полностью. Их размеры – 10,5х7,3 см и 9х6,7 см. Они имели овальную форму с двумя симметричными дугами в верхней части и небольшим заужением в нижней части (рис. 3, 4). Пришивались к основе тачным швом. К ним же пришивались небольшие клинья для придания объема. При этом, один из клиньев состоял из двух слоев кожи, сложенных ворсистой стороной внутрь.

В захоронении, таким образом, были уложены правая рукавица, шириной 13,5 см, вместе с отпоротыми напалками и деталями от другой рукавицы.

В погребениях удмуртов XVI–XIX вв. органика почти не сохраняется. Не случайно, Н.И. Шутова, проанализировавшая более 1150 погребений из 22 могильников, упоминает лишь единственный случай находки рукавиц в Можгинском I («Вужшай») могильнике XVIII в. [4 с. 69]. В случае с Шарканским могильником мы получили уникальные свидетельства не просто присутствия кожаных рукавиц в погребении, а именно намеренной порчи этих предметов обихода.

Этнографические свидетельства

Обычай помещать рукавицы в гроб покойнику описан в XIX в. у шарканских удмуртов Г.Е. Верещагиным, почти четверть века прослужившим учителем начальных школ в селах Шаркан и Сосновка: «Так как вотяки, особенно вотячки, вообще боятся мертвых, то как только кто расстался с душой, приглашают соседей; семейные оплакивают покойника, а приглашенные делают гроб, обмывают умершего, надевают на него чистое белье и на шею – медный крестик. Положив тело в гроб, кладут мужчине шапку, рукавицы, деньги, коточик и, кто курил табак, трубку и пр., приговаривая, что пусть он там не нуждается в этих вещах ...» [5 с. 45]. Ему вторит священник Ст. Крекнин, подчеркивая устойчивую веру вотяков в загробную жизнь: «Нам лично неоднократно доводилось в церкви требовать, чтобы с покойника сняли шапку и рукавицы» [6 с. 552]. В соответствии с традиционным мировоззрением удмуртов царство мертвых (вечная страна холода) находилось в полуночной стороне – уйшор палан [7 с. 156-157].

Дискуссия

В традиционных представлениях удмуртов о смерти явно присутствует амбивалентность в обращении с умершими: «для удмуртов не было клятвы сильнее, чем клятва их умершими предками, которых они очень боялись и всячески почитали» [7 с. 152]. Умершие предки могли защитить живых, обеспечить им благополучие в реальной жизни, но при определенных обстоятельствах могли мстить, насылать порчу и болезни. От всех предметов, которых покойный касался перед смертью, надлежало избавляться [2 с. 201]; у удмуртов существовали специальные места (куркуян), куда выбрасывали вещи умерших. С другой стороны, загробная жизнь представлялась продолжением земной, поэтому умершим предкам могли потребоваться все необходимые в хозяйстве предметы: пища и одежда, любимые вещи, монеты. Но поскольку мир мертвых являлся зеркальным отражением мира живых, все обряды похоронно-поминального цикла удмурты выполняли против течения реки, против хода солнца, вещи давали покойнику сломанными, бросали в могилу лоскутки тканей, нитей [2 с. 209].

Среди преднамеренно погнутых или обломанных вещей, сопровождавших покойника в погребениях XVI–XIX вв., чаще встречались колюще-режущие предметы – ножи, реze – ножницы, кресала, серпы, косы, кочедыки, пряжки, фрагменты стеклянной посуды [2 с. 118]. Н.И. Шутова полагает, что сопровождение умерших испорченными (поломанными) вещами символизировало идею будущего вторичного рождения вещи в ином мире [2 с. 202].

В то же время в традиционных удмуртских заговорно-заклинательных практиках известно использование отдельных фрагментов прежде целых вещей, частей старых вещей [2 с. 199], которые, безусловно, наделялись исполнителями магическими свойствами. Близкими, но особыми свойствами наделялись лоскутки, обрывки нитей. В определенных случаях они могли заключать в себе душу живого или мертвого владельца; их использовали в качестве подарков и оберегов, для избавления от болезней, сглаза и других несчастий [2 с. 183-184]. На том же Шарканском могильнике в четырех

погребениях были обнаружены железные скобы для подвешивания топора к поясу, но сами топоры не встретились ни разу. По-видимому, в этом явлении также можно видеть веру удмурта в возможность восстановления целостности вещи в потусторонней жизни, хотя нельзя абсолютно исключить и крестьянский практицизм – железный топор мог еще пригодиться в хозяйстве.

В погребениях шарканских удмуртов за случаями порчи рукавиц просматривается ритуал, явно имевший символический характер. Прежде всего, обращает внимание присутствие практически во всех погребениях (за исключением двух – пп. 2 и 22) непарных рукавиц. Выходит, что в гроб помещали по одной рукавице от разных пар? Почему же нарушена парность предметов? Если речь должна идти лишь о части души покойного, тогда кому доставалась другая ее часть? Может быть, родственникам – чтобы не прервалась нить связи с предком? Каким было дальнейшее использование предметов, оставшихся в мире живых? Вряд ли в хозяйстве. В каких-то обрядовых практиках? Возможно, перед нами элементы утраченных магических представлений, опиравшихся на веру в сверхъестественную способность человека (умершего предка) влиять на силы природы, предметы, животных, судьбу людей, или манипулировать ими с помощью заклинаний, амулетов и определенных обрядов. Люди обращаются к ним в тех случаях, когда необходимо снять чувство беспокойства за себя или близких, неуверенности или страха перед необъяснимыми бедствиями [8 с. 90]. Наверное, не случайно, в 5 из 7-ми случаев погребения принадлежали взрослым и очень пожилым мужчинам, явно домохозяевам, главам больших крестьянских семей.

Вернемся к Шарканскому могильнику. Он находится в черте современной плотной застройки села, на левом берегу р. Малый Шаркан (местн. назв. Галичевка), недалеко от места ее впадения в р. Шаркан. 100 лет назад, на рубеже XIX–XX вв. это была северная окраина села. Здесь заканчивалась главная улица села – Церковная. Сельские усадьбы на ней принадлежали почти исключительно церковному причту. Церковь располагалась в другом конце улицы. Она была построена и освящена в 1838 г. в честь Св. апостолов Петра и

Павла [9 с. 293], причем, как следует из источников, о строительстве храма хлопотали сами новокрещенные удмурты, вынужденные ходить в церковь за 40-50 верст, обещавшие «давать причту приличное содержание и предоставлять квартиры до постройки домов». Нынешние жители села о старых захоронениях либо ничего не знали, либо (если и слышали) очень осторожно ссылались на упоминания хозяев прежних домов об эпизодических находках человеческих костей при копке ям-погребов. Один из местных, довольно молодых, краеведов рассказал, что его мать, собрав в погребке какие-то кости и бусинки, пришла к местному священнику за советом. Тот настоятельно посоветовал «отнести их подальше в лес, закопать и никому не рассказывать»!

Раскопками было изучено 42 погребения с 66 костяками. Могилы располагались разреженно в рядах, вытянутых меридионально. Большая часть погребенных на момент смерти являлись паствой православной церкви, что манифестируют нательные кресты, найденные на 24 костяках в 17 могилах (около 45% от изученных могил). Показательно также, что более половины найденных крестиков (14) принадлежали детям. Одновременно велика доля погребений с инвентарем (75%), в котором, помимо нательного креста, находились предметы быта, орудия, украшения и аксессуары костюма, что свидетельствует о довольно прочных языческих традициях в данной социальной группе.

В нескольких шарканских погребениях удалось установить характер погребальных конструкций: узкие ящики или рамы из еловых сучковатых полубревен. Ориентировка умерших – головами на ЮЗ или З. Для дохристианских могильников удмуртов господствующей была северная ориентация; в погребениях XVIII в. с заметным христианским влиянием более частыми становятся случаи юго-западной и западной ориентации [4 с. 65, табл. 7]. Следованием христианскому канону можно считать и относительно большую глубину захоронений [4 с. 60].

Количество мужских и женских захоронений в изученной выборке примерно равное – 15 и 12. Средний возраст смерти 40 лет. Среди умерших мужчин абсолютно преобладают пожилые – старше 45 лет (их 10). Совсем нет молодых мужчин призывного возраста. Среди женских костяков около половины принадлежали особям детородного

возраста – 20–30 лет. Высока доля детских захоронений – 59 %, причем 32 из них (т.е. более 82 %) принадлежали новорожденным и детям до 2-х лет.

Подзахоронения родственников в существующую могилу и нарушения одной могилы другой установлены в единичных случаях, хотя, несомненно, бросается в глаза количество коллективных захоронений (16 могил, 39 %). Столь высокий показатель зафиксирован впервые. В большинстве случаев это были совместные захоронения взрослых с детьми: женщина (или две женщины) с детьми (7 сл.), мужчина с детьми (3 сл.). А вот факты более позднего помещения детей в могилу установлены лишь трижды (по разрушению частей основного скелета в месте подзахоронения или уровню размещения – выше основного).

Время захоронений на могильнике было установлено по монетам, найденным в 38 из 42 могил. Самая старшая монета датирована 1746 г., самая младшая – 1840 г. Время выпадения монет в захоронения в целом хорошо согласуется с историческими источниками. Известно, что удмурты д. Лонлесь Докья (после 1838 г. это село Шаркан) относились к православному приходу с. Чутырь, открытому не ранее 1752 г.¹ В материалах II ревизии (1744-1747 гг.) они были записаны как язычники, а вот III ревизия 1762-64 гг. указывает их как крещеных [10 с. 171, 214]. Полагаем, что захоронения на выявленном могильнике принадлежали тем самым обратившимся в православие удмуртам, хоронить которых на прежних языческих кладбищах не полагалось. Позднее, со строительством церкви и открытием самостоятельного прихода, принимаемые государством и церковью меры по «недопущению совращения новокрещеных вотяков в язычество» привели к тому, что захоронения по церковным предписаниям стали осуществляться на новом приходском кладбище, а старое было заброшено [11 с. 81–85]. Даже место старого кладбища отводится под усадьбы церковного причта.

¹ Самостоятельный приход в Шарканской волости был выделен в 1837 г., очевидно, что этому способствовало увеличение числа новокрещеных среди местных удмуртов.

Шарканское кладбище наглядно иллюстрирует непростой процесс вхождения удмуртов в православную веру. Как показывает археологический материал, на кладбище хоронили с соблюдением родственных связей, не разделяя тех, кто принял новую веру и тех, кто под видом ее покорного принятия продолжал придерживаться языческих обычаев.

Выводы

Все найденные рукавицы были сшиты из яловой кожи и сопровождали взрослых мужчин. Чаще с умершими была уложена лишь одна рукавица, причем чаще правая. Длина рукавиц составляла 25 см, ширина 14–15 см. Все найденные изделия имеют один тип края: цельнокроеные (за исключением единственной рукавицы из погр. 14), с расширением основы в нижней части. Все детали изделий были сшиты тачным швом. При нанесении отверстий для строчки мастерами, скорее всего, использовалось шило с разметочным колесом. Об этом свидетельствует ровная строчка практически на всех рукавицах. Исключение составляют рукавицы из погребения 14, где сама строчка неровная, а отверстия от иглы рваные – скорее всего, использовалось обычное шило. Края рукавиц украшались тисненым рисунком из полос, зигзагов и волн, шириной 4–6 см. Описанные формы рукавиц хорошо известны в литературе. В XVIII–XIX вв. они использовались повсеместно в сельских и городских поселениях России [12 с. 59; 13, с. 6;].

Удмуртские крестьяне, в отличие от русских, даже во второй половине XIX в. предпочитали собственное домашнее производство. В Сарапульском уезде, например, скорняжным делом занимались 536 русских мастеров, но всего 23 мастера-удмурта [14 табл. 1]. Качество же найденных в Шарканском могильнике рукавиц позволяет думать, что они могли быть изготовлены именно такими мастерами, но рукавицы из погр. 14 изготовлены, скорее всего, местным деревенским умельцем.

Более сложным представляется поиск ответов на вопрос о месте и знаковой функции рукавиц в погребальном ритуале, о причинах и характере манипуляций, которые производились с ними при погребении. Если похороны удмуртов в валенках, шапке и рукавицах

засвидетельствованы этнографически, то ритуал порчи не описан нигде. Тем не менее в изученных удмуртских могильниках XVI-XIX вв. исследователи отмечали бытование в погребальном инвентаре признаков намеренной порчи отдельных предметов, главным образом, железных ножей (Ореховский могильник XVI в. – 3 случая из 17; Малиновский могильник XVI-XVII вв. – 1 случай на 74 погребения; Нязь-Ворцинский могильник XVI-XVIII в. – 5 из 108; Пуро-Можгинский могильник XVII-XVIII в. – 8 из 92; Ципьинский могильник XVII-XIX вв. – 1 случай на 16 изученных захоронений). То есть, говорить о какой-то чрезвычайно распространенной традиции в этот период у удмуртов не приходится.

Выразительные свидетельства использования кожаных рукавиц в погребальном обряде шарканских удмуртов XVIII–XIX вв., безусловно, указывают как на утилитарные, так и семантические аспекты погребальной обрядности в период трансформации их религиозных представлений. Переход из одной веры в другую мог быть отягощен не только психологическими моментами, но и обстоятельствами, не зависящими от новокрещеных, например, болезнями, эпидемиями, уносившими порой целые семьи и деревни. Так анализируемые нами погребения с кожаными рукавицами датированы в интервале от 1821 до 1840 гг. В Вятской губернии 11 лет из 20 были «голодными», 12 – отмечены эпидемии (холера, оспа, цинга, дизентерия и др.) [15 с. 413-426].

Обращение к прежним магическим обрядам, заклинаниям, помощи умерших предков, наконец – являлось своего рода попыткой противопоставить их страху, используя, пусть и первобытные, но гибкие формы адаптации к любым ударам природы или общества.

Литература

1. Атаманов М.Г., Владыкин В.Е. Погребальный ритуал южных удмуртов (конец XIX – начало XX вв. // Материалы средневековых памятников Удмуртии / Отв. ред. М.Г. Иванова. Устинов: УдНИИ, 1985. С. 131-152.

2. *Шутова Н.И.* Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2001. 304 с.

3. *Черных Е.М., Перевозчикова С.А.* Кожаные рукавицы в погребальном обряде удмуртов (по материалам Шарканского могильника середины XVIII – середины XIX в.) // Взаимодействие этносов и культур в евразийском межцивилизационном пространстве (к 90-летию Удмуртского института истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН). Ижевск: УдмФИЦ УрО, 2021. С. 124-135.

4. *Шутова Н.И.* Удмурты XVI – первой половины XIX в.: по данным могильников. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 264 с.

5. *Верецагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1 / Отв. за выпуск Г.А. Никитина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 260 с.

6. *Крекнин Ст.* Вотяки Глазовского уезда и краткий очерк христианской миссии среди них // Вятские епархиальные ведомости. Вятка, 1889. № 11. С. 542–563 / Коробейников А.В., Чураков В.С. Православные священники об удмуртах: аннотированная хрестоматия, <<http://books.google.ru/books?printsec=frontcover&id=J2FhWSyuKLOC>>.

7. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.

8. *Кабо В.Р.* Круг и крест: размышления этнолога о первобытной духовности. М: Вост. лит., 2007. 328 с.

9. Православные храмы Удмуртии. Справочник-указатель по документам Центрального государственного архива Удмуртской Республики / Сост. И.Н. Зайцева, Г.И. Самарцева. Ижевск: Удмуртия, 2000. 480 с.

10. *Пислегин Н.В., Чураков В.С.* Населенные пункты Удмуртского Прикамья XVII – середины XIX в. Ижевск: УдмФИЦ РАН, 2020. 784 с.

11. *Черных Е.М.* Последние язычники и первые христиане среди удмуртов в контексте погребального обряда Шарканского могильника второй пол. XVIII – начала XIX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 69. С. 81–85.

12. *Визгалов Г.П., Пархимович С.Г., Курбатов А.В.* Мангазея: кожаные изделия (материалы 2001-2017 гг.). Нефтеюганск-Екатеринбург: Издательство АМБ, 2011. 216 с.

13. *Колосницына Е.Е., Колосницын П.П.* Кожаные рукавицы из раскопов Старой Руссы // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 6 (24). С. 1–7.

14. *Лигенко Н.П.* Крестьянская промышленность удмуртов во второй половине XIX в. // Хозяйство и материальная культура удмуртов в XIX–XX веках / сост. и отв. ред. Г.А. Никитина. Ижевск, 1991. С. 63–86.

15. *Борисенков Е.П., Пасецкий В.М.* Летопись необычайных явлений природы за 2,5 тысячелетия (V в. до н.э. – XX в. н.э.). Санкт-Петербург: Гидрометеиздат, 2002. 536 с.

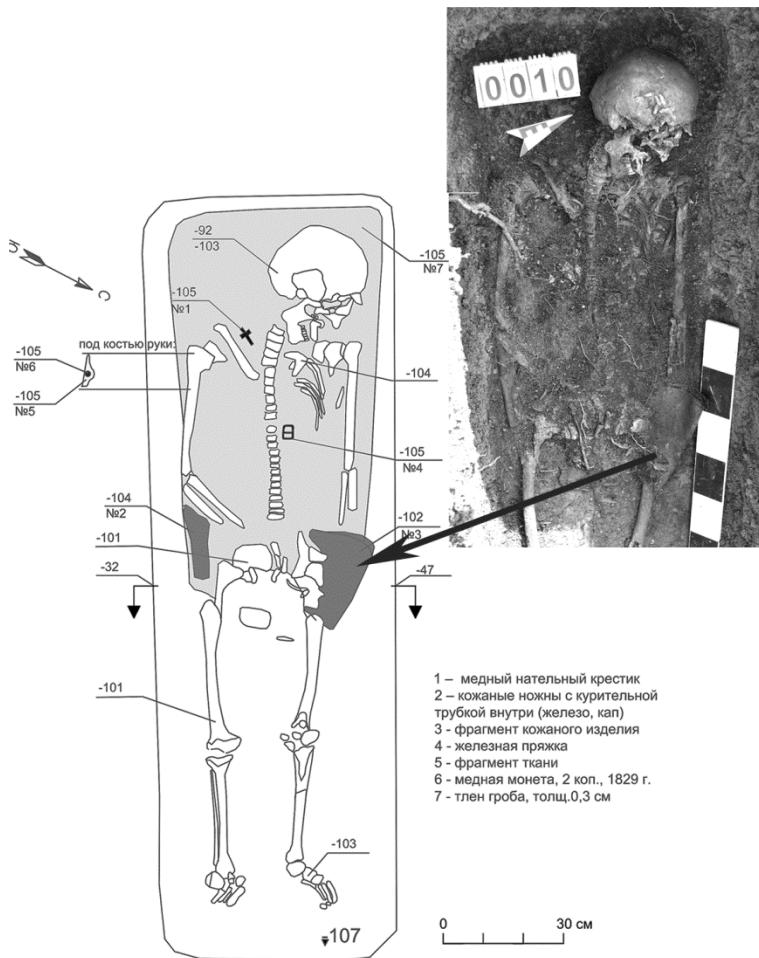


Рис. 1. Шарканский могильник. Удмурты, вторая половина XVIII – XIX вв. Местоположение деталей кожаных рукавиц в погр. 10

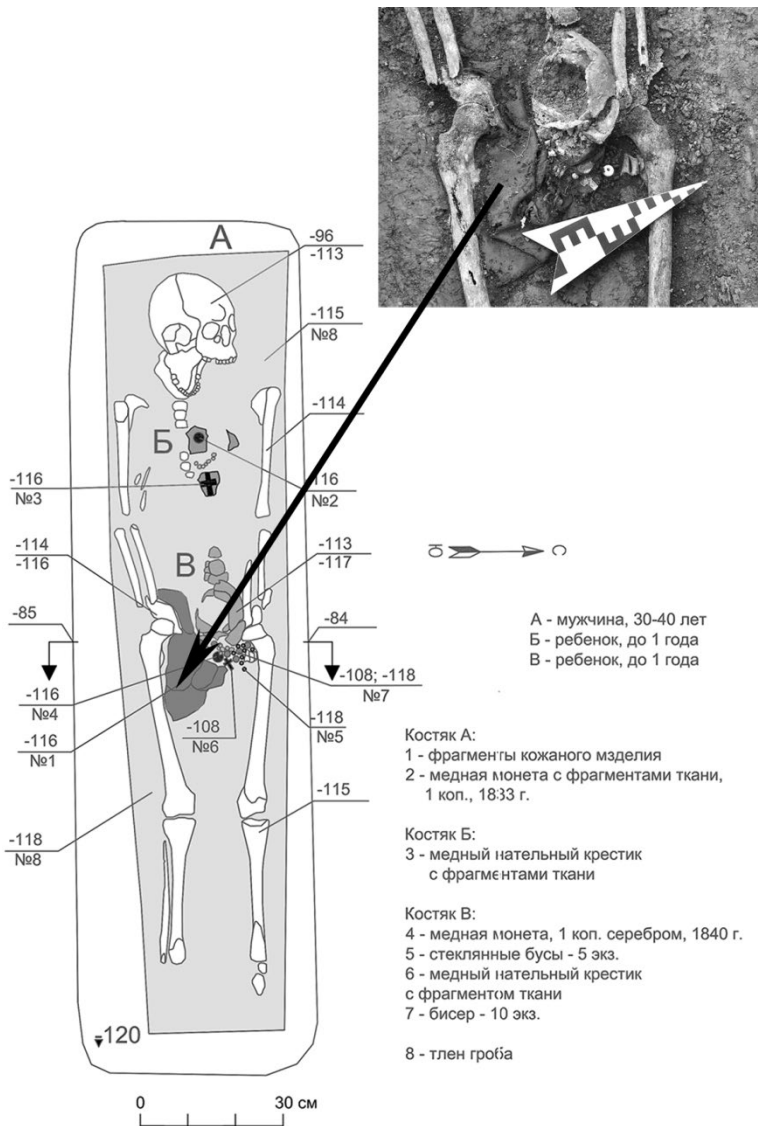


Рис. 2. Шарканский могильник. Местоположение деталей кожаных рукавиц в погр. 40А

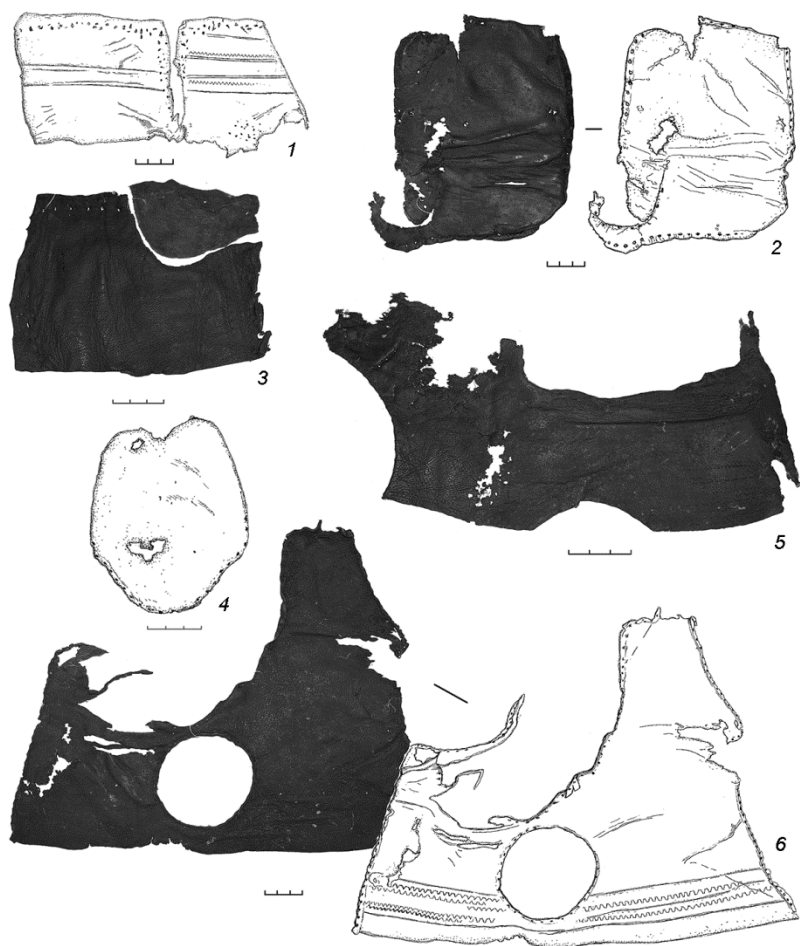


Рис. 3. Шарканский могильник. Детали рукавиц: 1-3, 5, 6 – погр. 14Е;
4 – погр. 40А

Анализ погребальных сооружений алан средневековья
Шестопалова Э.Ю.

*Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания,
Владикавказ, evelina-shestopalova@mail.ru*

Погребальный обряд – это многогранное явление, созданное человеком в далеком прошлом. Его следы оставлены на разновременных могильниках и дают нам не только представление о материальной культуре, развитию ремесел, торговым и военным отношениям, но и возможность представить, в той или иной степени достоверно, последовательность ритуальных действий.

Погребальный обряд включает сооружение последнего пристанища для человека, его «посмертного дома»; ритуальные действия с телом умершего с момента его смерти, придание определенной посмертной позы в погребальном сооружении, сопровождение его в последний путь всем необходимым; действия, связанные с посмертными погребальными церемониями (тризны, преднамеренные разрушения, перемещения и т.д.).

Погребальная культура алан прочно соотносится с катакомбным обрядом, как этноопределяющим фактором. Он существовал на протяжении сотен лет и фиксируется везде, где аланы оставили свой след. Многочисленные катакомбные могильники известны с XVIII в., к настоящему времени хорошо изучены, как в отношении погребальных сооружений, так и по обрядовым действиям. Процесс сооружения катакомб консервативен: входная яма-лаз- камера. А вот различия в форме и размерах входных ям и камер, глубине залегания, расположении погребенных и инвентаря, дают возможность выделять временные и локальные варианты. Этот вид погребальной практики прослежен на множестве могильников Северной Осетии, достоверно связанных именно с аланами, начиная с III-V вв. (Бесланский, Зильгинский могильники), VI-IX вв. (Архонский, Дагомский, Садонский, Октябрьский, Хазнидонский могильники, могильники Чми, Кобан) до XIII вв. (Змейский могильник). Уникальными источниками являются многовековые погребальные поля, на которых в хронологической последовательности прослеживаются разновременные погребальные сооружения. Яркий пример – Архонский и Дагомский

могильники в Алагирском ущелье, расположенные на высоте 1500-1600 м над уровнем моря, которые функционировали с эпохи бронзы до начала 40-х гг. XX в. Материал, представленный в этой работе, в основном, происходит из этих памятников, из раскопок автора.

Сооружение катакомб на большой глубине было трудоемким и, очевидно, длительным при любых природных условиях. В катакомбах не было принципиально важным выдерживать строгое направление входных ям, камер и непосредственно погребенных. Как правило, в горной местности катакомбы закладывались в склоне и направление входных ям зависело от географического направления склона, соответственно, погребенные могли располагаться головой на Ю-ЮЗ-ЮВ (Архон), В-СВ-СЗ (Дагом), С-СЗ-СВ (Даргавс, Змейка). Надо отметить, что не ограбленные катакомбы, особенно престижного уровня, отличались большим количеством погребального инвентаря (рис. 1, 1).

Катакомбникам был знаком и такой обряд, как захоронение в грунтовых ямах. На Архонском могильнике выявлен отдельный участок детских погребений, детей не хоронили в катакомбах со взрослыми, очевидно, соблюдалась какая-то возрастная градация. Мелкие, овальные ямы, глубиной 15-25 см, были заложены в очень жестком грунте, на небольшой глубине, до 50 см от СДП, плотно прилегали друг к другу и не отличались тщательностью исполнения. Ямы были засыпаны грунтом из выбросов. Остеологический материал плохой сохранности, но позволил определить позы детей, вытянуто на спине головой на Ю-ЮЗ-ЮВ. Ориентировка погребений соответствует ориентировке в катакомбах, отклонения незначительны, что предполагает погребение детей в один сезон либо одновременно, либо с малыми интервалами. Дети в возрасте от младенческого до четырех лет, возможно, умерли во время какой-то эпидемии. Почти во всех детских погребениях были найдены предметы, аналогичные находкам в катакомбах (серьги, бусины, ножи).

Кроме того, грунтовые ямы овальной формы, заложенные в материке на довольно значительной, до 4-х м, глубине от СДП, аланы сооружали для конских захоронений, что так же отражает ритуальную обрядность алан. Такие погребения обнаружены почти на всех известных катакомбных могильниках (Архон, Дагом, Змейка, Даргавс).

Катакомбный обряд на плоскости существовал до XII-XIII вв. (Змейский могильник) [1 с. 371-372]. В предгорных (Октябрьское,

Хазнидон) и горных районах (Архон, Дагом, Даргавс) время функционирования могильников ограничивается IX в. С появлением новой погребальной обрядности наблюдается упрощение по всем показателям, от сооружения могилы до посмертных поминальных действий. В литературе такие погребения имеют обобщающее название «грунтовые ямы» и «каменные ящики».

Грунтовые могильники в разное время были зафиксированы и исследовались на территории Северной Осетии в Архоне, Кумбулте, Верхней Рутхе, Задалеске, Фаскау, Галиате, Донифарсе, Лаце, Дзивгисе, Кобане, Даргавсе, Санибе, Хархе, Нузале, Далагткау, Садоне, Дагоме, Змейке, Октябрьском, Чми, Задалеске П.С. Уваровой, Т.Б. Тургиевым, В.А. Кузнецовым, Р.Ф. Фидаровым, З.П. Кадзаевой, Г. Вольной, Э.Ю. Шестопаловой. Но ни один из них не исследовался целенаправленно, за исключением Мамисондонского могильника в Алагирском ущелье, который оставлен полиэтничным населением в VII-IX вв. [2 с. 127-128]. Позднесредневековые погребения в Южной Осетии исследованы более обстоятельно в разное время В.И. Долбежеевым, Е.Г. Пчелиной, Б.В. Теховым, Р. Дзаттиаты.

Грунтовые погребения, имея ряд общих признаков, заметно отличаются по форме и размерам ям, глубине залегания, использованию дополнительных конструктивных элементов. На мой взгляд, по сравнению с катакомбами, они более разнообразны, что позволяет выделить четыре основных типа с вариантами.

1. Грунтовые ямы без каких-либо видимых дополнительных конструкций не характерны для погребальной обрядности алан X-XIV вв., но были известны в более раннее время, о чем упоминалось выше (детские погребения в Архоне, конские захоронения).

Более того, аланам был знаком погребальный обряд в грунтовых ямах, оставленных предшествующим населением, задолго до появления алан в горах в V-VI вв. Как пример, можно привести Дагомский катакомбный могильник VI-VIII вв., на котором были открыты погребения эпохи бронзы Кобанской культурно-исторической общности [3 с. 210, 299]. При сооружении входных ям на этом могильном поле, аланы могли пересекать эти погребения.

2. Грунтовые ямы с использованием дерева в дополнительных конструкциях во всех случаях имели подпрямоугольную форму, но со скругленными в разной степени углами, длина до 240 см, ширина до 84 см, глубина не превышала 50 см. Ямы, относительно свободных размеров.

Для деревянных перекрытий и настилов использовались доски разной длины, толщиной 4-7 см, со следами обработки в виде заоваленных коротких сторон, пазов, распилов, косых срезов, а также бревна, распиленные продольно пополам. Плахи плотно подгонялись друг к другу или располагались на расстоянии 5-15 см.

Вариант 1. Яма перекрывалась по всей длине деревянными плахами, уложенными поперек на уровне верхнего контура ямы, без заплечиков. Как правило, перекрытие превышало размер ямы в ширину (рис. 2, 1). В некоторых случаях яма перекрывалась поперечными плахами только наполовину длины ямы. Этот вариант был преобладающим.

Вариант 2. Яма наполовину по периметру стен обложена деревянными короткими плашками, уложенными вертикально или горизонтально вдоль стен, без настила на пол и без перекрытий.

Вариант 3. Деревянная рама с перекрытием без настила на пол. Стены по всему периметру или частично обложены деревянными плашками или цельными досками, на торцы которых опиралось перекрытие. Перекрытие могло закрывать яму полностью или частично (рис. 2, 2-3).

Вариант 4. Деревянный ящик (гробовина) – обкладывались стены и пол ямы, с перекрытием. Обкладка стен выполнена из коротких плашек, уложенных вертикально по всему периметру ямы, либо из длинных цельных или составных досок, уложенных горизонтально на ребро вдоль длинных стен ямы. Перекрытие, как правило, не превышало ширину ямы, плахи опирались на торцы деревянных обкладок стен. Пол ямы мог быть в виде сплошного деревянного настила из плах, вплотную подогнанных друг к другу, либо частично покрывал пол ямы (рис. 2, 4).

Погребения с деревянными конструкциями из Архона и Дагома находят близкие аналогии в Мамисондонском могильнике VII-IX вв., хотя их разделяет значительный временной интервал [2 с. 175, рис. 49; с. 207, рис. 84; с. 232, рис. 114]. Возможно, какая-то часть этнически неоднородного населения из Мамисона в X-XII вв. могла переместиться в горные районы Алагирского ущелья, сохранив свою погребальную культуру.

3. Грунтовые ямы с использованием камня в дополнительных конструкциях отличались овальной или овально-эллипсоидной формой. Размеры ям аскетичны, редко превышали рост человека. Различаются сооружения с использованием камней и шиферного

сланца. Отмечены следы обработки плит в виде сколов для придания более плоской формы.

Вариант 1. Яма перекрывалась поперек массивными каменными плитами (3-7 плит), приблизительно, равного размера или уменьшающимися к ногам. Перекрытия детских погребений состояли из 2-3 плит. Плиты укладывались вплотную друг к другу с заполнением щелей разно размерными камнями и забутовкой мелкими камнями и щебнем с применением прочного глинистого раствора. Перекрытие, как правило, превышало размеры ямы, иногда значительно (рис. 3, 1).

Вариант 2. Перекрытия ям сооружались также как в *варианте 1*, но из шиферного сланца с забутовкой на растворе. Плиты могли перекрывать друг друга.

Вариант 3. Каменная гробница овально-эллипсоидной формы из Архона. Стены обложены по периметру камнями и обломками сланца в два слоя, высотой 50 см от пола ямы. Над верхним уровнем ямы кладка возвышалась на 20-25 см. Перекрытие состояло из семи крупных сланцевых плит, уложенных на верхний слой каменной кладки и тщательно забутованных более мелкими камнями на растворе. На плитах, в ногах погребенного, зафиксированы фрагментированные останки младенца (рис. 3, 2).

Вариант 4. Грунтовые погребения в каменных ящиках, обкладка стен и перекрытия сложены из плит шиферного сланца, пол ямы выстилался не всегда. Форму изначальных ям сложно проследить, но плиты в любом случае соединялись под прямым углом, размеры аскетичны и редко превышали рост погребенного. В Архоне и Дагоме каменные ящики такой конструкции часто без инвентарные, либо обнаруживают материал, приблизительно, XIV-XVI вв. (не раскапывались). В Дагоме они расположены очень близко друг к другу, а на некоторых участках залегают ярусами в два-три слоя.

Вариант 5. Каменные гробницы более сложных конструкций встречаются реже. Из Даргавса, из раскопок Р. Дзаттиаты происходят Гробница № 1 прямоугольной формы, длина 354 см, ширина 93-104 см, стены сложены из массивных плит шиферного сланца, сверху перекрывалась шиферными плитами, уложенными поперек, перекрытие превышало размеры ямы в ширину. В восточной торцевой стене вырезано отверстие прямоугольной формы с выступом в верхней части, ширина 54 см, высота 41 см, через которое, очевидно, помещались умершие головой на запад. Предназначалась гробница для

многократного использования, определены останки не менее семи погребенных (рис. 3, 3) [4 с. 54].

Гробница №2 была сооружена по типу каменных ящиков, длина 268, ширина 63-97 см, но для коллективного захоронения. Стены были сложены из скального плитняка и скальных обломков в два слоя и перекрыты поперек сланцевыми плитами в один слой. Погребенных помещали в гробницу сверху, головой на запад, так что плиты перекрытия не менее 4-5 раз снимались со своих мест. Предметы из гробницы имеют многочисленные аналогии и датируются XII-XIII вв. [4 с. 55].

Аналогичные каменные гробницы с коллективными захоронениями исследованы на могильнике Курнаят XIII-XIV вв. в Кабардино-Балкарии [5 с. 242-251], а также в Южной Осетии (6 с. 46-47). Каменные гробницы Р. Дзаттиаты считает предшественниками подземных и полуподземных склепов, генетически связанных с катакомбами и каменными ящиками.

4. Грунтовые ямы с комбинированным использованием камня и дерева в одном погребении встречаются реже. Из Дагома происходит мужское погребение, в котором яма подпрямоугольной формы, длина 170 см, ширина 45 см, глубина до 40 см, перекрывалась поперек деревянными плахами, без заплечиков. Дополнительная конструкция состояла из каменной выкладки вдоль всей северной длинной стены из камней среднего и мелкого размера, уложенных на дно ямы вплотную к стене без особой тщательности. Высота кладки не доходила до верхнего уровня ямы и функциональное назначение ее не ясно [3 с. 216-217]. Не ясно также назначение отдельных камней, которые встречаются в погребениях и не имеют определенного функционального значения в конструкциях из дерева. Отмечены случаи, когда шиферная плита стояла в головах погребенного и никак не влияла на фиксацию деревянного перекрытия, скорее всего, таким образом, пытались уменьшить размер ямы. Материал датируется XII-XIII вв.

Смена погребальной обрядности алан от катакомбного до грунтовых погребений происходит не однообразно и не одновременно. По всей видимости, процесс перехода был отягощен сложными глубинными изменениями в духовном и религиозном представлении населения. Между катакомбным обрядом и грунтовками должен существовать какой-то промежуточный вариант, сочетающий в себе элементы предшествующего обряда и нового, при условии генетической связи населения. Промежуточным вариантом, возможно, следует

считать женское погребение в каменном ящике из Даргавского могильника и детское погребение в Архоне в «деревянном ящике». Материал датируется X-XII вв.

Каменный ящик № 2 из Даргавса состоял из трех стен, сложенных из шиферного сланца, отсутствовала северная стенка, длина 217, ширина 70-80 см. Погребенная женщина-воительница находилась в позе скорчено на правом боку с подогнутыми ногами, характерной для катакомбного погребального обряда, головой на юг (рис. 1, 2) [4 с. 55-56, 239].

Погребение девочки 6-7 лет в Архоне, было совершено в яме, заложенной на глубине 200-240 см от СДП, длина 95 см, ширина 52 см. Стены были обложены по всему периметру деревянными плахами, высотой 18-21 см, поставленными вертикально. Поперечное перекрытие из деревянных плах с небольшим расстоянием 5-7 см друг от друга, не превышало ширину ямы. Положение ребенка головой на З, но в позе, характерной для катакомбных захоронений, скорчено на правом боку, лицом на юг, ноги сильно согнуты (рис. 2, 4).

Заключение

Погребальная обрядность алан-осетин представлена по могильникам Северной Осетии двумя основными видами: катакомбы III-XIII вв. и грунтовые погребения позднего средневековья X-XIV вв. (погребения XV-XVIII не представлены).

Катакомбный обряд, имея ряд общих признаков, имел временные и пространственные варианты, как в сооружении катакомб, так и в ритуальном сопровождении. Аналогичная ситуация многовариантности наблюдается и в погребальной обрядности позднего средневековья.

Коллективные погребения в катакомбах сменяются индивидуальными погребениями с устойчивой ориентацией погребенных головой на запад и унификацией их поз. Просторные камеры катакомб сменяются грунтовыми ямами аскетичных размеров. Огромные трудозатраты на сооружение глубоких катакомб значительно сокращаются до сооружения ям на небольшой глубине, в среднем 50-150 см от СДП. Разнообразное обеспечение погребенных в катакомбах всем необходимым сменяется аскетичностью или полным отсутствием погребального инвентаря. Следов посмертного проникновения или посмертных действий с останками не наблюдается. Однако, некоторые ритуальные традиции или их отголоски сохраняются.

В грунтовых погребениях всех представленных типов не было зафиксировано положения рук на груди, как принято по христианским

канонам. Преобладало положение рук вдоль тела или в области тазовых костей-бедр-паха, независимо от пола и возраста, что связано с дохристианским катакомбным обрядом.

Сохраняется в погребальном обряде, хотя и не всегда, ритуальное использование огня, как символа очищения. Уголь фиксируется в области головы, плеч, ног, рук, таза в виде густой подсыпки, россыпи и отдельных углей.

При минимальном присутствии погребального инвентаря, сохраняется почти везде наличие ножа, очевидно, этот универсальный предмет сохранил свою востребованность и особое ритуальное назначение вплоть до позднего средневековья.

В нескольких случаях в Архоне отмечена такая деталь как отсутствие костей правой стопы при полной сохранности костных останков *in situ*.

Анализ погребальных сооружений, инвентаря и ритуального сопровождения выявляет определенную хронологическую последовательность, которая, непременно, будет уточняться и дополняться с появлением новых исследований:

Катакомбы III-V вв., VI-IX вв., X-XIII вв.

Грунтовые погребения в ямах с деревянными конструкциями, X-XIII вв.

Грунтовые погребения в ямах с каменными конструкциями, XIII-XIV вв.

Каменные гробницы, в том числе многоразового использования, XIII-XIV вв.

Каменные ящики из сланцевых плит, XIV-XVII вв.

Следует отметить, что синхронно, но не повсеместно и одинаково, функционировали индивидуальные захоронения в грунтовых ямах с деревянными и каменными конструкциями, каменные гробницы с коллективными захоронениями, катакомбы, и только с XV в. преобладающим типом стали каменные ящики, сложенные из сланцевых плит, которые существовали до XIX в. одновременно с подземными и наземными склепами.

Погребальный обряд больше относится к духовной сфере, раскрывая нам восприятие самого сложного завершающего этапа жизни – смерти, перехода в иной мир. Однако весь процесс погребального обряда, от смерти человека до ритуальных посмертных действий с его телом или останками, в определенной мере, находится в области предположений.

Смена погребальной обрядности алан-осетин определена глубинными и сложными процессами в духовной сфере населения, связанными с изменением религиозных представлений и духовных ценностей, хотя говорить о полной христианизации алан не приходится и в более позднее время. Надо учитывать и обстоятельства массовых или локальных перемещений населения, смешение этнических групп и взаимовлияние культур, локальные предпочтения населения, которые также определяли многовариантность и катакомбной и грунтовой погребальной обрядности алан.

Литература

1. *Бакушев М.А., Леонтьева А.С.* Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013-2014 гг. Т. 1. М.: ИА РАН, 2020. 403 с.
2. *Албегова З.Х., Верецинский-Бабайлов Л.И.* Раннесредневековый могильник Мамисондон // Материалы охранных археологических исследований. 2010. Т. 11. М.: Таус. 489 с.
3. *Шестопалова Э.Ю.* Древний Дагом. 2018. Владикавказ: Издательско-полиграфический центр ИП Цопановой А.Ю. 351 с.
4. *Дзаттиаты Р.Г.* Аланские древности Даргавса. 2014. Владикавказ: Ир. 239 с.
5. *Мизиев И.М.* Средневековые каменные ящики в Верхней Балкарии // Советская археология. 1971. № 4. С. 242-251.
6. *Дзаттиаты Р.Г.* Культура позднесредневековой Осетии. 2002. Владикавказ: Ир. 432 с.

Темпоральность ландшафтов погребальных комплексов позднего
бронзового века по материалам курганных могильников вокруг д.
Усманово (Казбурун)

Н.Б. Щербаков¹

Башкирский государственный педагогический институт им. М.

Акмуллы,

Уфа, sherbakov@rambler.ru

И.А. Шутелева

Башкирский государственный педагогический институт им. М.

Акмуллы,

Уфа, shutelevai@gmail.com

А.А. Гольева

Институт географии РАН, Москва, golyevaaa@ya.ru

Т.А. Леонова

Башкирский государственный педагогический институт им. М.

Акмуллы,

Уфа, leonotan@mail.ru

Современная археологическая наука продолжает решать множество задач как прикладного, так и фундаментального характера, поставленных на предыдущих этапах ее развития, среди которых выделяется основная задача археологии – это интерпретация, отраженной в археологических памятниках, деятельности человека прошлого [1 с. 21, 22]. Анализ современных археологических теорий показывает, что археологическое знание имеет свои объективные границы, поэтому одной и решаемых в настоящее время проблем, стоящих перед археологией, является исследование тех процессов, которые происходят на памятниках, а также необходимость ответа на вопрос, что эти памятники археологии и процессы, происходящие на них, могут значить для людей прошлого и настоящего. Археологическая наука учитывает и изменение в восприятии самих археологических объектов с течением времени [2 с. 153].

Одним из основных археологических объектов, сохраняющим и отражающим все природные и антропогенные воздействия, является ландшафт, без которого невозможно восприятие самого памятника

археологии, находящегося в естественной природной среде. Изучение археологического ландшафта приобретает философское онтологическое значение, это третье измерение – множественность «миров», сохранившихся в изменяющемся ландшафте [3 р. 152–174]. Историческая наука характеризует это явление дефиницией «темпоральности», которая входит и в археологические построения [4 р. 5, 6]. Основное содержание понятия темпоральности в исторической науке связано с определением статуса и содержания таких понятий, как «настоящее», «прошлое» и «будущее», которые в современных научных построениях не решены. В исторической науке существует множество «временных форм», от понимания которых зависит интерпретация исторического источника [5]. Феномен многомерности исторического антропогенного ландшафта понимается во взаимосвязи нескольких понятий: изменения познавательной сферы археологического знания о ландшафте, эмоционального восприятия ландшафта, временность / изменчивость ландшафта как объекта исследования в его исторической ретроспекции и настоящем времени. Эта многофакторность и многомерность, характеризует ландшафт через плюриверсальность, то есть признание множественности подходов к восприятию и пониманию ландшафта. Понятие плюриверсальности в исследовании антропогенных ландшафтов пришло из политологии как понимание множественности равноценных и равнозначных миров, культур, групп и индивидуальных жизненных траекторий. При таком понимании, антропогенный ландшафт становится живым историческим источником, позволяющим исследовать изменяющиеся отношения различных социумов к ландшафту, сохранение культурной идентичности различных социальных групп.

Культурный, антропогенный ландшафт в фокусе темпоральности рассматривается как часть исторически сложившегося природного ландшафта, в его антропогенной и естественной изменчивости, через призму археологического и исторического анализа.

Объектом исследования стал комплекс разновременных памятников, расположенных вокруг современной д. Усманово (Казбурун) Аургазинского района Республики Башкортостан (Южное Приуралье) (рис. 1). Особенности локализации объектов археологии и уникальные способы антропогенного преобразования среды, позволяют на примере археологической округи д. Усманово (Казбурун) исследовать многомерность ландшафтов. Хронологически объекты археологии вокруг д. Усманово (Казбурун) можно разделить на три

группы. Самая ранняя группа памятников состоит из Казбуруновских I – III курганов и Усмановских I – III поселений [6 с. 437–440], она датирована второй половиной II тыс. до н.э. (1890 – 1616 до н. э.) (откалибровано при помощи OxCal по 1 сигма) и связана со срубным и срубно-алакульским населением. Вторая группа памятников хронологически связывается с Новым временем (поселенческий объект и мусульманское кладбище) – конец XVIII – XIX вв. Третья группа объектов связана с современной деревней и кладбищем. Вторая и третья группы памятников относятся к башкирскому населению.

В период позднего бронзового века, с которым связана первая группа памятников археологии, территория долин малых рек стала зоной адаптации групп алакульского населения, пришедшего с территории Центральной Азии. Долины рек Уршак и Дема [7; 8]. Южного Приуралья демонстрируют, как население, пришедшее с территорий с аридным и экстрааридным климатом меняется с перемещением на территорию с континентальным, умеренно холодным, гумидным климатом. В ходе исследования была выявлена особенность архитектуры Казбуруновских I – III курганов. Во всех трех группах, которые, вероятно, были единым погребальным комплексом, разрушенным современными сельхозпостройками и домами, было выявлено отсутствие погребенной почвы. Также фиксировалась значительная перенасыщенность и мощность культурного слоя на прилегающих к Казбуруновским I курганам поселенческих объектах. Это Усмановские II – III поселения позднего бронзового века. Проведенные почвенные исследования позволили зафиксировать и объяснить подобные проявления искусственной трансформации почв на этой группе памятников.

Методами почвенных исследований является определение содержания валового фосфора для всех раскопанных курганов (2009 – 2018) Казбуруновского курганного комплекса, а также было определено количественное распределение фитолитов, поскольку оно часто напрямую связано с хозяйственной деятельностью человека [9 с. 47 – 54]. В большинстве объектов определено содержание органического углерода и кислотность/щелочность почвенных растворов, с целью проверить устойчивость этих свойств во времени. Объекты описывались в сравнении с фоновыми почвами, прилегающими к площадке Казбуруновских I курганов.

Результаты почвенных анализов позволяют сделать вывод о том, что почва, на которой были созданы курганы, не имела верхних 15 – 20

см, то есть была сильно эродирована. Среди причин эродированности можно выделить несколько, из которых две – антропогенного происхождения: искусственное ритуальное снятие дернины и перевыпас скота в основной части гумусового горизонта. Также причиной эродированности может быть природный процесс (опустынивание). Однако, анализ почв Усмановских II– III поселений связывает этот процесс в большей степени с антропогенными факторами.

Комплексный подход к исследованию, привлечение данных физической антропологии и палеогенетики представляет хронологические рамки функционирования Казбуруновских I курганов. В Казбуруновских I – III курганах кроме устойчивой срубной погребальной традиции встречены элементы алакульской культуры, к которым можно отнести погребение в каменной цисте, детско-женский курган с каменной оградкой, камни в погребениях, а также отдельный курган с каменной кладкой, интерпретированный как ритуально-жертвенный комплекс (рис. 2). Курганный могильник функционировал в течение жизни трех поколений, по результатам ADNA. Погребенные и в срубной и в алакульской традиции являлись родственниками [10 р. 1 – 12]. За этот достаточно короткий период жизни трех поколений, процессы опустынивания и перевыпаса скота, с учетом раннего этапа развития пасторализма, не способны нанести такого разрушительного ущерба почвенному покрову. Сходные тенденции антропогенного ландшафта прослеживаются на курганных комплексах Новые Ябалаклы – 1, курганный могильник и Старо-Ябалаклинский курганный могильник, соотносимых с андроновскими влияниями и географически относящиеся к той же Демско-Уршакской группе памятников [11 с. 89; 12 с. 149 – 161; 13 с. 77 – 87]. Площадь каждого из этих курганных могильников значительна (в том числе Казбуруновских I курганов) составляет в среднем 70 – 100 га. Таким образом, можно предположить, что перед проведением погребальных церемоний были подготовлены достаточно большие площадки для дальнейшего строительства курганов, с которых был убран дерн, а площадка была выровнена. Наличие мощных слоев принесенной почвы, в том числе с гипсами на поселениях рядом, позволяет предположить использование данной почвы. Пришедшие группы населения, сохранившие андроновские погребальные традиции пытались воссоздать локальные ландшафты Центральной Азии для консервации и трансляции устойчивых погребальных практик.

Использование территории у д. Усманово (Казбурун) в следующий период связано с Новым временем и башкирским населением. Обнаруженные археологические объекты XVIII-XIX вв., расположенные вокруг д. Усманово (Казбурун) соотносятся с Меркит-Минской и Уршак-Минской волостями Оренбургской губернии [14]. Локализация этих объектов соответствует Позднему бронзовому веку. Поселенческий объект (возможно летовка) также локализуется на полноводной старице р. Уршак, а мусульманское кладбище продолжает Казбуруновские I курганы. Это использование ландшафта в Новое время объясняется как типом хозяйства башкир (кочевое скотоводство), так и их связями с территорией Центральной Азии. Нужно отметить, что современная локализация действующего мусульманского кладбища на площадке Казбуруновских III курганов объясняется теми же требованиями к расположению погребений, что и ранее. Локализация д. Усманово (Казбурун) вплотную примыкает к Усмановскому I поселению.

Таким образом, население, имеющее генетические корни и устойчивые культурные связи с территорией Центральной Азии, а также пасторализм как форму хозяйства (как ранние формы пасторализма, так и кочевой пасторализм, или его пережитки) подбирает и трансформирует ландшафт, сохраняя историческую память о месте своего формирования. Погребальные традиции являются наиболее устойчивой формой темпоральности ландшафта – рациональной и эмоциональной памятью населения.

Литература

1. *Клейн Л.С.* Принципы археологии. СПб.: Бельведер, 2001. 152 с.
2. *Клейн Л.С.* Археологические теории третьего тысячелетия на Западе // *Camera praehistorica*, no. 1 (1), 2018, С. 150–158.
3. *Ingold T.* The Temporality of the Landscape // *World Archaeology*, Vol. 25, No. 2, Conceptions of Time and Ancient Society (October 1993). P. 152–174.
4. *Hicks D.* The Temporality of the Landscape Revisited // *Norwegian Archaeological Review*. 2016. 49:1. P. 5–22. DOI: 10.1080/00293652.2016.1151458.
5. *Савельева И.М., Полетаев А.В.* История и время: в поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.

6. Морозов Ю.А. Усмановский комплекс памятников срубной культуры в Башкирском Приуралье // *Бронзовый век Восточной Европе: характеристика культур, хронология и переодизация*. Мат-лы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 437–440.

7. Горбунов В.С. Срубная общность Восточной Европы. Уфа: Изд-во БГПУ, 2006. 191 с.

8. Рутто Н.Г. Срубно-алакульские связи на Южном Урале / Отв. ред. В.С.Горбунов. Уфа, 2003: «Гилем». 212 с.

9. Гольева А.А., Шутелева И.А., Щербаков Н.Б. Проблематика палеоэкологических реконструкций экспонированных культурных слоев длительного постселитебного функционирования (на примере памятников эпохи поздней бронзы Республики Башкортостан) // *Поволжская археология*. 2018. № 3(35). С. 45-58. DOI:10.24852/ра2018.3.25.45.57.

10. Krzewińska M., Kilinc G.M., Juras A., Koptekin D., Chyleński M., Nikitin A.G., Shcherbakov N., Shuteleva I., Leonova T., Kraeva L., Sungatov F.A., Sultanova A.N., Potekhina I., Łukasik S., Krenz-Niedbala M., Dalen L., Sinika V., Jakobsson M., Stora J., Götherstrom A. Ancient genomes suggest the eastern Pontic-Caspian steppe as the source of western Iron Age nomads // *Science Advances* (ISSN 2375-2548) is published by the American Association for the Advancement of Science. *Sci Adv* 4 (10). P. 1–12.

11. Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1991. 160 с.

12. Горбунов В.С. Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Дёмы // *Советская археология* №1. 1977. С. 149–161.

13. Усманова Э.Р., Мерц В.К., Гюль Э.Ф., Антонов М.А. Головной убор, ритуал и гендерная символика (реконструкция по материалам эпохи бронзы могильника Ново-Ябалаклинский 1) // *Археология евразийских степей*, no. 2, 2022. P. 77–87.

14. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 1: Справочная книга. Уфа: Китап, 1990. 208 с.

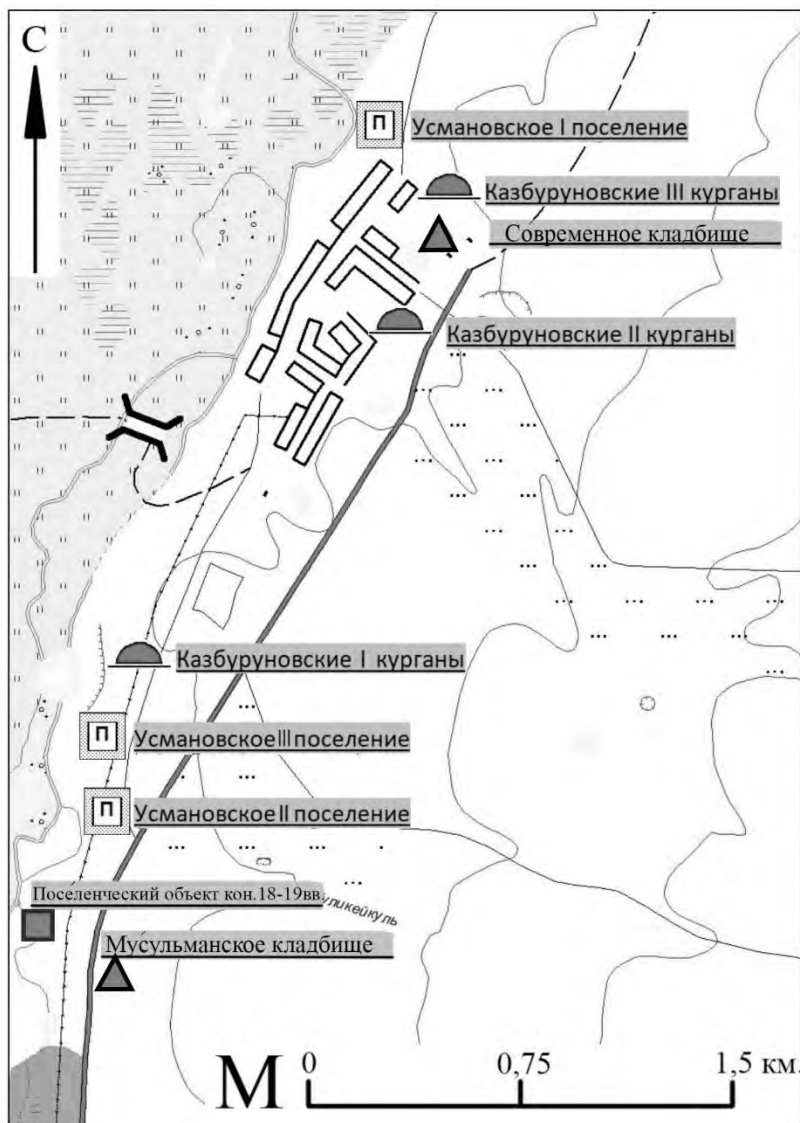
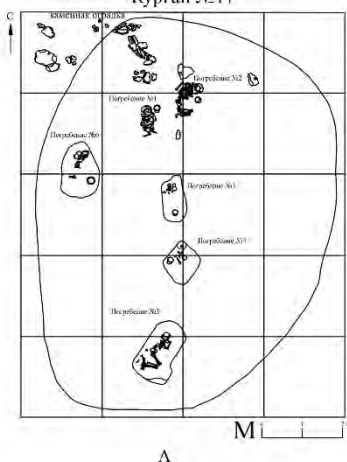
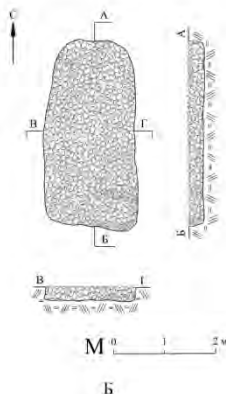


Рис. 1. Комплекс разновременных археологических памятников у д. Усманово (Казбурун).

Казбуруновский I курганный могильник.
Курган №17



Казбуруновский I курганный могильник.
Курган № 22



Казбуруновский I курганный могильник.
Курган №16

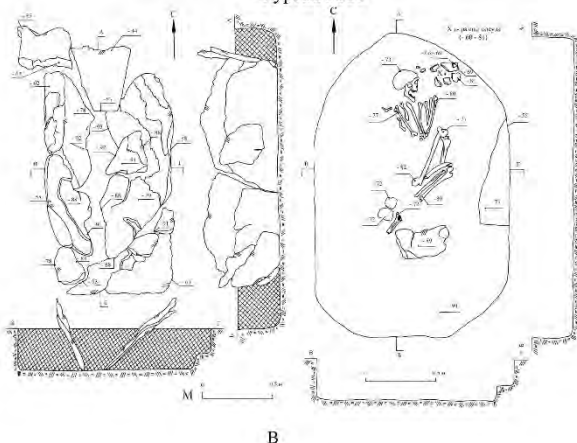


Рис. 2. Алакульские погребальные традиции на Казбуруновском I курганном могильнике: а) женско-детский курган; б) каменное заполнение кенотафа (ритуально-жертвенный комплекс); в) погребение в каменной цисте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Санкт-Петербург

АН – Академия наук

ВолГУ – Волгоградский государственный университет. Волгоград

ИА РАН – Институт археологии Российской Академии наук. Москва

ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН. Санкт-Петербург

ИЯЛ УНЦ РАН – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук. Уфа

КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР/РАН. Москва

МИА – Материалы исследования по археологии СССР. Москва

НГУ – Новосибирский государственный университет. Новосибирск

ОГПИ – Оренбургский государственный педагогический университет

СА – Советская археология. Москва

СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет. Самара

СОИГСИ – Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева. Владикавказ

СЭ – Советская этнография. Москва

ЧГКМ – Челябинский государственный краеведческий музей. Челябинск

ЧелГУ – Челябинский государственный университет. Челябинск

ЧИНИИСФ – Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, социологии и филологии. Грозный

Научное издание

Следы явлений и процессов
в археологических памятниках

*Материалы
международной научной конференции
(Пятигорск, 8-10 апреля 2024 г.)*

Оригинал-макет:

*С.А. Яценко (Российский государственный гуманитарный
университет),*

Е.В. Куприянова (Челябинский государственный университет)

Отпечатано с готового оригинал-макета

Подписано в печать 22.03.2024 г.

Формат 60x84 1/16.

Уч.-изд. л. 9,99. Усл. печ. л. 16,39.

Заказ № 125. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Печатный двор»:
355000, г. Ставрополь, ул. Ленина, 276. 2024 г.